

1. Винница. Муры. Башня. 1610
2. Дворец в Пятничанах. 1770-е гг.

3. Музей-усадьба Н. И. Пирогова в Пирогове
4. Черленковский замок в Селище. XVI в.

5. Дворец в Тыврове. Конец XVIII в.
6. Дворец в Вороновице. 1760-е гг.

7. Михайловская церковь в Ганщине. 1752
8. Дворец в Немирове. 1885

9. Каменный крест в Печере. 1786

10. Надвратная башня замка в Шпикове. Конец XVIII в.

11. Дворец в Тульчине. 1782
12. Дом-музей А. В. Суворова в Тимановке

ПО БРАЦЛАВЩИНЕ

(ОТ ВИННИЦЫ
ДО ТУЛЬЧИНА)

Д. В. МАЛАКОВ

МОСКВА
•ИСКУССТВО•
1982

ББК 85.113(2)1
М 18

СОДЕРЖАНИЕ

1. НЕМНОГО ИСТОРИИ 7
2. ВИННИЦКИЕ ПАМЯТКИ 14
Винница. Деревянный замок. Остров Кемпа. Муры. Иван Богун. Кляштор иезуитов. Доминиканский монастырь. Капуцины. Церковь Николая. Церковь Георгия. Винницкий герб. Музеи. Новая Винница (14). Пятничаны. Дворец. Дионисий Макклер. Парк (39). Стрижавка (41). Грохольские (42). «Вервольф» (45). Пирогово. «Чудесный доктор» (45).
3. ПО БУГУ К ВОРОНОВИЦЕ 51
Селище. Черлениый град. Замок (51). Гнивань (55). Браилов. Монастырь тринитариев. П. И. Чайковский (56). Сутиски (63). Тывров. Костел доминиканцев. Дворец и парк. Памятник В. И. Ленину (64) Вороновица. Дворец и парк. А. Ф. Можайский (72). Ганщина (80).
4. НЕМИРОВСКАЯ СТАРИНА 83
Немиров и Ковалевка. Замок. Борцы за волю. Мануфактуры. Парк в Ковалевке. Могила Дж. Говарда (83). Костел. «Колода». Троицкий монастырь (90). Н. А. Некрасов. Гимназия. Зодчий Ф. Мехович. Художник И. Сошенко. Марко Вовчок. Ф. Лист. О. Бальзак. Таша Пушкина (91). Новый дворец. Архитектор Пехер. Мельницы. Немировское городище (100).
5. СКАЛЫ НАД ВУГОМ 112
Соколец (112). Печера. Городище. Дворец Дуки. Церковь Рождества. Каменный крест (118). Парк и дворец Свейковских. Архитектор В. Городецкий. Мавзолей Потоцких (122). Шпиков. Торков. Копиевка. Чуков. Вовчок (126). Брацлав. Замковая гора. Скарбы Б. Хмельницкого. Николаевская церковь (129).

4901000000-197
М ----- 53-83
025(01)-82

6. КТО ПРОСЛАВИЛ ТУЛЬЧИН _____ 137
Нестервар — Тульчин. Осада 1648 года. Станислав Щен-
ный Потоцкий. Понтонный мост. Дворец и его окруже-
ние. Парк «Хороше» (137). С. Трембецкий. А. Суворов
(151). Доминиканский монастырь. Успенская церковь-
Пушки (155). И. Котляревский. П. Пестель. А. Пушкин.
К. Рылеев. Ю. Словацкий (159). Кирнасовка (166).
Новый Тульчин (167). Одаи — Дранка. Народная укра-
инская архитектура (168). Тимановка (169).

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ _____ 173

1. Немного истории

Описываемые места давно уже не называются Брацлавщи-
ной, и ни на одной современной карте не найти этого слова.
Небольшой тихий Брацлав мало напоминает бывший воевод-
ский и полковой город, он даже не районный центр. Полуза-
бытое название края вынесено на титульный лист потому,
что на пути предлагаемого короткого маршрута, проходяще-
го по нескольким районам современной Винницкой области,
наибольшее число памятников истории и культуры оставило
именно то время, когда Брацлав и Брацлавщина занимали
видное место в общественной и экономической жизни
Украины. С географической точки зрения это земли, лежа-
щие в среднем течении Южного Буга, или, по-старому, Бога,
называемого у Геродота Гипанисом.

Замечательные природные условия — мягкая зима, жар-
кое, но не засушливое лето, полноводные реки и когда-то гус-
тые, сплошные леса — дали начало человеческой жизни в
этих местах еще в эпоху палеолита. Многочисленные архео-
логические находки свидетельствуют о заселении края с дав-
них времен, одних только городищ на Винничине насчиты-
вается свыше пятидесяти.

В летописные времена, по Нестору, «уличи и тиверцы
сидели по Днестру и соседили с Дунаем. Было их множество».
Позднее киевский князь Олег, расширяя владения, взимал
дань и властвовал «над полянами, и древлянами, и северяна-
ми, и радимичами, а с уличами и тиверцами воевал»,
как сообщает «Повесть временных лет» под 885 годом. Вско-
ре Среднее Побужье вошло в состав Киевской Руси, и уже
в 907 году в известный поход на Царьград Олег взял с собой
«тиверцев, известных как толмачи».

В период феодальной раздробленности Киевской Руси эти земли вошли в состав Галицко-Волынского княжества. Так как столичные города этого княжества Владимир-Волынский и Галич располагались: первый — севернее бассейна реки Днестр, а второй — в верхнем течении Днестра, то земли, лежащие южнее их, в нижнем течении множества левых притоков Днестра, получили название — Понизье.

Когда же в 1240 году под ударами орд Батия пал Киев, монголо-татарские завоеватели двинулись на запад и вскоре вторглись в Подолье — так с тех времен стало называться Понизье. Не найдя у западных соседей помощи и поддержки в борьбе с нашествием, галицко-волынский князь Даниил Романович вынужден был признать зависимость от Золотой Орды. Татары разделили на тмы Подольский улус, брали с него дань, а сами кочевали в Диком поле — в степях южнее рек Ягорлык, Синоха, Тясмин.

На богатое, хоть и ослабленное непрерывными поборам Подолье, к тому же контролируемое Ордой лишь временами, стали зариться венгерские, польские, литовские феодалы. В 1362 году великий князь литовский Ольгерд, собрав значительное войско, разбил в битве на реке Синюхе орды братьев Кутлубуга, Хачибяя и Дмитрия. Как сказано в летописи «оттоли от Подолья изгна власть татарскую». Вновь приобретенные земли Ольгерд раздал своим племянникам Федору Юрию, Александру и Константину Кориатовичам, продолжавшим в своей деятельности государственные традиции Киевской Руси.

Вдоль границ Дикого поля братья возвели замки для защиты от набегов беспокойных южных соседей. Эти-то замки и явились основой для роста таких городов, как Винница, Черлени град, Брацлав и др. Конечно, поселения в этих удобных для жизни и обороны местностях существовали задолго до прихода Кориатовичей, что подтверждается археологическими данными. Тем не менее начало упомянутых городов относится к 1362—1363 годам.

После Кривской унии 1385 года, объединившей Польшу окрестившую Литву, усилилось наступление польских феодалов на Украину. В 1434 году они захватили подольские земли вплоть до реки Мурафы, образовав Подольское воеводство, и двинулись на восток. Однако стойкое сопротивление местного населения вынудило их отступить. Среднее Подолье осталось под властью Литвы и называлось по главному городу Брацлавщиной.

Жизнь закрепощаемого крестьянства становилась все тяжелее. К тому же приходилось непрерывно отражать грабительские нападения ордынцев, повторявшиеся почти еже-

годно. Дозорные на степных курганах тревожно всматривались в даль: днем столбы пыли, а ночью зарево оповещало о приближении врага, который шел по водоразделу Южного Буга и Днестра — так называемым Кучманским шляхом. О размерах бедствий можно судить по 1575 году, когда на Подолье, Волыни и в Галиции было взято в плен 55 340 человек, угнано 150 тысяч лошадей, 500 тысяч голов крупного рогатого скота, 200 тысяч овец. И так продолжалось вплоть до конца XVIII века. Строительство почти заглохло, потому что пришельцы из-за Дикого поля все сметали на своем пути.

По Люблинской унии 1569 года Брацлавщина перешла под власть Речи Посполитой и была преобразована в Брацлавское воеводство. Ринувшаяся сюда шляхта захватывала лучшие земли.

Национальное угнетение коренного украинского населения усилилось, будучи дополнено религиозным после принятия в 1596 году Брестской церковной унии. Грандиозные архитектурные сооружения, возводимые католическими и униатскими церквами на кресах* Речи Посполитой, должны были поражать воображение порабощенного народа своим величием, утверждая мощь польско-католической светской и духовной власти — ведь с домонгольских времен из камня здесь не строили.

Интерес Польши того времени к Украине и, в частности, к Подолью не случаен. Об этом свидетельствует и исторический труд француза Пьера Шевалье, современника событий середины XVII столетия: «Украина очень плодородная страна, так же как Русь (здесь — Галиция. — Д. М.) и Подолье, а земля, стоит лишь ее обрабатывать, дает видимо-невидимо всякого зерна, и жители чаще всего не знают, что с ним делать, поскольку реки совсем не судоходны. Украина очень богата также разным скотом, дичью и рыбой, тут масса меду и воску, дерса, которое кроме обычного употребления служит для постройки домов... Крестьяне Украины и соседних провинций — словно рабы, так же, как и в большинстве других частей Польши: они обязаны работать конно или пеше три-четыре дня еженедельно для господ. К тому же они обременены различными арендными платами зерном и домашней птицей за земли, которыми пользуются; обязаны платить десятину от баранов, поросят и всяких земных плодов; а также возить дрова и выполнять другие тяжелые работы; а к тому же — плохое поведение со стороны арендаторов шляхетских земель... которые требовали выполнения всех этих повинностей с большой строгостью, и наконец получили

* Кресы (польск.) — окраины, пограничье.

в аренду право варить пиво и гнать водку. Поэтому не нужно удивляться, что крестьянские волнения были такими частыми и что в последних войнах крестьяне отстаивали и защищали свою свободу с таким упорством. Однако это тяжелое рабство было причиной расцвета всего храброго Запорожского войска, численность которого очень выросла за последние годы вследствие отчаяния, до которого довела народ пограничной земли жестокость шляхты...».

В 1648 году началась национально-освободительная война под руководством Богдана Хмельницкого. И Брацлавщина занимала в ней не последнее место.

«Было время — на Украине
Пушки грохотали,
Было время — запорожцы
Жили-пировали.
Пировали, добывали
Славы, вольной воли.
Все то минуло — остались
Лишь курганы в поле.
Те высокие курганы,
Где лежит зарыто
Тело белое казачье,
Саваном повито.
И чернеют те курганы,
Словно горы в поле,
И лишь с ветром перелетным
Шепчутся про волю», —

писал Тарас Шевченко.

После Андрусовского перемирия 1667 года Брацлавщина, как и вся Правобережная Украина, осталась под властью польской короны. Однако шляхетская Польша настолько ослабла, что не смогла устоять перед натиском Высокой Порты и по Бучачскому миру 1672 года отдала туркам значительную часть Подольского, Брацлавского и Киевского воеводства. Двадцать семь лет, до 1699 года, владычествовало на этих землях созданное турками Сарматское княжество. Трактат «О вечном мире» 1686 года вернул Польше все Правобережье, правда формально, и растерзанный войнами край превратился в пустыню.

Запрет селиться у старых казацких городов Приднепровья привел к массовому передвижению населения на земли магнатов и католических монахов, изгнанных во время национально-освободительной войны. На Подолье, Брацлавщину, Киевщину бежали от помещичьего гнета крестьяне с Волыни, из Галиции, Полесья, Польши, а из России — староверы — фи-

липовцы, или пилипоны, как их называли на Украине. Стремясь удержать крестьян в пустках, польские магнаты, постепенно также возвращавшиеся к прежним «маетностям», давали определенные льготы, или «слободы», освобождавшие на несколько лет от повинностей, позволявшие крестьянам хоть на время почувствовать волю. «Покинь батька, покинь мати, покинь всю худобу, йди з нами, козаченьку, на Україну, на слободу», — пели в те времена.

То были годы подъема земледелия, промыслов, торговли, всей экономики Правобережья. Беря в расчет замечательное трудолюбие украинского крестьянства, вынесшего на своих плечах тяжелейшее многовековое бремя набегов кочевников, татар, турок, а также непрестанных войн XVII века, сумевшего после всех испытаний не только сохранить свою этническую целостность, но и создать развитое, высокопродуктивное сельскохозяйственное производство, польские магнаты, с одной стороны, давая временные свободы, частично способствовали этому развитию, а с другой — все больше и больше закабалляли край.

Через все XVIII столетие прокатываются волны казацко-крестьянских восстаний «гайдамаков» — народного протеста против усиления магнатской колонизации и захвата крестьянских земель. В 1702—1704 годах повстанцы под началом фатовского полковника Семена Палия полностью очистили от шляхты Подолье и Брацлавщину. Широко известна крестьянская война 1768 года — Колиивщина. Ее вожди Иван Гонта и Максим Железняк воспеты в народных думах и в поэме «Гайдамаки» Шевченко.

Но, несмотря на мощные социальные потрясения, магнатское землевладение росло и все более концентрировалось в руках немногих. Подлинными некоронованными подольскими королями стали Лотоцкие. Крупными именами располагали Грохольские, Ярошинские, Свейковские. Наивысшего расцвета магнатская экономика достигла в 1760—1790-х годах.

Характер взаимоотношений крестьян и помещиков на Правобережье, в частности на Брацлавщине, несколько отличался от того, который сложился на Левобережной Украине, а в России и подавно. На Брацлавщине продолжали действовать прежние феодальные отношения, описанные П. Шевалье еще в XVII веке. Кроме слобод здесь очень долго господствовал так называемый чинш — наследственное пользование крестьянами землей с регулярной платой за нее, а затем — продуктовой рента. Варщина же в XVIII веке на Брацлавщине только вводилась. Кроме чисто сельскохозяйственного производства крестьяне занимались ткачеством (ковры и полотна).

смолокурением, производили деготь, поташ, добывали железную руду, чумаковали, то есть ездили за солью и рыбой и торговали ими, и т. п. Будучи связаны с мировым рынком, польские магнаты вывозили через порты Прибалтики, в основном через Гданьск, зерно, мед, поташ и другие товары с Подолья и Брацлавщины. И постепенно взаимодействие магнатского и крестьянского хозяйства, вначале складывавшееся на основе натуральных «взаимоуслуг» феодала и крестьянина, отдававшего свой труд за право пользоваться земельным наделом, принимало новую форму организации сельскохозяйственного производства — собственное помещичье хозяйство — барщинный фольварок. Сокращая сроки слобод, вводя все новые и новые формы аренды и повинностей, магнаты со временем полностью захватили землю и окончательно закрепили ее непосредственных владельцев — крестьян. В немалой степени концентрации землевладения способствовали и брачные союзы знаменитых магнатских родов, стремившихся сосредоточить как можно больше земли в одних руках.

Именно эта социально-экономическая основа и определила размах строительства дворцово-парковых ансамблей, порой не уступавших в роскоши королевским резиденциям Европы, а также величественных «родовых» монастырей и костелов. То было время моды на резиденции в глуши, время правления Екатерины II в России и Станислава Понятовского в Польше — последнего ее короля. Известный меценат, поборник Просвещения, Понятовский памятен в истории польской культуры «станиславовской эпохой», оставившей много замечательных памятников архитектуры и паркостроительно-го искусства и на тогдашних землях Речи Посполитой — в Литве, Белоруссии, Правобережной Украине. Именно это время чаще всего будет упоминаться в нашем путешествии, ибо памятники его наиболее многочисленны и нередко отличаются высокими художественными достоинствами.

Раздираемое внутренними противоречиями, польское государство расшатывалось под ударами конфедераций собственной шляхты, пока не распалось, трижды разделенное между могущественными соседними монархиями — Россией, Австрией и Пруссией. По второму разделу 1793 года Подолье и Брацлавщина отошли к России и образовали Подольскую губернию; в западную часть губерний вошло собственно Подольское воеводство, в восточную — Брацлавское. С этого времени на картах и в официальных бумагах уже не встречается название «Брацлавщина», замененное словом «Подолье».

Под скипетром российских императоров некоторое время еще продолжают процветать могущественные крупные земле-

владения подольских магнатов, еще строятся парки и дворцы. Но католицизм резко ограничивается, а после подавления польских восстаний 1830—1832 и 1863 годов упраздняются кляшторы*, преобразовываемые или в приходские костелы, или в православные монастыри. Затем одна за другой конфисковываются за участие в «польских мятежах» магнатские резиденции, имения дробятся между многочисленными наследниками, перепродаются, переходя чаще всего в руки русских помещиков. Так исчезают социально-экономическая и историческая основы для строительства роскошных палацев** и парков. Этому способствует и реформа 1861 года, а также развитие капиталистических отношений, все сильнее и глубже проникающих в деревню.

А еще раньше, в 1803 году, синодальный указ, запретивший строить церкви в «малороссийском» стиле, наносит тяжелый, непоправимый удар украинскому национальному зодчеству. Великодержавный шовинистически-официозный «русско-византийский» стиль, встретивший сопротивление со стороны помещиков-католиков при ничтожных «вспомоществованиях» крестьян, не оставил здесь замечательных памятников церковной архитектуры.

Все сказанное — это лишь предельно краткое историческое «введение» к тем «дорогам к прекрасному», которые предстоит пройти в предлагаемом путешествии.

Автор выражает глубокую признательность работникам музеев и архивов, а также краеведам и старожилам, сообщившим много интересных подробностей: Г. Г. Брилингу, О. О. Брилингу, В. И. Гайдею, Л. Ф. Кожушко, Ю. И. Кульматичкему, К. М. Марценюк, М. Г. Ризныку, З. О. Росчаховской.

* Кляштор (польск.) — католический монастырь.

** Палац (польск.) — дворец.

2. Винницкие памятки

На территории, занимаемой современной Винницей, человек селился с незапамятных времен. Археологи нашли здесь орудия труда эпохи неолита, погребения бронзового века, раннеславянские поселения, относящиеся к черняховской культуре; позже тут жили племена, входившие в состав Киевской Руси, Галицко-Волынского княжества. После монголо-татарского нашествия жизнь на некоторое время уходит с берегов Южного Буга.

Основание Винницы связано с именем Ольгердова племянника Федора Кориатовича. В 1363 году он заложил деревянную крепость на высокой круче, ниже впадения в Буг левого его притока — реки Виннички. Урочище Замковая гора, обращенное лет сто назад в каменоломни, в 1890 году исчезло совсем, превратясь в фундаменты городских домов и мостовые. Название «Винница» встречается уже в документе, подписанном 13 июня 1385 года в Кракове королем Владиславом Ягелло. Из многих версий, объясняющих название города, пожалуй, наиболее вероятны те, которые основываются на следующих словах: «винница» — винокурня, где варились пива винные; старославянское «вѣно» — посаг, приданое, полученное Кориатовичами; и Винничка — речка.

Небольшой деревянный замок в ряду других степных укреплений, конечно, не радовал ордынцев. С 1400 по 1569 год он подвергался тридцать раз только крупным нападениям, горел и снова вставал над Бугом. Макет винницкого замка можно увидеть в Областном краеведческом музее.

Был замок невелик и представлял в плане прямоугольный размер примерно пятьдесят на семьдесят метров. Стены, сложенные городнями из сосновых и дубовых рубленых брусев в клеть, имели длину около шести метров каждая. С внутренней стороны стена представляла плетенку наподобие тына — из лозы с глиняной обмазкой. Поверх шестиметровой глухой стены устраивался крытый рубленый парпет — бланкованье, или обланки, — в котором оставляли отверстия для стрельбы — подсябитья (под сябить) — из гаковниц или ружей. Со стороны двора вдоль стен тянулись сараи — кладовые; крыши их служили помостом, где складывались разные припасы для обороны — колодки, камни и т. п.: в нужный час обороны все это летело на головы врагов, а в час затишья собиралось и снова складывалось на помост, — оружие тогда было многократного употребления. Здесь же стояли деревянные корыта с водой на случай пожара. По углам и над воротами высились рубленые башни — вежи с выходом на бланкованье. В башнях были установлены пушки. Проезд воротной башни закрывал подъемный мост — узвод. В центре двора стояла церковь Покрова, рядом располагались служебные и хозяйственные постройки. Тут же колодец и тайный ход к реке. Днем по бланкованьям ходили сторожа, ночью — кликуны. И только временами замок охраняла специальная военная стража — гарнизон драбов. Именно временами, потому что отнюдь не всегда был замок грозен и неприступен. Так, по ревизии 1471 года в нем имелась только одна пушка и две пищали.

Во второй половине XV века Винница по привилею* Александра Казимировича уже пользовалась магдебургским правом. Самоуправление осуществлялось выборным магистратом, куда входила рада — совет из восьми человек во главе с бургомистром, лава — суд из пяти лавников с войтом во главе и гмина из двенадцати человек. Ремесленники объединялись в цехи, а в Краеведческом музее можно увидеть старинные цеховые знаки. Быстрому росту экономического значения города способствовал также торговый тракт из Молдавии в Москву. Во времена Ивана III между двумя государствами завязались активные торговые связи.

В XVI столетии еще больше участились набеги крымчаков на подольские земли, и винницкий замок порой уже не вмещал всех стремившихся в нем укрыться. В 1541 году татары особенно жестоко опустошили окрестности Винницы

* Привилей (польск.) — привилегия, жалованное право.

*Винница. Murы. Башня.
1610 г.*

и захватили много пленников, которых, правда, удалось отбить. Внимая жалобам старост, король Сигизмунд I направил сюда своего секретаря Льва Патеевича Тышкевича, и королевский комиссар в «Попису Замком» 1545 года подробно изложил увиденное. Да, винницкий замок был «вельми мал и деревом вельми тонким роблен и еще не в замок стены, праве бы одни на все дыры и не вем, где бы инде так просто замок роблен был, яко тот здешний: не толко людем в час пригоды од навалного неприятеля негде запертися и обороны одколь вчынити, але и быдла страшно заперти». Вооружение винницкого замка состояло из трех пушек — «дел спыжанных» длиной две по одинадцать пядей, третья — десять с ядрами к ним, размером в гусиное яйцо, да еще двадцать гаковниц и тридцать девять аркебуз. Но на три пушки — гарматы было два пушкаря — гармаша. Как не вспомнить тут старинную украинскую шутку о пушечной пальбе: «як зарядили, як бабахнули, то тільки своїх двадцять чоловік полягло, а що вже —

*Винница. Вид города.
Акварель Н. Орды.
1870-е гг.*

там!..» Да и в годы мирного затишья состояние замка оставляло желать лучшего: ведь от постоянного контакта с земляной засыпкой древесина гниет, «частокрот вітер великий верхи вздирает» и т. д.

Поэтому в 1558 году возвели новый замок на более неприступных земляных валах островка Кемпа (теперь — Фестивальный), лежащего против правобережного холма, огibaемого Бугом. Был тот замок тоже деревянный, и в 1580 году его сожгли татары. В огне погибли все жалованные городу грамоты, а с ними и без того куцые права мещан. Старостинские обирательства не имели границ, и возмущение жителей часто приводило к восстаниям, например в 1541 и в 1560 годах, когда городская беднота выбрала своего воита Яцка Палагенко, казненного потом карателями.

В 1598 году в Винницу были переведены все правительственные учреждения, и она стала столицей Брацлавского воеводства, потому что Брацлав еще чаще подвергался нападениям татар, да и беспокойная Запорожская Сечь нахо-

дидась близко. Это обусловило следующий этап роста Винницы — застройку правого берега Буга. Новое расположение замка, занявшего важнейшее место в структуре города, сформировало и планировочную сеть улиц Правобережья, пучком сходящихся к мосту, позже переброшенному на замковый остров Кемпа, а с него — на левый берег. Эта схема улиц существует и ныне.

Но для покорения коренного украинского населения одного только вновь восстановленного замка было мало, и на помощь пришел католицизм.

В 1610 году староста брацлавский Валентин Калиновский пожертвовал тридцать тысяч злотых и два села для монастыря водворившихся в Виннице иезуитов. Они построили громадный костел, коллегиум (школу), конвикт (общежитие), окружив их, подобно крепости, толстыми кирпичными стенами с башнями по углам. Монастырский ансамбль разместился в нагорной части правого берега, видимый издалека, доминирующий над рекой. Его «мурованные» построй-

*Винница.
Костел иезуитов.
1610 г.*

→

ки в свое время произвели сильное впечатление капитальностью и добротностью, и с тех пор за ними закрепилось название Муры (от латинского murus — стена).

В 1616 году, в противовес кляштору иезуитов, был основан православный Преображенский монастырь. И началось соревнование двух вероисповеданий — жестокая, непримиримая, прикрытая маской «благочиния» борьба. В 1621 году в Виннице появляются доминиканцы, которым староста Ян Одрживольский дал место в Мурах, рядом с иезуитами, и большие маетности. И они построили монастырь. Еще через пять лет открывается второй православный монастырь — женский Благовещенский. Важную роль играли повсеместно возникавшие тогда православные церковные братства, в Виннице — братство Козьмы и Демьяна, организованное вскоре после Люблинской церковной унии; украинская братская школа просуществовала в Виннице рядом с Мурами около двухсот лет. В 1632 году при содействии выдающегося деятеля украинской культуры митрополита Петра Мо-

гилы и брацлавского подсудка* Михайла Кропивницкого был открыт православный коллегиум при братском Вознесенском монастыре. Но через семь лет проискамииезуитов коллегиум закрылся. А в 1645 году при женском православном монастыре снова была создана братская школа. И так — на протяжении жизни одного-двух поколений!

Одновременно с идеологическим нажимом усиливался натиск централизованной королевской власти. Но винницкие мешане добились своего, и в 1640 году король Владислав IV дал городу грамоту взамен погибших при пожаре в замке, по которой возобновлялось право магдебургского суда, подробно излагались порядки выборов должностных лиц, их отношения к старостам и т. п. Однако королевские привилегии и гарантированные ими выгоды касались в первую очередь и главным образом поляков и католиков вообще. Поэтому, когда после многих лет суровой, открытой и тайной борьбы вспыхнула в 1648 году национально-освободительная война, Винница заняла в ней видное место.

Седьмого июля повстанцы во главе с полковником Максимом Кривоносом освободили Винницу от шляхетских войск. Разумеется, костелам досталось... В ноябре 1649 года в городе останавливался сам Хмельницкий, возвращавшийся с полками из-под Зборова после заключения перемирия, по которому и Винница включалась в число городов, где гетман держал свой гарнизон.

Но в начале 1651 года польско-шляхетские войска, нарушив перемирие, вторглись в Подолье. К Бугу приближался коронный гетман Марцин Калиновский. 11 марта его двадцатитысячный авангард показался близ города. В Виннице же, в укрепленном Вознесенском монастыре находилось три тысячи казаков под началом Ивана Богуня.

Намереваясь внезапным ударом захватить город, командир авангарда Лянцкоронский бросил в бой с вышедшим навстречу отрядом казаков своих вышколенных крылатых гусар. Они построились полумесяцем и начали уже окружать небольшой отряд. Но тут богунцы ринулись на левое крыло противника, смяли и опрокинули гусар и, прорвав их строй, устремились к реке, увлекая за собой превратившийся в длинную колонну «полумесяц». Притворившись бегущими в панике к спасительным стенам монастыря, казаки заманили увлеченных погоней гусар на лед Буга, где заранее были подготовлены присыпанные соломой и снегом проруби. «Тогда Богун полковник Винницкий под Винниц-

* Подсудок (укр.) — помощник судьи, писарь в суде.

ким монастырем на речке Богу проломы поделавши, ляхов потопил», — лаконично отмечает летописец. Началась осада. Многократные штурмы монастыря ни к чему не привели. На третий день Богун предпринял смелую вылазку-разведку и, вступив в бой, скоро был узнан шляхтичами по блестящему нагруднику. Со всех сторон к нему бросились враги — один ударил по голове древком, другие повисли на руках и ногах, стараясь стянуть с седла. Но Богун, отличавшийся необычайной силой, стрянул с себя жолнежей, как груши с дерева, вырвался и, отбиваясь саблей, поскакал на правый берег. По пути провалился в одну из своих прорубей, но верный конь выкарабкался из ледяной воды, а на другой день Богун снова был в бою. «Зачарованный», «характерник»* — называли его в народе, а также в песнях лириков и кобзарей. Вскоре пришла весть, что на помощь осажденным Хмельницкий послал Уманский полк Иосипа Глуха и Полтавский полк Мартына Пушкаря. Противник поспешил отойти, но был настигнут погоней в Якушинецком лесу под Винницей и уничтожен. Позже, встретив Богуня, Хмельницкий сказал: «Тебя, славный полковнику, не забудет народ никогда».

Слова эти стали вещими. Там, где теперь построено здание школы № 3, где берег крутыми уступами сбегает к реке, круглясь глыбами затаившихся в земле гранитных массивов, стоит в саду сложенный из гранита памятник с мраморной доской в честь полковника Ивана Богуня и победы под Винницей. В Краеведческом музее экспонируется диорама «Разгром польско-шляхетских войск отрядами казаков и мешан во главе с И. Богунем в Виннице. Март 1651 г.», выполненная художниками Студии им. Грекова.

В сложной политической обстановке после смерти Хмельницкого, под властью Польши, Турции минул XVII век, из памятников которого уцелели только постройки в Мурах.

На пересечении современных улиц Володарского и Полины Осипенко сохранился участок крепостных стен с угловой башней (1610—1617), сложенных из крупного красного кирпича на гранитном основании. Суровой силой и неприступностью веет от высоких, слегка наклоненных внутрь двора стен — муров. Строчка крошечных квадратных бойничек, тонкий поясок тосканского фриза сбегают на стены с массивной угловой яшки, равной им по высоте. Форма ее напоминает огромный колокол, расправленный на квад-

* Зачарованный, характерник (укр.) — заколдованный, чародей, человек с волшебным характером, обладающий огромной силой воздействия на окружающих.

ратном плане. Скругленные углы фланкированы пилястрами, расширяющимися, следуя колоколообразному силуэту башни, книзу. Подобный прием усиливает пластичность образа этого интересного памятника раннего барокко.

Та же суровая массивность присуща облику и самого костела иезуитов (1610—1617), хотя многое унесено разрушениями, пожаром и перестройками. Это тяжелое, грубо, как бы «вчерне» декорированное сооружение стоит в углу квадратной в плане территории муров, обращенное фасадом к улице Ленина. Еще и теперь, в окружении крупных современных зданий, среди больших деревьев костел иезуитов весьма заметен своей грузностью. Три нефа, цокольный этаж, крестовые своды. Среднему нефу отвечает на фасаде ризалит с четырьмя пилястрами тосканского ордера, несущими раскрепованный треугольный фронтон.

Композиционное решение фасада подсказывает возможность существования двух угловых башен. Парапет на их месте, как и оконные проемы и сандрики на фасаде, появились на рубеже XIX—XX веков. Тогда же при планировке улицы и подрезке грунта обнажился цоколь и была устроена ажурная чугунная лестница, стилистически чуждая фасаду.

К противоположному торцу костела, со стороны хора, то есть алтарной части, примыкает вытянутый в глубину двора монастырский корпус. Многократные перестройки, поновления, частая смена хозяев зданий бывшего монастыря с трудом дают теперь возможность догадаться о прежнем облике сооружения. Построенный параллельно линии берега, монастырь сползал к реке, и об этом напоминают три громадных контрфорса, опирающиеся в ровную гладь белых стен между маленькими, без наличников окнами. Прimitивная грубость контрфорсов скрашена крупным объемом каплицы, пристроенной к той же восточной стене костела. Каплица отличается от храма большей живостью оформления, хоть частично и утраченного. Хороши нарядные, энергично проработанные наличники ниш — фальшивых окон. Но... и здесь следы неудачных поновлений: приплюснутые фронтоны, стесанные капители и базы пилястр исказили выразительность прежнего облика. А как живописна была высокая красная черепичная крыша с заломом!

К сожалению, эта характерная деталь не возобновлена после реставрации и на двухэтажном крыле монастырского корпуса, выступающем пристройкой во двор с западной стороны костела. Фасад пристройки декорирован со сдержанной пышностью раннего барокко: высокий двухъярусный фронтон с полукруглым завершением, ниши и упрощен-

ные вазы по краям, характерные барочных пропорций окна в наличниках с ушками, белизна штукатурки.

Параллельно корпусу бывшего иезуитского костела, выше по склону, стоит длинное невзрачное двухэтажное здание келий.

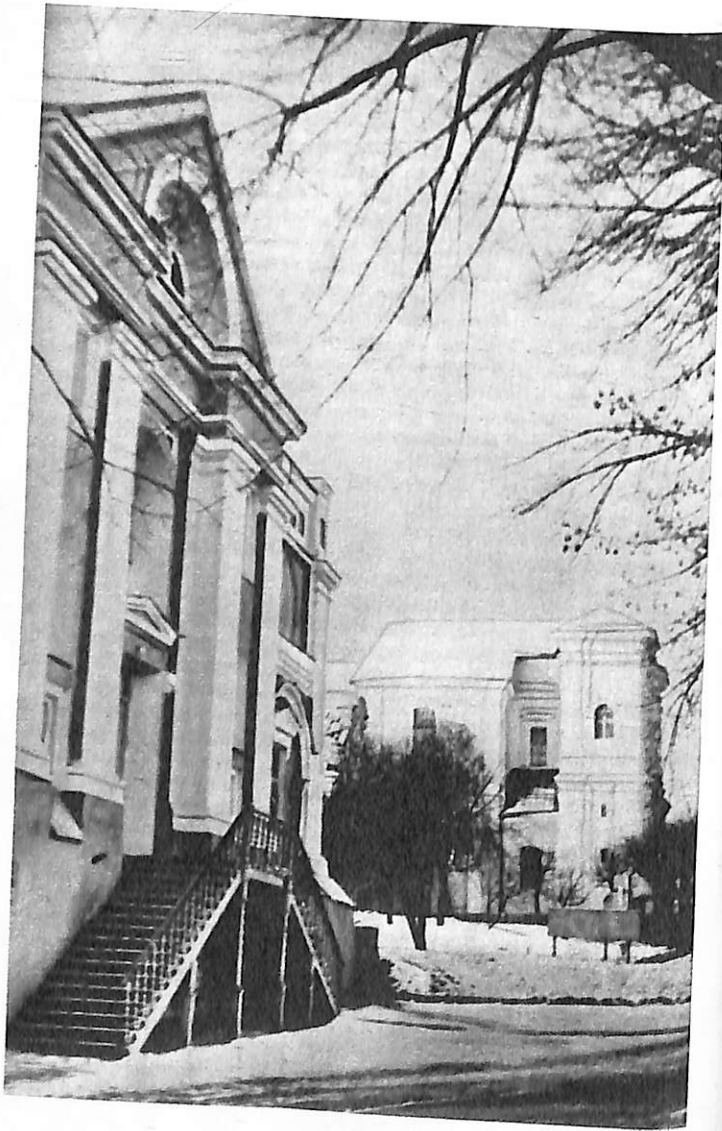
Перспективу двора замыкает художественно чуждый, выпадающий из сложившегося ансамбля стеклянный фасад Винницкого краеведческого музея, экспонаты которого уже вспоминались и еще не раз вспомнятся на страницах «путешествия к прекрасному».

Выше корпуса келий, фасадом на улицу Ленина, старейшую транспортную артерию города, бывшую Почтовую, а еще раньше — Летичевскую дорогу, выходит другой архитектурный ансамбль — монастырь доминиканцев.

С вступлением в Винницу казаков Максима Кривоноса доминиканцы бежали в соседний Черленков и только через сто десять лет при поддержке можновладцев* вернулись в Муры. Михал Грохольский, брацлавский судья и магнат, восстановил («репаровал») в 1758—1760 годах доминиканский монастырь. Крипта костела стала родовой усыпальницей графов Грохольских.

В 1835 году царское правительство упразднило доминиканский клаштор, а через четыре года костел стал православным собором. Для придания ему должного «благолепия» на фасадных башнях возвели фальшивые шатровые завершения, а третье такое же поднялось над специально устроенным фальшивым барабаном под средокрестием. После Октября все три шатра убрали, а немного позднее исчезли и башни. Высота сохранившейся части здания доходит до карниза второго яруса. Однако переделки почти не изменили первоначального плана этого несомненно интересного памятника, представляющего компактный, рационально решенный ансамбль, который состоит из костела и монастырского корпуса. Объемно-пространственное построение клаштора основано на строгой взаимосвязи функциональности и формы. Костел в плане представляет собой прямой крест с очень короткой продольной «перекладной» — трансептом. Своей вершиной — хором — крест как бы «вставлен» в проем огромной буквы «П», составленной корпусами келий, замыкая в каре маленький внутренний дворик — атриум. Пазухи — запады между наружными стенами хора, трансепта и корпуса келий заполняют баптистерий (крещальня) и сакристия (ризница), которые служат переходными звеньями между самим костелом и монастырским

* Можновладец (польск.) — могущественный властелин.

корпусом. Классический итальянский атриум включает традиционную аркаду лоджий; здесь же проемы арок были заложены и устроены обычные окна, освещающие сводчатый коридор, двери из которого ведут в кельи. Наружные стены двухэтажного корпуса келий почти лишены декора и только симметричные фасады — торцы, примыкающие к углам трансепта, оформлены рустикой, нишами и характерными для раннего барокко высоко поднятыми фронтонами. Их декор очень близок по рисунку фронтону западной пристройки к монастырю иезуитов. Ведь строилось все это в одно время: в начале XVII века. Значительно богаче украшен фасад доминиканского костела. Его нижний ярус, расчлененный раскреповками, деморируют плотно теснящиеся пилястры тосканского ордера, сгруппированные соответственно расположению прежде существовавших угловых башен. В этих местах стена между пилястрами круглится, придавая фасаду живость, усиливая игру светотени. Архитектурное убранство второго яруса, несмотря на то,

*Винница.
Костелы иезуитов
и доминиканцев*

*Винница.
Старгородская церковь
Николая. 1746 г.*

что оно вторит оформлению нижнего этажа, отмечают уже некоторая сухость и эклектичность: упрощенные капители пилястр, форма скон и рисунок их наличников, неувязка по высоте и профилю карниза с карнизом старого здания костела — все это результаты переделки XVIII века.

Зодчие же предшествующего столетия «играют» архитектурными формами весело и задиристо. Торцам трансепта, как и торцам фасадной части, придана в плане та же мягкая, легкая выпуклость, которая наряду с гладью большой оштукатуренной поверхности стены усиливает композиционный акцент на главном фасаде здания.

Интерьер храма раскрыт на всю высоту. Главное его украшение составляют пышные коринфские капители пилястр, богатое нагромождение нарастающих, словно в унисон аккордам органа, линий антаблемента. Нынешняя однотонная мрачная окраска стен, сводов и декора снижает художественную выразительность внутреннего пространства памятника архитектуры.

В целом компоновка и оформление кляштора соответствовали и пропагандистской цели: с одной стороны, великолепный, богато декорированный костел, «храм божий», с другой — скромные, нарочито аскетически строгие, лишённые какого бы то ни было украшения гладкие стены корпуса келий, с маленькими окнами, со скрытым от посторонних глаз внутренним двориком — простая обитель «слуг божьих».

Недалеко от Муров, по другую сторону улицы Ленина высятся на пригорке легко угадываемое за современной декорацией лектория здание третьего винницкого католического монастыря, занимавшего когда-то значительную территорию.

Торжественная месса при закладке кляштора ордена капуцинов св. Франциска состоялась в 1744 году. Пели два хора, палили из пушек, а сам фундатор магнат Калиновский истою возносил благодарность небесным покровителям, распластавшись на земле крестом.

Этот монастырь не имел «фундушей» в виде сел или других маестностей, его штат из тринадцати-пятнадцати монахов вел полубродячую жизнь, пробавляясь ремесленничеством: варили пиво, белили воск, лили свечи, выращивали саженцы и влияли на мирян так тихо и незаметно, что смогли просуществовать до 1888 года, когда все прочие католические монастыри уже были упразднены...

Спрямоленный и отделанный под цементную «шубу» фасад лектория скрыл прежний облик костела, построенного в форме трехнефной базилики: острый треугольный фронтон высоко поднятого среднего нефа с круглым окном в тимпане, упрощенные волюты над боковыми нефами, большое лучковое окно без наличника меж едва заметных, легко прочерченных угловых лопаток. Таким был скромный, строгий декор храма. Ведь по статусу ордена пышные украшения костелу не полагались. Одна маленькая живописная башенка с изящной луковкой над точеными колонками, так называемая сигнатурка, помещавшаяся на коньке высокой двускатной черепичной крыши, над алтарем, служила ярким воплощением жизнерадостного стиля барокко.

Слева к костелу примыкает двухэтажный братский корпус, фасады которого получили простое, «суровое» оформление. Белизна ровных стен, хорошо найденные масштаб и пропорции монастырских построек, группирующихся в одну неразрывную массу вокруг костяка композиционной структуры — костела, — производят выгодное впечатление своей соразмерностью человеку.

По строгому статусу ордена в кельях не полагалось иметь отопительные печи. Но... по подпольным каналам

в комнаты поступал горячий воздух от большой печи на кухне. Интересно решалось и водоснабжение в монастыре: громадный колодец диаметром в шесть метров имел глубину до поверхности воды тридцать пять метров. Для подъема воды служило большое деревянное колесо ворота, приводившееся в движение старинным крепостным способом — с помощью работника, переступавшего по широкому ободу, обитому брусками. Для отвода стоков устроен был подземный канал к Бугу. Кстати, подземными ходами соединялись все три кляштора.

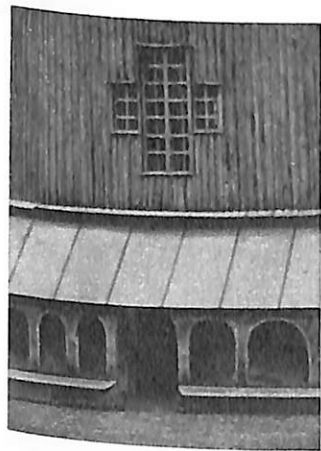
Их объединяли не только ходы, но и вся деятельность, остро классовая. Монастыри были одновременно арендаторами, крупными землевладельцами, банкирами, учебными и религиозными заведениями, наконец — крепостями. Многогранность их функций характеризуют и так называемые «юридики» — большие участки городской территории, принадлежавшие монастырям, которые устанавливали для мещан, чьи дома стояли на юридиках, свои законы.

Ниже монастырей, на склонах, обращенных к Бугу, ютились в необыкновенной тесноте и антисанитарии домики еврейского района Ерусалимка...

В застроенном тремя католическими монастырями, многочисленными заезжими дворами и лавками Новом городе в XVIII веке не нашлось места для приходской церкви, и ее поставили за рекой, в Старом городе, ниже той горы, где находился первый замок. И теперь стройный силуэт, напоминающий трехмачтовый парусник, «пльвущий» среди крыш и садочков на склонах левого берега Буга, заметен издали.

Церковь Микола рублена из дубовых колод, как гласила традиционная надпись на косяках входной двери, «старанием ктитора Антона Постельника во имя Отца и Сына и Святого Духа Аминь. Сооружился храм сей Святителя Христова Николая року Божия 1746 месяца апреля 11 дня». Церковь сохранилась.

Это замечательный образец развитого к тому времени до высокой степени совершенства характерного украинского типа трехчастных церквей. Три сруба, собранные в компактный объем, имеют срезанные углы, образующие три восьмерика. Чуть наклоненные внутрь стены перехвачены по высоте горизонтальными членениями, делящими весь объем на ярусы. Первый невысокий, в рост человека ярус опасанья. То есть опоясывания, — навес над аркадной галереей. Он предназначен для защиты фундамента от дождевой воды и одновременно служит как укрытие в непогоду. Второй ярус — от кровли опасанья до карниза полукруглой

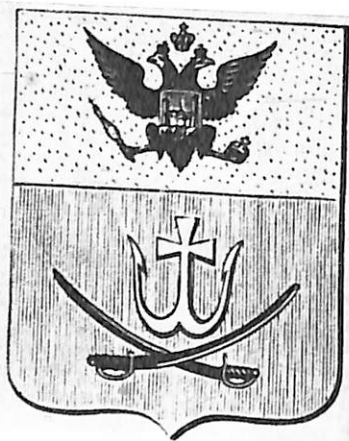

*Винница.
Старгородская церковь
Николая. Фрагмент*

крыши срезанного шатра — самый высокий. Здесь в среднем срубе устроено большое, в форме прямого креста окно. Еще выше следует второй ярус восьмериков, снова под округлыми крышами срезанных шатров, крытыми раньше гонтом, а теперь железом; и, наконец, маленький восьмерик — глухой барабанчик под главкой, увенчанной ажурным, тонкой кузнечной работы четырехконечным крестом, по давнему обычаю поставленным на полумесяц.

Еще виртуознее выполнен кованный прямой восьмиконечный крест над небольшой колокольной-башней, ровесницей самого храма. Двухъярусный, квадратный в плане деревянный сруб колокольни, не зашелеванный досками, завершен шатром с главкой и вставлен в мурованные из гранита мощные угловые контрфорсы.

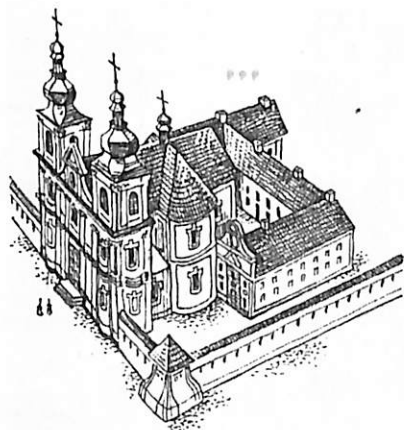
Крутой свес кровли, опоясывающей первый ярус, вместе со стремительным взлетом шатра создают ощущение легкости, придают всему сооружению изящный, законченный пирамидальный силуэт. Важная подробность, восходящая

*Винница.
Герб города.
1796 г.*

ко времени оборонительного церковного зодчества: колокольня поставлена не по оси храма, а на углу огражденного гранитной стенкой церковного подворья, чтобы в случае нападения врагов колокольня могла служить крепостной башней, из которой простреливаются две стены укрепления. Сравнительно недавно в винницком предместье Старые Хутора стояла еще одна деревянная церковь — Георгия (1726). Несмотря на незначительную разницу в возрасте — всего в двадцать лет, она принадлежала к более старому, даже архаичному типу храмов — с еще прямоугольной формой срубов и пирамидальными рублеными перекрытиями. Эта первичная форма клетки сохранилась в очень немногих памятниках народного церковного зодчества, уходящего корнями в глубь веков.

После присоединения Подолья к России Винница стала губернским городом, но после учреждения Подольской губернии с центром в Каменце была переведена в штат уездного города.

*Костел доминиканцев.
Реконструкция
Д. В. Малакова
Винница.*

В описании винницкого герба 1796 года сказано: «В 1650 году королем Яном-Казимиром дан сему городу герб, который изображает в красном поле золотую уду, на два жала в стороны разделенную, а в корни содержащую крепость, под которою косым крестом же положены два меча натурального вида». Из капитальных построек в это время по-прежнему выделялись каменные громады трех кляшторое Замка уже не существовало, и только на Кемпе в земляном укреплении имелось «строение для содержания арестантов».

Развитие Винницы пошло гораздо быстрее после постройки в 1870 году вблизи города железной дороги Киев—Балта—Одесса. Появились фабрики и заводы, в городе стали строить каменные здания. Росли новые, правильно распланированные кварталы на Левобережье, в так называемом Завалье (за валами), или Замостье, Забужье — между рекой и железной дорогой. В Новом городе планировочная сеть улиц сходится пучком к мосту через Буг, а

*Винница.
Жилой дом.
Конец XVIII в.*

главной магистралью по-прежнему служит улица Ленина. Другие транспортные трассы расходятся по краям огибаемого рекой выступа горы и пересекаются поперечной магистралью, словно пояс талию стягивающей выступ горы — от моста к мосту через Буг: это улица Козицкого, бывшая Купеческая.

Названия улиц старой Винницы повторяли традиционный для всех городов Российской империи набор: Дворянские, Монастырские, Купеческие, Торговые, Садовые, Полицейские и т. п.

Провинциальной претенциозностью веет и от названия тихой, уютной улочки Большая Бульварная (теперь — 9 Января), где в доме № 5 жил год до начала первой мировой войны выдающийся военачальник командир 8-й армии генерал А. А. Брусилов. Об этом напоминает мраморная доска на двухэтажном особнячке с пристроенным «модерновым» крыльцом и вставкой-рельефом в том же стиле. Портрет города, описанный Брусиловым, краток и то-

*Винница.
Дом А. Бруилова*

чен: «Винница — очень хорошенький, уютный городок, живописно расположенный на холмистых берегах красивой реки Южный Буг, — удивительное сочетание культуры и захолустья одновременно. Рядом с целыми старосветскими усадьбами в садах и огородах посреди города — театр, который смело можно перенести в любую столицу, шестиэтажная гостиница с лифтом, электричеством, трамваи, водопровод, прекрасные парные извозчики. И тут же боковые улочки и переулки, заросшие травой, и мирно разгуливающие поросята, куры и цыплята».

Вторая мировая война, причинившая жителям Винницы большие страдания, а городу разрушения, унесла старый театр, Народный дом, но многое от прежних времен все же сохранилось.

В самом центре города, близ пересечения улиц Ленина и Козицкого, выделяется светлое трехэтажное здание бывшей городской Думы (1911) в «новогреческом» стиле. Массивные каннелированные полуколонны дорического орде-

*Винница.
Особняк
на ул. Первомайской.
Начало XX в.*

ра, несущие своеобразно трактованный фронтон, крупный рисунок «греческого» парапета соседствуют с высокими прямоугольниками окон новой архитектуры, над которыми помещены городские гербы: «золотая уда» и «два меча натурального вида», имеющие, впрочем, вид сабли. По цветовому решению интерьеров все здание называлось прежде «белым залом». Оно памятно революционным прошлым: здесь 17 января 1918 года была провозглашена Советская власть в Виннице.

Поодаль на углу выделяется знаменитое здание гостиницы бывш. «Савой» (1912), и сегодня украшающее город. Это — эклектичное по своему архитектурному решению сооружение, отличающееся тщательной проработкой мелких деталей. Все призвано подчеркнуть «роскошь» отеля. Шестой этаж был мансардным. Мемориальная доска напояминает о временах гражданской войны: в марте 1919 года здесь помещался штаб Первой Украинской Советской дивизии, которой командовал Н. А. Щорс.

*Винница.
Особняк на ул. Чкалова.
Начало XX в.*

Выше по улице Козицкого, застроенной respectableными доходными домами, на углу зеленого сквера стоит громадная башня из красного кирпича. С ее верхней площадки весь город виден как на ладони. Построенная в начале нашего века водонапорная башня, с часами и пожарным постом, — молчаливый свидетель всех бурь столетия...

В сквере у подножия башни — винницкий мемориал героев революции, гражданской и отечественной войн. Здесь же — могила соратника В. И. Ленина по петербургскому «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса» Петра Запорожца.

Рядом, на одном из домов улицы Котовского, установлена мемориальная доска: в 1925—1927 годах здесь жил герой гражданской войны комкор Ян Фабрициус. Интересны и соседние дома: один в стиле барокко, другой в стиле модерн с реалистически выполненным барельефом, изображающим охоту Дианы.

*Винница.
Дом-музей
М. М. Коцюбинского*

Эклектичен по своему архитектурному облику большой дом в несколько этажей под крутым берегом Буга, в самом начале улицы Козицкого, но при его возведении были использованы прогрессивные достижения строительной техники начала XX века: железобетон, сталь, бут и кирпичная кладка.

Дом построен для богатого одесского купца грека Кумбари, чье имя сохранилось в названии популярного винницкого пляжа. К лучшим особнякам с архитектурной точки зрения можно отнести и дом по улице Чкалова в стиле Людовика XIV...

А на левом берегу стоит скромный одноэтажный домик, скорее похожий на подольскую «хату на дві половини», построенный в 1820-х годах в районе, где жила винницкая беднота, — в Замостье (за мостом), или же Завалье, — домик, не относящийся к памятникам архитектуры. Но имя человека, родившегося здесь в 1864 году, известно во всем мире. Двор перед домом утопает в цветах, и среди них особо вы-

*Винница.
Здание бывшей Думы.
1911 г.*

деляются «пламенеющие» гвоздики; в центре клумбы — большая агава, которая «цветет, чтобы умереть, и умирает, чтоб цвести». Эти слова принадлежат М. М. Коцюбинскому, великому Солнцеклоннику, родившемуся и проживавшему здесь тридцать три года. Теперь в домике писателя — музей, основанный в 1927 году, а на улице Ленина, у входа в большое здание в официальном «русском» стиле — бывшее реальное училище (1890) — установлена мемориальная доска, которая напоминает, что здесь в октябре 1891 года выдающийся украинский писатель сдавал экстерном экзамен на звание народного учителя. Впечатляющи и поучительны экспонаты Музея М. М. Коцюбинского. Но это — тема отдельной книги.

Очень интересна и экспозиция Винницкого краеведческого музея, помещающегося в реконструированных Мурах. Жаль только, что материал, относящийся к XIV—XVIII векам, представлен слишком скупо. Зато отдел искусства мог бы послужить основой для создания картинной галереи.

реи. Его экспонаты помогут нам обогатить представление о многих местах «путешествия к прекрасному». И тут добрым словом нужно вспомнить замечательного винницкого краеведа, выпускника Немировской гимназии Густава Брилинга, спасшего в годы революции и гражданской войны множество произведений искусства, книги, старинные бумаги в брошенных магнатских усадьбах, организовавшего Винницкий областной краеведческий музей еще в 1920 году.

Постройки первых пятилеток в Виннице интересны и характерны для эпохи. Духом молодости советской архитектуры веет от конструктивистски рационально оформленного здания городской электростанции, от фасадов жилых домов тех лет — с большими окнами, подчеркнутой простотой и лаконичностью композиционных решений, с окраской в два тона.

Став областным центром, Винница получила новый стимул развития. В 1930-е годы построено несколько примечательных для своего времени общественных зданий, уверенно ставших в ряд с доходными домами начала века. Большое здание областных организаций на ул. Ленина оформлено приставной колоннадой, ничего не несущей, но зато величественно декорирующей скругленный угол меж двух ризалитов (архитекторы И. Рабин и Л. Черлениовский, консультант П. Алешин, 1935). Так же, в духе 1930-х годов оформлен и портик Дома Красной Армии — с лепными знаменами и гипсовым танком «БТ-7», данным в рельефном ракурсе, на фронтоне (архитектор В. Свидерский, 1939).

В послевоенный период был разработан новый генеральный план города, небывалого размаха достигло жилищное строительство — большими массивами — на Левобережье и в «Вишенке». Винницу украсил ряд крупных общественных зданий, среди которых следует отметить Государственный украинский музыкально-драматический театр им. Н. К. Садовского, построенный в псевдоклассицистическом стиле с восьмиколонным портиком и «расцветом искусства» в тимпане (архитектор Д. Черновол, 1949), а в последнее время — внушительный параллелепипед из стекла и бетона десятиэтажного дома городских организаций, дом политпросвещения, здание облпрофсовета.

Город растет, ширится, но по-прежнему немногочисленные памятники старины составляют основное ядро его достопримечательностей.

Интересные архитектурные сооружения есть и в предместьях Винницы.

В одной старой книге образно отмечены социально-экономические основы бурного расцвета поместного строитель-

ства на Подолье конца XVIII века, когда после исчезновения угрозы татарских и турецких набегов еще сильнее стала безраздельная власть крупных магнатов-крепостников: «Не осталось и следа от винницкого замка, но зато в окрестных селах высаты дворцы и замки. В правление Станислава-Августа вознеслись некоторые брацлавские фамилии и с тех пор из каждого сенаторского кресла выросло несколько дворцов». К таким именно дворцам относились расположенные вокруг Винницы три резиденции графов Грохольских: Пятничаны, Стрижавка и Вороновица.

Пятничаны теперь находятся уже на территории современной разросшейся Винницы, на северной ее окраине. Еще в «люстрации» ревизии Льва Тышкевича 1545 года названа «за Коцюбовою городнею Мишка Степановича з имени его Петничан городня», то есть усадьба. И дальше, в записи об обмене сел, «которые к замку Винницкому тянуть господарских и боярских людей», упоминается «в Петничанах и в Демковцах, в именах Мишка Степановича и сто и десять человека; которое имение Петничаны отец его Степан выслужил на господари Його Мылости за небошика (покойного. — Д. М.) князя Константина».

Перехода из рук в руки польских помещиков то за «заслуги», то в качестве приданого или наследства, достались Пятничаны Марцину, сыну Михала Грохольского. Марцин «пан на Грицове (Волянь. — Д. М.) и Пятничанах», построил в обеих усадьбах дворцы, где в 1781 году принимал короля Станислава-Августа. Палацы понравились королю, в письме от 10 января 1782 года он упоминает о «планах и абрисах» Грицова и Пятничан.

И позже, на протяжении XIX века пятничанский дворец не раз служил резиденцией для проезжающих русских и иноземных монархов.

Дворцовый ансамбль (1770-е гг.) представлял распространенную в переходный от барокко к классицизму период композицию из симметричных, убывающих к краям объемов. В центре их находился трехэтажный корпус дворца, сохранившийся донныне. Выглядит он сейчас странно, потому что время уничтожило наличники окон, проемы растесаны, и только крупная рустика углов двух узких ризалитов, попарно фланкирующих оба фасада, да большие, нарочито «выпаченные» триглыфы и сухарики напоминают о былом великолепии. Любопытная подробность: вертикальная ось симметрии дворцовой композиции приходится на простенок, ибо количество окон на фасаде четное! Между ризалитами помещалась колонная лоджия, а ритм колонн продолжался на полукруглых крыльях, связывавших глав-

*Пятничаны.
Дворец М. Грохольского.
Фрагмент. 1770-е гг.*

ное здание с двухэтажными флигелями. Кроме колоннады дворца и флигели связывало единство декоративного убранства: рустованные стены первого этажа, рустованные углы и пилястры. В плане ансамбль имел вид сильно разомкнутой подковы перед круглым газоном. Центральная ось композиции фиксировалась дорогой, ведущей к хозяйственному двору. В центре его, фасадом к дворцу, на почтительном удалении стоит небольшое двухэтажное здание с когда-то сквозной аркой проезда, декорированное спаренными пилястрами. К его торцам примыкали крылья (сохранилось одно) с круглыми башнями по краям. Здесь помещались службы.

Светлые здания дворца и служб эффектно выделяются на фоне обильной зелени разросшегося парка. Еще сохранились участки шпалер из плотно посаженных лип — остатки некогда регулярного парка-сада с фруктовыми деревьями и липовыми аллеями, с вписанной в рамки геометрии природой. Когда миновала мода на регулярные, француз-

ские, парки, пятничанская усадьба, занимающая площадь в тридцать один гектар, переделывается после 1831 года в пейзажный, английский, парк. Проектировал и много лет занимался выращиванием этого парка известный паркоустроитель Дионисий Макклер, или, как его называли в Польше, Миклер (1762—1853). Ирландец по происхождению, он провел большую часть жизни в Польше и на Украине, где создал десятки великолепных парков. Пятничаны — первый из них на нашем маршруте. Работы Макклера отличает умение видеть будущее своего детища: ведь многие из бывших поместных парков, как известно, десятки лет если и поновляются, то чаще всего хаотически, а тем не менее основное композиционное решение, принятое Макклером, продолжает по-прежнему «работать», формируя парковый ландшафт деревьями-солитерами, куртинами, лужайками, аллеями. Здесь произрастают деревья восьмидесяти пород, причем есть участки векового елового бора — темного, сумрачного, такого непривычного на Юге; есть сплошные посадки огромных белых акаций, по возрасту деревьев едва ли не со времени ее появления у нас: белая акация, родина которой — Северная Америка, лишь в начале XIX века была завезена из Франции в Одессу. Но особенно хороши в Пятничанах специально организованные посадки групп деревьев разных, контрастирующих по характеру строения ствола, кроны, цвета листьев пород. В любое время года эти живые картины превосходны, даже поздней осенью, когда остаются одни голые стволы, но зато — какие! Вот две сосны рядом: высокая, прямая мачта с крошечной охапкой хвои на самом вершине и... широкая, раскидистая, с большими, как у дуба, сучьями... Стройная лиственница и красивый вяз, красный дуб и темная ель. Широкие лужайки и плотные ряды деревьев, далекая перспектива с высокой елью в центре композиции. Жаль, заглох пруд...

Недалеко от Пятничан, в нескольких километрах выше по течению Буга, на правом его берегу, лежит старое село Стрижавка. Место обитания древнее: здесь обнаружены следы поселения, относящегося к периоду черняховской культуры.

В середине XVIII века Стрижавка получила права местечка и в качестве приданого перешла от Потоцких к Грохольским, к этому времени уже владевших соседними Пятничанами. Сын Марцина Грохольского Николай — новый хозяин Стрижавки — усовершенствовал здесь сельское хозяйство и садоводство и даже «экспортировал» фрукты в Россию. Усадьбу над Бугом он перестроил наподобие укрепления, окружив дворец парком. Во дворце была обширная библио-

*Стрижавка.
Дворец Н. Грохольского.
Начало XIX в.
Литография по акварели
Н. Орды. 1870-е гг.*

тека, прекрасное собрание картин и скульптуры. В 1817 году Н. Грохольского избрали подольским губернским предводителем дворянства, но он мало занимался делами, связанными с этой должностью. Александр I, посетив в 1822 году Подолье, назначил Николая вице-губернатором, а через два года — гражданским губернатором. Грохольский по-прежнему не утруждал себя делами губернии, уделяя внимание лишь внешней стороне, которой, наверно, умел блеснуть. Во время польского восстания 1831 года он активно помогал повстанцам, за что был «уволен от должности», водворен в Тереспольскую крепость, а потом сослан под надзор полиции в Бендеры. Сыновей у него не было, а дочь Мария в 1834 году вышла замуж за Альберта Моравского. Новый пан запустил имение и увяз в долгах. Семейную Стрижавку спас, оплатив долги в 1866 году, Тадеуш Грохольский — художник, в молодости поручик конной гвардии, учившийся живописи в Париже у Бонна, в Мадриде, Мюнхене, Вене, Кракове (был близок с выдающимися

*Стрижавка.
Приходский костел.
1827 г. Литография
по акварели Н. Орды.
1870-е гг.*

польскими художниками Я. Матейкой и Ю. Коссаком). Т. Грохольский послал за свой счет талантливого крестьянина из Стрижавки Яна Заседателя в Рим учиться рисованию. Способный самоучка вырос в настоящего художника. Его портреты крестьянских девушек, полные элегического настроения и симпатии к своим героиням, украшают отдел изобразительного искусства Винницкого краеведческого музея.

Эти подробности о Грохольских показывают довольно типичную эволюцию магнатского рода на протяжении века — от времен безграничного своевластия через период двойственной по отношению к царизму политической игры до падения крепостного права и зарождения новых веяний. Дворец в Стрижавке (1810-е гг.) стоял на возвышенности слева от дороги, ведущей от моста через Буг в село. Импозантное здание с шестиколонным выносным портиком перед центральным ризалитом в три этажа отличалось хорошими пропорциями и формами развитого классицизма. Вокруг

лежал пейзажный парк с огромными дубами и природными скалами над Бугом.

А справа от дороги, на другой круче высилась церковь Вознесения (1847), ныне лежащая в живописных развалинах красного кирпича.

Перспективу с реки замыкает эффектно поставленное между кручами, на развилке дорог несколько необычной архитектуры сооружение — бывший приходский костел (1827). Утратив башню-ротонду над входом, костел почти не производит впечатление церковного здания. Крупные членения прямоугольного вытянутого объема, крепованого ризалитами по краям боковых фасадов, напоминают по композиции дворец в Пятничанах. Многие детали кроме ротонды тоже утрачены: карниз, полукруглое окно над порталом, полукруглые фронтоны над ризалитами, растесаны окна, но остался руст и хорошо проработанный дорический фриз с тригглифами и розетками в метопах.

Капитальность культовых построек в Стрижавке не случайна. Грохольские хотели держать «подданных» в покорности, но жестокая эксплуатация крестьян часто выливалась в восстания. В годы проведения земельной реформы, во времена первой русской революции и в гражданскую войну в селе обычно стоял специальный гарнизон для утешения или приходили каратели и устраивали порку «ватажков»... Дух непокорности стрижавцев насилию, несправедливости, высокий патриотизм проявились и в годы Великой Отечественной войны, о чем напоминают сельские памятники. Среди них особо выделяется скромный железный обелиск, увенчанный... красным пионерским значком. Бьетса на ветру подвязанный к эмблеме юных ленинцев красный воздушный шарик. И краткий текст: «Зверски расстрелянная фашистами Анастасия Ивановна Мельник». В четырнадцать лет...

Да, здесь, под Винницей, война оставила наиболее глубокие следы, свидетельствующие о жестокости фашистов. Западнее Стрижавки, выше по течению Буга, на границе разросшихся в мирное время сел Коло-Михайловка и Стрижавка есть поворот с Киевского шоссе к заметно выделяющемуся среди полей темному массиву хвойного леса. Широкая дорога подходит к нему и, огибая построенный не так давно кемпинг, идет вдоль опушки. Вскоре неширокая полоса леса редет, появляется молодая посадка и посреди нее — огромные серые глыбы исковерканного железобетона...

Осенью 1941 года немецко-фашистские оккупанты начали подготавливать в лесу под Винницей какую-то сверхсекрет-

ную операцию. Обширная территория полей и лесов была ограждена, кругом расставлены часовые. Для населения ближайших сел ввели специальный необыкновенно строгий режим; за малейшее его нарушение и просто по подозрению расстреливали. Повсюду стояли крупные гарнизоны специальных войск, войск СС, полиция, бронетанковые части, на специально оборудованных полевых аэродромах базировалась истребительная и транспортная авиация. Но, несмотря на чрезвычайные меры, советским партизанам и подпольщикам вскоре стало известно, что строят секретную ставку Гитлера, так называемый «Вервольф». Фюрер любил давать своим резиденциям разбойничьи названия: вервольф — оборотень. Почему под Винницей? Едва ли это станет когда-нибудь известно.

На строительство были согнаны тысячи советских военнопленных, а также заключенные и просто гражданские специалисты из Польши, Чехословакии, Норвегии и других стран Европы. Сотни людей ежедневно гибли от непосильного труда, жестоких издевательств, холода, голода и болезни. Огромная территория площадью в десятки квадратных километров, огражденная несколькими рядами колючей проволоки, еще не открыла свою тайну. По окончании строительства «Вервольфа» палачи расстреляли поголовно всех, кто еще оставался в живых и был причастен к этим работам: свыше четырнадцати тысяч человек!

Отступая под натиском Красной Армии, фашисты взорвали все наземные и большую часть подземных сооружений, все входы в подземелья. Остались только узкие бетонные дороги, фундаменты и мощные глыбы железобетона. Судя по ним, ставка представляла два ряда небольших деревянных коттеджей вдоль врезавшейся в лес дороги, плавательный бассейн (10×15 м), разбросанные по лесу железобетонные подземные бункера.

На противоположной стороне Киевского шоссе, в конце глухой, сразу отделяющей от внешнего мира аллеи из елок и тополей — братские могилы и памятники. Под плакучими ивами бронзовые фигуры трех полуодетых, изможденных, но сильных духом людей: один стоит на коленях, клонясь головой к матери-земле, второй оперся на плечо солдата, непреклонно глядящего в лицо смерти, — широко расставив ноги, сжав кулаки (скульпторы В. Сухенко и А. Витрик, 1958).

На юго-западной окраине Винницы находится село Пирогово, до 1950 года называвшееся Вишня. Когда-то здесь было несколько сел, слившихся теперь в одно: на левом берегу огромного пруда на речке Вишенке — село Людви-

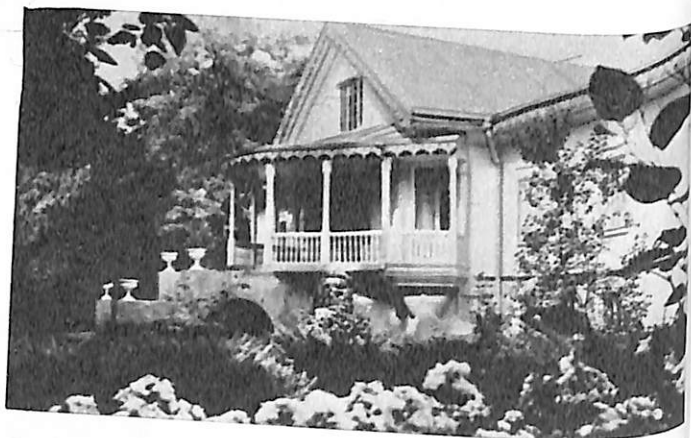
ковка, названное так по имени первого поселенца Людвиг: жили здесь преимущественно поляки. На правом берегу — село Вишня, выше по течению — Шереметка, основанная в начале XV века казаком Шереметом. Еще раньше здесь стоял город Сабаров, разрушенный татарами. История нового названия такова.

В начале 1861 года, когда для Николая Ивановича Пирогова окончательно выяснилась неизбежность ухода с поста попечителя Киевского учебного округа, он приобрел село Вишня. Шаг этот не был неожиданным: великий хирург давно собирался заняться сельским хозяйством, очень серьезно к этому готовился, устроил дома маленькую лабораторию, где изучал состав почв, распространенных в его имени. Прощаясь с друзьями в Киеве, Пирогов говорил: «Постараюсь делать все как можно рациональнее, заменю крепостной труд свободным, буду обходиться с рабочими, как с людьми вольными. Но, разумеется, законов природы и необходимости этим не изменю...».

*Коло-Михайловка.
Памятник
на братской могиле.
1958 г.*

Вскоре после переезда в Вишню Пирогов получил административно-педагогическую командировку за границу, где пробыл четыре года. Ему поручили руководить молодыми русскими учеными различных специальностей, готовившимися занять кафедры в отечественных университетах. Живя в Германии, Пирогов ездил в 1862 году в Италию к Джузеппе Гарибальди, раненному в ногу. Тогдашние европейские светила — итальянские, французские, английские хирурги настаивали на ампутации ноги. Пирогов посоветовал свой метод лечения, следуя которому нашли и извлекли пулю, и Гарибальди быстро поправился. Александр II, узнав об этой поездке, до конца дней не простил ее Пирогову. Вернувшись в Вишню, хирург выезжал только к больным, а на продолжительное время, по приглашению царицы Марии Александровны, — «на театры» франко-прусской (1870—1871) и русско-турецкой (1877—1878) войн, всякий раз отказываясь занимать какие бы то ни было административные посты.

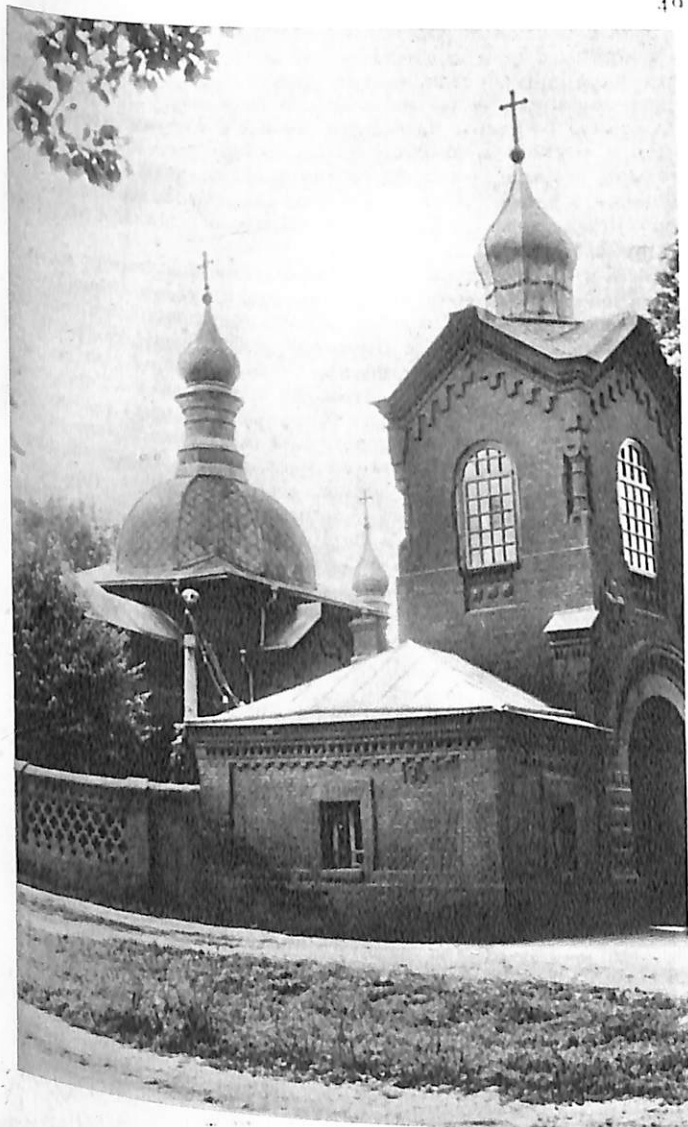

Пирогово.
Музей-усадьба
Н. И. Пирогова.
Веранда главного дома.
1860-е гг.

Пирогово.
Церковь-усыпальница
Н. И. Пирогова.
1882—1885 гг.

В маленькое село под Винницей потянулись бесчисленные страждущие, и Пирогов ежедневно делал по несколько операций, по пять-шесть часов принимал больных. В усадьбе сохранился домик, специально выстроенный им для аптеки, где беднякам лекарства, приготовленные по рецептам Пирогова, выдавались бесплатно. «Вооруженный всеми знаниями, прекрасный хирург-техник, он явился в хирургической пустыне и, как волшебник, творил чудеса», — писал Б. А. Оппель. То были годы неустанного, плодотворного труда. «Самые счастливые результаты я имел из практики в деревне», — вспоминал Пирогов. В то же время, будучи человеком передовых, прогрессивных взглядов, он хорошо понимал, что прежде, чем лечить людей, нужно вылечить само общество, в котором они живут. «Во множестве случаев для наших больных поселян молоко и мясо, а иногда и хороший хлеб — лекарства, без которых аптечные средства мало дают надежды на успех» — эти слова Пирогова можно прочесть в одном из документов, хранящихся в музей-усадьбе.

Дом строился по указаниям самого Николая Ивановича, в добротном «старосветском» стиле, без всяких затей. Фасад украшен основательным, даже несколько тяжеловесным портиком, уже отмеченным печатью эклектики. Он отодвинут от стены настолько, чтобы к дверям мог подкалужной стороне дома пристроена широкая веранда, сообщаясь с залом. Лестница с веранды спускается в сад — любимое детище Пирогова. Тут же две огромные ели, посаженные хозяином в 1862 году.

В Вишню приезжал П. И. Чайковский в бытность свою в Браилове. В 1881 году, когда передовая русская общественность праздновала 50-летие деятельности великого хирурга, в Вишню приехал к Пирогову Н. В. Склифосовский: в музее хранятся приветственные адреса, тисненые не только за сто лет золотом. 23 ноября (5 декабря) того же года в 20 часов 45 минут Николай Иванович скончался в своем кабинете, единственной комнате теперешнего дома-музея, где сохранена прежняя меблировка: большой письменный стол, книжный шкаф, диван, свечные торшеры. Под витриной с орденами — алая гвоздика: в этом месте комнаты перестало биться сердце Чудесного Доктора...

От ворот усадьбы чуть больше километра пути в Шереметку, к церкви-усыпальнице, построенной на месте прежней трехчастной украинской деревянной церкви вдовой Пирогова Александрой Антоновной по проекту петербургского архитектора академика В. Сычугова в 1882—1885 годах.

Кирпичная ограда с небольшой двухъярусной колокольней над воротами и кирпичная одноглавая же церковь эклектического облика выкрашены в терракотовый цвет. Отдельный вход ведет в крипту под храмом, где на возвышении стоит черный, украшенный серебром гроб. В нем под стекляннным колпаком набальзамированное тело Д. Выводцевым тело великого хирурга. Тишина, венки, цветы...

Новые невиданные перемены принес на Подолье и в старинное село Шереметку Великий Октябрь. В 1920 году сюда приехала группа украинцев-коммунистов из Америки и организовала одну из первых на Украине коммун, которая носила имя Джона Рида...

3. По Бугу к Вороновице

Села Винничины. Новые села.

Замечательные слова Т. Г. Шевченко: «Неначе писанка село на нашій Україні» верны и сегодня, хотя тех хат, что были раньше, почти не осталось. Редко-редко мелькнет в селе хата-мазанка под высокой подольской соломенной крышей — стріхою — с уступчатыми гребнями из снопов по краям. Нет теперь маленьких квадратных окошечек — віконечь, двери давно навешиваются на заводских металлических петлях, заменивших деревянные бегуны, воспетые в песнях («На двері воду лляла, щоби не рипіли...»). Только изредка встретится плетенный из верболоза забор — тын. Зато вечен «садок вишневий коло хати», всегда перед хатиной — высокие мальвы, пышные півонії — пионы, жорхатцы. Тяга к красоте природы, к эстетическому совершенству ее творений вечна, как вечно замечательное трудолюбие украинского крестьянства. И это заметно на всем пути нашего маршрута к прекрасному.

Село Селище возникло на месте разоренного крымчаного града. Деревянный замок, схожий по конструкции с винницким, существовал тут еще во времена Кориатовичей, а местное предание, подтверждаемое находками следов трипольской культуры на Лысой горе, говорит о глубокой древности этого селения. Да и сами названия — Черлений град, Лыса гора, Селище — свидетельствуют о том же, как и находки монет, черепков на полях и менее достоверные свидетельства — рассказы старожилов о необыкновенной

длины подземных ходах, ведущих в ближайшие центры — в Винницу и в... Жмеринку, хотя роль ее до постройки железной дороги не была столь велика в жизни края, а в истории его и подавно.

Различные польские документы XVI века, писанные в черленковском замке, акты 1600 года, где Черленков, несмотря на утерянные привилегии, именуется местечком, говорят и о его важном значении опорного пункта на кресах. Принадлежало местечко польским помещикам Черленковским.

Один из последних Черленковских постригся в монахи униатского ордена базилиан и, пригласив почаевскую братию, дал ей в заклад соседнее село Ровец. Базилиане пребывали в Черленкове несколько десятилетий — до уплаты залога. Сюда же бежали (в 1648 году) из уничтоженного казаками винницкого монастыря доминиканцы. Замок превратился в двойной кляштор: на первом этаже возносили славу всевышнему доминиканцы, на втором — базилиане.

Селище. Башня
Черленковского замка.
XVI в.

Гнивань.
Памятник
советским танкистам.
1944 г.

вернулись в Винницу, во вновь отстроенный кляштор.

По угасании мужской линии рода Черленковских замок около 1750 года перешел по наследству к старосте грахтемировскому Станиславу Щенёвскому. Тот отремонтировал и держал постоянный гарнизон, что, впрочем, продолжалось недолго. Уже участник барской конфедерации 1768 года воевода брацлавский Онуфрий Щенёвский, будучи разбит царскими войсками под Белой Церковью, разобрал окончательно утративший военное значение черленковский замок.

Остались башни. Одна из них была перестроена под минариальный романтический замок, другая с 1800-х годов стала склепом дома Щенёвских, гробы висели на цепях. Снаружи башню оштукатурили, отделав углы легким рустом, расгесали окна, со стороны двора пристроили тамбур. Возвели купол со шпилем и портик из спаренных колонн

ионического ордера. Теперь же усыпальница — угловая башня замка — являет живописное зрелище руины.

Место действительно красивое — на краю плато, круто обрывающегося к широкой долине Южного Буга. Пойма с заливными лугами, вековой лес на дальних холмах и река, «рисующая» замысловатые меандры. У самого крутого ее поворота высятся массивная, открытая всем ветрам, знаящая пустыми проемами крупных окон старая башня с большими артиллерийскими амбразурами в нижнем ярусе.

Неподалеку, вдоль кромки плато видны остатки фундаментов другой башни. Она стояла над дорогой, ведущей к прежнему мосту через Буг. Новый мост шагнул своими сборными железобетонными конструкциями через реку значительно ниже этого места, по спрямленной трассе, оставив в стороне приземистую водяную мельницу (1885) — незатейливое сооружение под двускатной крышей, мурованное из серого гранита. Камня здесь много.

В трех километрах по шоссе от Селища слышен характерный грохот гранитных карьеров, отмечающий место, где располагается Гнивань, рабочий поселок при карьерах и железнодорожной станции. Название это, впервые упомянутое в старых документах под 1629 годом, идет, по местным преданиям, от слова «гнив»: еще в XIX веке в соседнем Селище так называлась одна улица, жители коей якобы часто ссорились между собой из-за пастбищ и долго гневались друг на друга.

Значительному росту добычи гранита, а следовательно, и развитию местечка способствовала прокладка в 1870-х годах линии железной дороги Киев—Балта. Гниванский гранит широко использовался при строительстве Московского и Киевского метрополитенов, для облицовки набережной Москвы-реки, а еще раньше — при постройке мостов и мостовых улиц в Киеве, Варшаве.

В центре Гнивани, в тени вековых дубов, установлены два монумента, посвященных событиям недавнего прошлого. Один выполнен в духе тех местных надгробных памятников, которые появились в этом крае лет сто назад и представляли собой суковатый, обрубленный ствол дуба, высеченный из черного гранита. Здесь дубок увенчан маленьким гранитным танком (1944). Рядом же настоящий танк «Т-34» на постаменте — памятник, сооруженный в 1980 году. Оба они поставлены в память советским воинам, павшим в боях за освобождение Гнивани 10 января 1944 года, когда в неравном бою погибли двадцать три советских танкиста, участвовавших в рейде-прорыве 1-й гвардейской танковой армии генерала М. Ю. Каткукова.

Недалеко от Гниvani находится Браилов, впервые упомянутый в письменных источниках XV века как укрепление, возникшее на мысу при слиянии речек Браги и Рова. Отсюда и название — Брагиров, Брагилов, Браилов. Подобные укрепления — на мысу — издавна устраивались на Подолье. При Богдане Хмельницком Браилов — сотенное местечко Брацлавского полка, с деревянным замком наподобие винницкого. Остатки валов этого замка видны и сейчас в центре поселка; сюда же сходятся основные направления улиц, ведь замковище — исконный градообразующий центр.

В 1652 году каменецкий староста Петр Потоцкий совершил налет на браиловское имение черниговского каштеляна Яна Одрживольского и овладел замком. Через одиннадцать лет этот захват оформили как куплю-продажу. В 1672 году турки, заняв Подолье, приступом взяли Браилов, и Халил-паша оставил здесь свой гарнизон. По возвращении поляков селением до конца XVIII века безраздельно владели Потоцкие, рьяно насаждавшие католицизм.

*Браилов.
Кляштор тринитариев.
1767 г.*

В 1740 году Францишек Салезий Потоцкий заложил костел с кляштором тринитариев, строительство которого завершило около 1780 года Станислав Щенный Потоцкий.

Браиловский монастырь — уже знакомая нам по винницким памятникам композиция: костел и примыкающий к нему со стороны хора корпус келий. Однако соотношение объемов несколько иное, по-другому выглядит и сам колокарнами в среднем нефе. С северной стороны у входа высятся колокольня, своей богатой пластикой и крупными проемами, скорее, напоминающая нарядную дворцовую башню в стиле барокко. В сводчатых перекрытиях устроены овалыные проемы — колокола тут звучали по-особому. В ажурном рисунке кованых перил второго яруса колокольни центральное место занимает изображение семиконечного креста под короной — герб «Пилява» Потоцких, переделанный после обращения монастыря в православный, восьмиконечный старообрядческий крест.

Несмотря на сложную многоплановость объемов, декор фасадов достаточно скромный, сдержанный, особенно по сравнению с интерьером, который украшают каннелированные пилястры коринфского ордера, высокие, сложного профиля антаблемент, многократная креповка, изысканные по силуэту фронтоны в алтаре, богатая лепнина и, наконец, живопись, покрывающая своды и стены. Браиловские росписи когда-то очень славились. Их выполнил в конце XVIII века темперой по сухой штукатурке художник-монах Иосиф Прахтль. Король Станислав-Август, посетивший Браилов в 1787 году, специально осмотрел эти росписи. К сожалению, сюжетные и декоративно-орнаментальные мотивы росписей сохранились плохо.

По обим сторонам хора — баптистерий и сакристия, двери из которых ведут в корпус келий. Последний, в отличие от винницкого кляштора доминиканцев, имеет в плане вид буквы «Н», один из створов которой замкнут торцом костела. Во внутренних дворик смотрят окна из прохладных сводчатых коридоров с дощатыми полами и маленькими скамеечками в подоконных нишах. Даже дух монастырский еще не выветрился, не хватает лишь кованых сундуков под дверями келий.

После польского восстания 1831 года монастырь был преобразован в православный Троицкий (тринитарский). А для должного благолепия колокольню украсили шатром с кокошниками, на двускатной костельной крыше возвели фальшивый восьмерик с шатровым завершением, в ограде устроили неуклюжие ворота в стиле московского барокко. Но все эти «новоделы» не сохранились.

Самая высокая постройка старого Браилова — бывший приходский костел, посвященный опять-таки Троице (1879), — довольно странное сооружение, необычно крупное даже и по современным понятиям. Расположен костел на старом браиловском замковике. Здание, выкрашенное в желтый и белый цвета, декорировано под ампир, имеет «византийские» окна и непомерно высокую колокольню, делающую его похожим не на костел, а, скорее, на ратушу с башней.

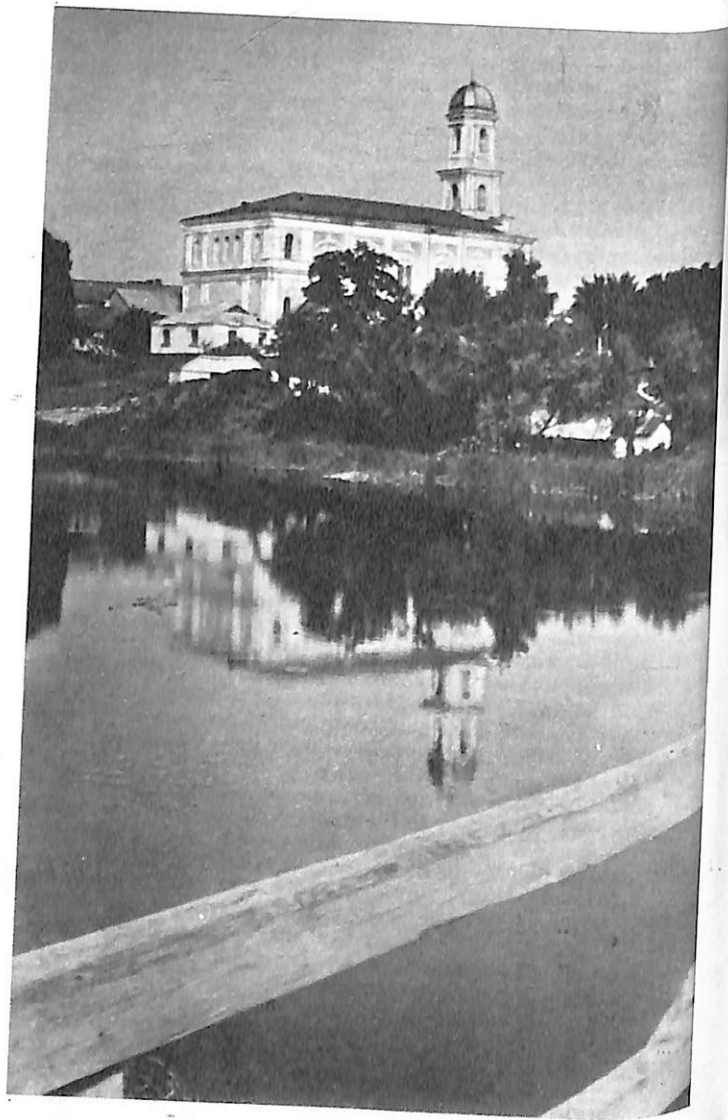
Обе архитектурные доминанты местечка красиво отражаются в спокойной глади Рова, тихо, без всплеска несущего в Буг свои воды. Костелы расположены на высоких отметках и широко просматриваются со всех точек: с полей, с линии железной дороги Винница — Жмеринка, из старого парка по ту сторону Рова, где белеет большое здание бывшего дворца, связанное историей с той же железной дорогой.

В начале XIX века Браилов путем «брачных сопряжений» перешел от Потоцких к Фелициану Юковскому, продавшему в 1868 году имение К. Ф. фон Мекку, известному в свое время железнодорожному предпринимателю. Жена его, Надежда Филаретовна, была страстной поклонницей таланта П. И. Чайковского, и это обстоятельство связало Браилова с жизнью и творчеством великого композитора.

В 1876 году Надежда Филаретовна заочно сделала небольшой музыкальный «заказ» Петру Ильичу. Между ними завязалась переписка, положившая начало большой дружбе. Они никогда не встречались, не разговаривали друг с другом — таково было взаимное желание. Теплая и глубоко содержательная переписка продолжалась тринадцать лет.

Осень 1877 года была тяжелым периодом в жизни Чайковского. Брак с А. И. Милоковой, ученицей консерватории, угрожавшей покончить с собой, если композитор на ней не женится, оказался непрочным. После расторжения брака Петр Ильич в совершенно разбитом душевном состоянии уехал с братом в Швейцарию поправить здоровье, успокоиться, прийти в себя. Однако довольно скоро оказалось, что денег может хватить на месяц — полтора. Помог друг, директор Московской консерватории М. Г. Рубинштейн. Он обещал оставить за Чайковским его классы в консерватории и высылать в течение года деньги, надеясь, что после лечения и отдыха все наладится. Побывав у Надежды Филаретовны, Рубинштейн рассказал ей о бедственном положении композитора. Не ожидая письма от Чайковского, богатая меценатка предложила ему ежегодную субсидию в шесть тысяч рублей до тех пор, пока он не вернется в консерваторию. Деньги эти композитор получал в течение всех последующих лет их переписки, что позволило ему вести независимый образ жизни.

Весной следующего, 1878 года Петр Ильич получил приглашение приехать в Браилов и сразу ответил согласием. Первые же впечатления превзошли все его ожидания: роскошный парк, богатый дворец и полный комфорт. Надежда Филаретовна позаботилась обо всех мелочах быта — управляющий и слуги были предупреждены о вкусах и привычках Петра Ильича, завтрак, обед и ужин подавались в указанное им время, блюда готовились по его заказам. Никто не смел нарушить строгий распорядок дня (утром — работа, днем — прогулки, вечером — чтение, письма, музыка). Все здесь словно предназначалось для отдыха и творчества. Даже любимые ландыши стояли на столе в вазочке. К услугам композитора — прекрасный рояль, фисгармония, ноты, книги. Результат не замедлил ска-

Браилов.
Приходский костел.
1879 г.

Браилов.
Дворец фон-Мекк.
1868 г.

заться. В Браилове написаны первая оркестровая сюита, опера «Орлеанская дева», пьесы для скрипки, семь прекрасных романсов, среди них такие знаменитые, как «То было раннею весной», «Средь шумного бала», серенада Дон Жуана на слова А. Толстого, «Пилипинелла». На следующий год П. И. Чайковский снова приезжал в Браилов, но уже чувствовал некоторое досадливое раздражение от настойчивой опеки Надежды Филаретовны. В августе 1879 года он прожил три недели на соседнем хуторе Семаки, так как Надежда Филаретовна жила с семьей в Браилове. Летом 1880 года Петр Ильич приехал сюда в последний раз. В Семаках он написал семь романсов на слова разных авторов.

Еще в первый приезд композитор побывал в Троицком монастыре на храмовом празднике, куда съезжалось множество крестьян из ближних сел. «...У женщин красивые головные уборы, у девушек какие-то шапочки из искусственных цветов и другие более или менее пестрые украше-

ния. Почти у всех прекрасные коралловые бусы. Весь двор был заполнен отдельными группами, которые сидели и что-то ели. Слепцы играли на своих удивительных лирах и пели канты. Женщины, слепые сидели рядом и пели хором...» — писал Чайковский к фон Мекк 25 мая 1878 года. Для композитора такие встречи представляли особый интерес.

А летом 1881 года в Браилове жил тогда еще молодой французский музыкант Клод Дебюсси, приглашенный в качестве домашнего пианиста. Знакомство с семьей фон Мекк имело чрезвычайно важное значение в его жизни: ведь почти все, что сочинил к этому времени П. И. Чайковский, звучало в доме Надежды Филаретовны. Дебюсси помнил это.

Дворец, разрушенный во время последней войны, восстановлен, парк сохранился и поновляется. Если не замечать вездесущих проводов и асфальта, сосредоточив все чувства, все внимание на прекрасных липах и вязах, на фантастических бликах яркого южного солнца, играющего в листве и отражающегося в непрерывно меняющихся, дрожащих под легким ветерком зеркалах прудов браиловского парка, можно попытаться представить состояние человека, в котором все — музыка.

Браиловский дворец построен около 1868 года и не отличается особенными архитектурными достоинствами, хотя и поставлен довольно эффектно — на возвышении, недалеко от берега Рова. Три ризалита на главном фасаде, три на противоположном, рустованный первый этаж и гладкие стены второго, прямые окна, в ризалитах — спаренные. Во всем простота и ясность.

И мемориальная доска у входа с именем великого композитора, чье вдохновение так плодотворно питала эта усадьба над Ровом.

А украинские народные костюмы, которые произвели большое впечатление на Чайковского сто лет назад, теперь можно увидеть лишь на праздниках, да еще в этнографических отделах музеев. Традиционный венок из цветов с лентами носили на Украине девушки, причем живые цветы заменялись искусно сделанными из ткани, бумаги, крашеных утиных и куриных перьев. На праздники, как это приходилось видеть и Петру Ильичу, надевался так называемый «чубатый венок», высокий, затейливо набранный из искусственных цветов, бисера, блесток и ярких разноцветных лент. Все богатство красок украшало голову девушки. Головной убор женщин был простым и скорее утилитарным, чем декоративным.

*Сутиски.
Вид из парка на Буг.*

Впрочем, если попасть на большой современный праздник, устроенный по вновь вводимым обрядовым правилам, учитывающим и древние традиции, можно увидеть и теперь прекрасный украинский народный костюм, особенно яркий у девушек, с неизменным венком из цветов — традиция, уходящая в глубь веков.

Из Браилова вернемся к берегам Южного Буга, где за Гниванью и Витавай лежат поселок Сутиски, существовавший, как свидетельствуют источники, еще в XVI веке.

На краю Сутисок — ворота с вывеской школы-интерлизованной подвездная дорога-аллея приводит к стилизованной башенке-сторожке. Это — бывшая усадьба имени графа Д. Ф. Гейдена, созданная во второй половине XIX века. Дворец не сохранился, а уцелевшие фрагменты грубой архитектуры «под готику» вместе с новыми постройками и непродуманной посадкой деревьев скрывают прежнюю четкую планировку парка.

*Сугиски.
Башня в парке.
Конец XIX в.*

Но участок выбран очень удачно. Здесь Южный Буг, встретив высокие розового гранита скалы на левом берегу, круто поворачивает меж лесистых склонов. Стремясь использовать главное достоинство места — живописный вид, открывающийся с кручи на дальние хаты Сугисок, строители парка подчинили планировку аллеи окружающему ландшафту. Деревья вдоль бровки откосов сгруппированы так, что каждая точка осмотра обрамлена зеленью и словно представляет живую картину. Пейзажи тут прекрасны.

Новый мост, находящийся в семи километрах от Сугисок, ведет через Южный Буг к недалекому уже Тыврову. Многие исследователи, ссылаясь на «Повесть временных лет», связывают название Тыврова с древним племенем тиверцев, живших, если верить Нестору, не на Буге, а ближе к Днестру. Следы еще более ранних поселений встречаются на берегах реки и в самом местечке в виде найденных здесь кремневых орудий труда эпохи неолита.

датируемых VI—IV тысячелетиями до н. э. Первое письменное упоминание о Тыврове относится к 1505 году, когда брацлавскому землянину* Федьку Дашкевичу великим князем литовским Александром был выдан привилей, подтверждавший права владения Тывровым, полученные Германом Дашкевичем от великого князя литовского Витовта в XIV веке «за службу».

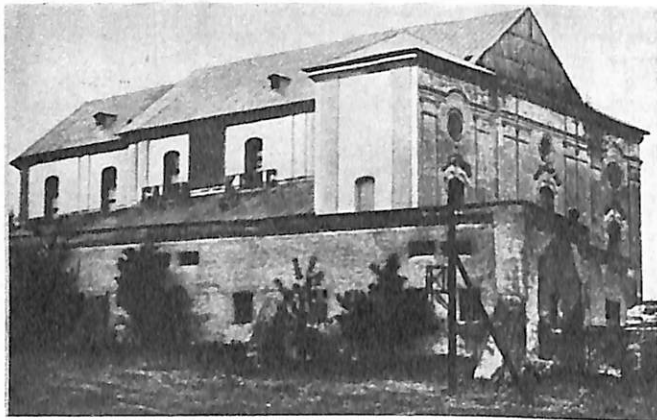
Долгое время Тывров оставался пограничным укреплением феодальной Литвы, несколько раз подвергался опустошительным набегам с недалекого отсюда Кучманского шляха. Татары хорошо знали удобную переправу через Буг у Тыврова. Естественно, что местечко становилось первой «жертвой». Один из бродов назывался еще долго Татарским, а время от времени обнаруживаются и подземные ходы, по которым жители в случае опасности уходили в соседние леса. Но и здесь местные старожилы уверяют, что по этим ходам можно было дойти будто бы и до Винницы.

Шли годы, сменялись владельцы села, население терпело их притеснения и восставало, когда терпению этому приходил конец. В июне 1648 года казацко-крестьянской войска Максима Кривоноса взяла Тывров штурмом. Затем опять поляки, турки и снова польские помещики. Именно считалось богатым, зерно вывозили в Данциг.

В 1742 году владелец Тыврова брацлавский хорунжий Михал Калитинский привез сюда монахов ордена доминиканцев и выстроил для них новый кляштор на месте старого, основанного еще в 1569 году и, вероятно, разрушенного повстанцами. В 1744 году Тывров получил статус местечка. В это время произошло событие, типичное и для «просвещенного» XVIII века, а не только для средневековья. Еще в 1590 году Марианна Ярошинская, выйдя замуж за Севастиана Калитинского, получила в приданое Тывров, перешедший таким образом в дом Калитинских.

Когда же угасла прямая линия наследников этого рода, на Местечко и прилегающие земли стали претендовать как представители побочной линии Калитинских, так и род Ярошинских. «Семейный конфликт» разрешился в 1756 году силой оружия. Совершив «наезд», то есть напад на Тывров с хорошо вооруженным отрядом, Захария Ярошинский выиграл кровопролитное сражение, в котором с обеих сторон применялась даже артиллерия.

* Землянин (укр., устар.) — мелкий землевладелец (ср.: мещанин — горожанин, от слова «місто» — город).

*Тыверов.
Кляштор доминиканцев.
1752 г.*

Сын его обосновался прочно: построил против монастыря большой дворец, заложил парк, и оба архитектурных комплекса надолго определили силуэт и облик Тыверова.

«Когда въезжаешь в... местечко, прежде всего в глаза бросается высокая острая колокольня костела, который царит над всеми остальными постройками и смотрит с высоты своего величия на скромную православную церковь, нестильную, маленькую. И тогда как православная церковь молчит, костел в положенные часы напоминает о себе тоненьким перезвоном» («Исторический вестник», 1912 г.).

Костел — базилика с двумя не сохранившимися башнями на фасаде и маленькой сигнатуркой на коньке высокой крыши — был виден издали, с дороги, бегущей меж полей к крутым скалистым берегам Буга. Здесь, у переправы, где все внимание привлекала уже река и деревянный мост, и на улице, не спеша поднимающейся по речному склону, костел исчезал из поля зрения и являлся уже наверху, за панской усадьбой, поражая воображение своей тяжелой, подавляю-

*Тыверов.
Торговые дома.
XVIII в.*

щей громадой. Суровый фасад скупо оживляют чуть очерченные пилястры с упрощенными капителями да игристые рокайлевые наличники окон и круглые проемы в третьем ярусе, вполне созвучные «тоненькому перезвону».

Во всем облике монастыря, построенного по уже знакомой после Винницы и Браилова схеме замкнутого хором костела каре с двухэтажным П-образным в плане корпусом келий, отчетливо заметен эффект постепенного убывания объемов в соответствии с их функциональным, смысловым значением. На первом месте — фасад костела, обращенный к реке. Здесь крупные пилястры соответствуют масштабу здания. На боковых же фасадах применены пилястры гораздо меньшего масштаба, упрощен и рисунок оконных наличников. В следующем за храмом крошечном по сравнению с действительно большим костелом монастырском корпусе декор исчезает совсем — гладкие стены, ни пилястр, ни наличников. Пышным великолепием отличался когда-то интерьер костела, особенно выделялся резной амвон, изобра-

*Тверь.
Дворец Ярошинских.
Конец XVIII в. Ризалит*

*Тверь.
Памятник В. И. Ленину.
1925 г.*

→

жавший аллегорический «корабль спасения» — с мачтами, парусами и даже сетями. Должно быть, ксендз выглядел на нем поистине фантастически — таким капитаном в сутане.

В 1891 году тывровский дворец продан Подольской епархии, открывшей в нем духовное училище. Через семь лет он сгорел, причем особенно пострадала центральная часть с фасадом, обращенным к монастырю, где, вероятно, был колонный портик. Сохранившийся парковый фасад носит черты позднего барокко: традиционная креповка тремя ризалитами, пилястры ионического ордера, руст, тройные окна. Центральный ризалит повышен на этаж и отмечает апсиду, перекрытую на уровне среднего этажа конхой. Полукруглые фронтоны венчают не только боковые ризалиты, но и порталы входов в центрах крыльев, оживляя и зрительно сокращая сильно растянутый фасад тывровского дворца.

Внимательный взгляд отметит значительное различие в характере декора правого ризалита и всего здания. Первый

несомненно относится к остаткам дворца конца XVIII века и решен в лучших палладианских традициях раннего классицизма. К сожалению, грубая поздняя пристройка закрыла фасад с четырьмя полуколоннами интересно трактованного ионического ордера. Рисунок таких же капителей повторен на пилястрах, декорирующих боковые фасады сооружения.

Мемориальная доска на стене здания рассказывает, что в 1910—1911 годах в духовном училище преподавал пение известный украинский композитор К. Г. Стеценко (1882—1922).

Тут же, посреди вымощенного бетонными плитами плаца школы-интерната стоит уникальный в своем роде памятник В. И. Ленину — один из первых. Суковатый гранитный дубок, похожий на гниванский монумент-танк, увенчан полированным шаром-глобусом. Надписи лаконичны: «Ленін помер, ленінізм живе!», «Працюючі Тиврівщини на смерть незабутньому вождю. I.V.1925».

Прекрасен запущенный старый парк, начинающийся сразу за дворцом. Сильно пересеченный рельеф местности, с холмами и оврагами, да маленький ручей, впадающий в Буг, определяют пейзажный характер парка. От первых насаждений остались огромные липы, дубы, грабы. Над обрывом — участок крепостной стены, сложенной из красного кирпича и камня и оставшейся, вероятно, от кляштора XVI века.

Из памятников нового времени несомненный интерес представляет заброшенное строение на правом берегу бурлящего на камнях Буга. Это — мельница, перестроенная в гидроэлектростанцию еще в 1907 году. Мощность ее составляла всего пятьдесят киловатт.

Поросшие лесом кручи над рекой, шумящей на порогах, напоминают Карпаты. Отсюда наш путь идет дальше — через поля, к селу Вороновица.

Впрочем, в Вороновицу можно попасть и по другой дороге — прямо из Винницы. Это — Немировское шоссе, обсаженное вековыми липами — главной достопримечательностью здешних дорог. Ширина аллей — двадцать восемь метров, деревья высажены в два ряда, в разбежку, через каждые четыре метра. Присутствие лип в пейзаже создает спокойное душевное равновесие; это дерево как-то особенно радует взгляд. Зимой — черная лента мокрого асфальта между рядами черных стволов на фоне белого снега и серого зимнего неба. Весной, просыхая первым, становится непривычно светлым асфальт. Светлеет все. Вот уже ярко-зеленые обочины усеяны золотыми россыпями одуванчиков, липы кудрявятся нежной листвой, в высокой синеве звенят жаворонки. В зените лета дышит зноем месяц липень, над дорогой

струится пьянящий аромат цветущих лип, проникая в окна машин, автобусов. В эту пору ни с чем не сравнить поездку в открытом кузове грузовика, когда липовый дух ощущаешь, кажется, всем существом. А еще хорошо идти незарастающей тропинкой в липовой аллее; хорошо прикоснуться к могучему шершавому стволу, так объемно, осязаемо имеющему по-украински «стовбур»; вслушаться в шелест листвы, в гудение пчел — звуки вечно мудрой природы. Июль, липень, — месяц-праздник на винницких дорогах: липы цветут. И снова черны вспаханные поля. На фоне густо-синего неба старой бронзой отливают кроны старых лип. Когда опадет листва и уже редко светит солнце, а промерзшая земля ждет снега, все так же величав длинный строй черных осанистых стволов под низким серым небом. Бежит вдаль дорога среди прекрасных деревьев — королей лиственного мира.

Существует много местных преданий, объясняющих происхождение этих посадок вдоль дорог: и с Потоцким связывают, и с Екатериной II, и с Суворовым... Верно одно: липы высажены в конце XVIII века, стали традиционным нарядом подольских дорог, и их продолжают сажать и поныне. Да будет вечным этот прекрасный обычай!

Новая дорога в наше время кое-где отклонилась от прежней аллеи, путепроводы, линии электропередачи, а главное, современные скорости передвижения плюс могучая строительная техника выпрямили, выровняли трассу, смело шагнувшую по высоким насыпям через долины речек и ручьев, некогда доставлявших своими деревянными мостиками немало хлопот.

Так и от села Комарова помчалась новая трасса прямо через холмы, оставив старой дороге роль четырехкилометрового подъезда к Вороновице. Эта старая часть дороги и позволяет составить представление о прежних временах. Дорога видела многое: и кареты, и возы, и Суворова, и декабристов, и первые автомобили, и первые колхозные тракторы, и стремительное наступление Красной Армии в начале 1944 года, когда асфальт был стерт в крошево танковыми гусеницами, а обочины усеяны битой вражеской техникой.

Когда же наконец дорога выбегает из-под лип, чтобы спуститься к мостику и в последний раз взбежать — уже в Вороновице, впереди, среди острых вершин темно-синих елей на мгновение показывается зеленая покатая крыша с белыми каминными трубами... Кто едет в поисках памятников прошлого, поймет, как волнует такое видение — внезапное, сулящее радость встречи, а порой и огорчение, и все это ус-

коряет и без того стремительное, волнующее приближение к цели, в данном случае к Вороновице.

Разделяя судьбу края, эти места в разное время подвергались опустошительным набегам татар, были под властью Турции, Польши. Как и во многих селениях Брацлавщины, здесь можно найти следы крепости и подземные ходы, относящиеся еще к XIV веку. Название поселка, впервые упоминаемое в документах под 1545 годом, по преданию, восходит к одной особенно жестокой битве с завоевателями, когда над полем брани, усеянном трупами, «вороны вились». Есть и другой вариант: «Воронка вьется», местная речка.

Выгодное положение на старом торговом тракте Винница—Тульчин—Балта способствовало экономическому росту села. По грамоте короля Августа III, датированной 21 ноября 1748 года, Вороновица получила права местечка. Памятники архитектуры XVIII столетия, которые сохранились в Вороновице, были построены теми же Грохольскими — пятничанскими, стрижавскими.

Спустя двести лет Вороновицкая усадьба все еще производит хорошо рассчитанный эффект внезапного, неожиданного появления среди сельской зелени, после белянских хат под соломенными «стрихами» импозантного трехэтажного здания, обращенного фасадом к дороге. Зеленые насаждения по краю усадьбы организованы так, что оставляют одну ограниченную точку обзора — точно по оси симметрии — на стройную фронтальную композицию дворца (1760-е гг.). В центре его массивный рустованный доколь с тремя арками входов и нишами между ними несет спаренные колонны, объединяющие средней и верхний этажи фасада. Свообразно трактованные огромные капители композиторного ордера вылеплены сочно, чрезвычайно рельефно. Обильная лепка растительного орнамента покрывает фриз и полукруглый выступ в центре парапета, венчающего портик.

Короткими дугами расходятся от центрального объема двухэтажные крылья, оканчивающиеся павильонами под сферическими куполами.

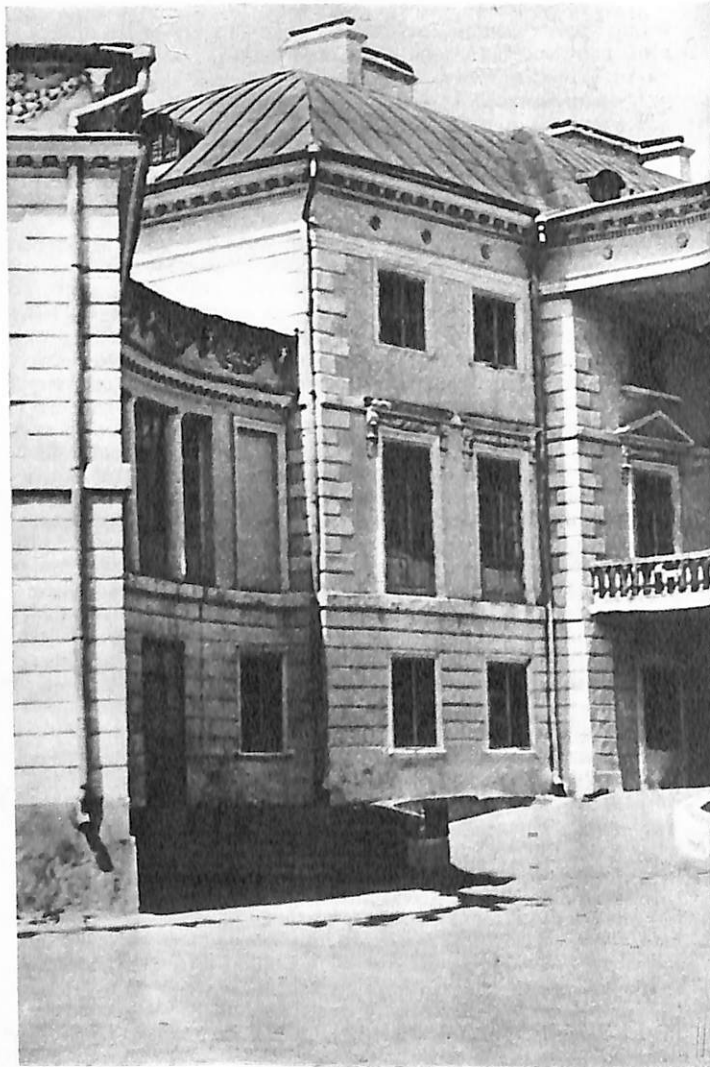
Здесь отчетливее, чем в Пятничанах, заметна принесенная из Франции модой века широкая пространственная осевая композиция, в которой дворец поставлен между обширным открытым парадным двором, окруженным флигелями и службами, и большим парком-садом. Не поддаваясь соблазну пройти кратчайшим путем — напрямик по новой дорожке через круглый партер, — проделаем путь, задуманный зодчим — по кольцевому подъезду. И тогда, по мере продвижения, плоская фронтальная композиция станет раскрываться

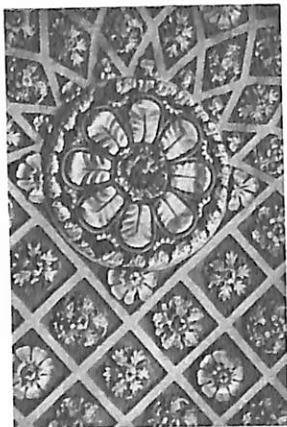
в объеме, являя все тонкости палладианских приемов. Ярко, выпукло вырисовываются великолепные формы здания, пластика объемов и деталей, главенство центральной части дворца, плавный изгиб крыльев, под карнизом которых бежит древний римский орнамент — гирлянда из плодов и цветов, чередующиеся с бычьими черепами.

Не часто встречается у нас этот орнамент, мотив которого восходит традицией к еще языческому обычаю украшать святилище черепами жертвенных животных. Первые христианские храмы Древнего Рима, а затем капеллы и склепы эпохи Возрождения декорировались примененным и в Вороновице орнаментом — так называемым букранионом.

В интерьере лучше сохранились потолки в двух залах, завершающих анфиладу южного крыла во втором этаже. Подчиняясь изогнутой форме плана, скрывая его криволинейность, первый зал для сохранения непренной симметрии выполнен в виде вытянутого овала. Помещение перекрыто зеркальным сводом с большим овальным плафоном, расчерченным крупной рельефной сеткой по диагоналям на квадратные ячейки, заполненные лепными цветками. Из двух крупнолистных розеток, обрамленных акантом и цветами подсолнечника, некогда свисали хрустальные люстры. Третье сиюне множество свечей струилось на плафон и замечательный рельеф, сплошь покрывающий падагу. Взмахнув лебедиными крыльями — руками, застыла с легкой улыбкой античная дева — богиня победы Нике; от ее бедра исходят длинные стебли аканта, переплетающиеся с виноградной лозой и включающие изображение рычащих льва и львицы — аллегория силы. Гротескный сюжет повторен симметрично парно по обеим сторонам зала. А между распалубками дверей и ниш помещены стройные полуобнаженные фигуры Флоры, богини весны, и Гебы, олицетворения юности, прислуживавшей богам на Олимпе во время их пиров и обносившей кубками с нектаром — напитком вечной молодости и бессмертия. Можно предположить, что под сводом зала некогда стоял овальный стол, не раз служивший для роскошных пиров брацлавских «богов»...

Соседний зал в торце-павильоне квадратный в плане. Сквозь окна с трех сторон весь световой день льются солнечные лучи, поочередно освещая шестнадцать белых колонн тосканского ордера, поставленные в круг. На них опирается высокий конический свод, разделенный гирляндами на шестнадцать же, по числу колонн, долей; между гирляндами — лепные девы. Линии орнамента, устремленные к большой рельефной розетке из акантовых листьев в венке

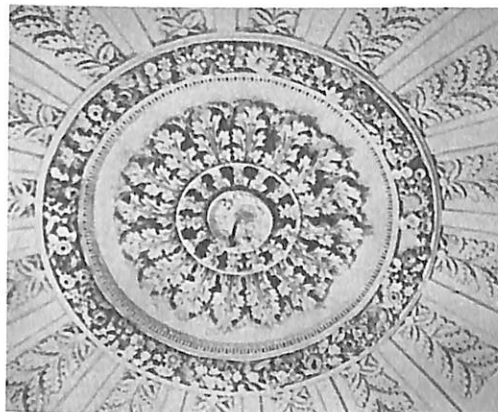
*Вороновица.
Дворец Грохольских.
1760-е гг.*

←

*Вороновица.
Дворец Грохольских.
Овальный зал. Розетка*

из садовых цветов, убывают по ширине, зрительно создавая иллюзию гораздо большей высоты зала, чем в действительности. А сегодняшняя действительность напоминает о себе поднятым под свод старинного зала макетом турбореактивного ракетноносца — экспонатом местного Музея истории авиации им. А. Ф. Можайского.

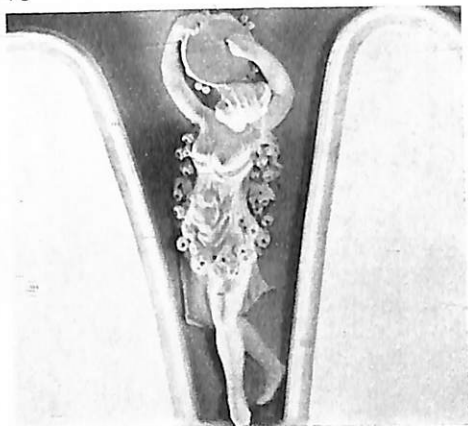
...Весной 1869 года вороновицкое имение купил (старожилы говорят — выиграл в карты) в Одессе у Грохольского капитан второго ранга Н. Ф. Можайский. Увы, в июле того же года новый владелец скончался, оставив четырехлетнего сына. Управлять имением приехал брат покойного — вышедший в отставку капитан первого ранга Александр Федорович Можайский. Несмотря на коварные происки местных магнатов, Можайский вскоре был избран почетным мировым судьей Брацлавского уезда — на пост, искони принадлежавший Грохольским. Проводя в жизнь земельную реформу, чуткий и внимательный к нуждам крестьян, Можайский пользовался уважением и любовью народа.

*Вороновица.
Дворец Грохольских.
Конусный зал. Розетка*

Сравнительно недавно в Вороновице еще жили старики, помнившие бывалого моряка — человека огромного роста и большой физической силы. В урочище «Дубина» у села Потуш, соседнего Тывровского уезда, где была дача Можайских, он поднимал воздушные змеи, используя для разгона тележку, запряженную лошадьми. Пробовал и сам летать на змеях, не всегда, правда, удачно. На опыты ушло все состояние... В Вороновице помимо обширной библиотеки имелась коллекция чучел птиц, собранная изобретателем. Изучая строение крыла и полет пернатых, Можайский сделал открытие, по тем временам поразительное, впоследствии составившее основу теории полетов летательных аппаратов:

«Для возможности парения в воздухе существует некоторое отношение между тяжестью, скоростью и величиной площади или плоскости, и несомненно то, что чем больше скорость движения, тем большую тяжесть может нести та же площадь».

*Вороновица.
Дворец Грохольских.
Овальный зал. «Флора»*

*Ганщина.
Михайловская церковь.
1752 г.*

Можайский провел в Вороновице восемь лет, а в 1882 году в Красном Селе под Петербургом поднялся в воздух первый в России самолет, имевший современную и ныне принципиальную схему. Теперь во дворце школа и музей.

Продолжим осмотр усадьбы.

С двух сторон партера сохранились хозяйственные флигели. В правом угадываются бывшие конюшни и каретник, украшенные спаренными рустованными пилястрами с небольшими полукруглыми окнами в пьедесталах. Прорезая распалубками свод подвала, окна дают свет. А строчка маленьких проемов по фризу — фуражный чердак.

За дворцом начинается регулярный парк, прежде весьма ухоженный, с сохранившейся планировкой. От середины более скромного паркового фасада дворца уходит вдаль главная аллея с прямоугольниками боскетов по обе стороны, фруктовым садом, поновляемым из поколения в поколение. «Воробей не смел пролететь!» — говорили старики, вспоминая прежний досмотр за садом.

Между боскетами и дворцом — полукруглая липовая аллея, раскрытая к зданию. Старые деревья с причудливой формы сучьями когда-то были «отформованы» — в регулярном парке зеленым насаждениям придавались ясные геометрические очертания путем подрезки и подвязки сучьев.

А из дальнего конца парка чуть заметна небольшая точка в центре дворцового фронтона, «парящего» над перспективой главной аллеи. Желание рассмотреть, что же это, вновь возвращает к белому зданию. Подойдя ближе, видим на смешливо высунутый язык маскарона Сатира — улыбку-шутку архитектора далекого века... Да, вороновицкий дворец весь полон доброго юмора, все еще видны следы царившего здесь когда-то веселья...

Рядом с усадьбой традиционные ели обрамляют фасад небольшого однефного костела Михаила Архангела (1793): тщательно проработанные пилястры ионического ордера, ниши, высокий фронтон, утративший треугольное завершение, боковые стены почти лишены декора — характерный для костелов стиля барокко прием акцентировки главного фасада.

Чуть дальше костела, по дороге на Немиров стоит церковь Рождества Богородицы (1777), отличающаяся характерными «костельными» чертами. Впрочем, все это видно лишь со стороны апсиды, фасад же одет в стекло и бетон: эхо переделки костела капуцинов в Виннице докатилось и сюда. Кинотеатр. Резной портал из алтаря перенесен отсюда, как говорят старожилы, в ближайшую Михайловскую церковь в селе Ганциня, слившемся теперь с Вороновицей. Деревянная эта церковь — уже знакомый по Виннице типичный украинский трехчастный храм. Народное творчество не знает повторений. По-своему неповторима и ганцинская церковь, очень живописно стоящая на склоне широкого холма, среди зеленого села, соразмеренная с окружением. Она несколько меньше винницкой, проще. Галерея опасания отсутствует, вместо нее — навес на кронштейнах, образно именуемый здесь капелюшем (то есть шляпой или полями шляпы), отводящим дождевую воду от фундамента сооружения. Гонтовая кровля давно заменена бляхой*, совсем иначе обрисовывающей главные шлемовидные очертания верхов, перехваченных легким пояском. Кованые кресты над западной и средней главками повторяют декор винницких крестов церкви Николая — стилизованные цветочные бутоны, а крест над восточной украшен раскрытыми

* Бляха (укр.) — кровельное железо, жель.

цветками; причем, кузнец применил те же детали, только по-иному скомпоновал их.

Небольшие размеры храма в плане, отсутствие прямых углов, выверенный пропорциональный строй его — все это создает ощущение покоя и уюта в интерьере, раскрытом на всю высоту. Широкий проем из притвора-бабинца с хорами, увешанный «дарчими» иконами в рушниках, открывает вид на иконостас, очевидно, современный храму. На сером поле иконостаса резко выделяются проемы барочных очертаний с потемневшими от времени ликами святых. Строгой каноничности и монотонности фона противопоставлены затейливые переплетения позолоченных завитков, украшающих пространства между иконами, а также легкие колонки иконостаса и словно олицетворяющих радость жизни. Сияние золота максимально сконцентрировано в резных царских вратах, выполненных с большим вкусом и мастерством. Линии акантовых разводов легко струятся, переплетаются завитками листьев, обрамляя шесть традиционных овальных медальонов с евангелистами, которые изображены в торжественно-вдохновенных позах, ярко, в хорошей реалистической манере.

Мотив переплетающихся листьев аканта еще виртуознее применен в сквозных, круглого сечения колонках, обрамляющих большую икону «Снятие со креста», выполненную в технике гризайля. Неизвестный мастер просто и тонко передал в динамике поз персонажей их душевное состояние.

Среди многих традиционных церковных сюжетов, воспроизведенных в росписях ганцинской церкви, наиболее удачен, пожалуй, образ Саваофа, украшающий плафон над алтарем. Здесь же, у горнего места, установлен деревянный резной портал из вороновицкой церкви Рождества Богородицы, составленный из тесно сгруппированных пилястр и колонн, с примитивными позолоченными каннелюрами.

Обращает внимание обилие «дарчих» икон, переданных вместе с рушником после похорон в церковь. Пестрота традиционных рушников придает интерьеру народный колорит, уют и своеобразие, вызывает желание всмотреться, сравнить технику исполнения вышивок — этого древнейшего вида украинского народного искусства. Чаще можно увидеть вышитые гладью цветы — по образцам из альбомов. Но вот и старинные полотняные рушники с поперечным геометрическим орнаментом красных и черных ниток, вышитым крестом. «Червоне — то любов, а чорне — то журба!» — вспоминаются слова песни. Ведь рушник проходит через всю жизнь украинца: на нем он рождается, крестится,

венчается, сходит в могилу; рушником украшают иконы, семейные портреты и фотографии, на нем подносят хлеб-соль... И вышивка гладью обращается к излюбленному народом мотиву «вазон». Именно он, уже лишенный давнего наивно-условного, схематичного трактования извечного рисунка — на плоском изображении поданы рельефные цветы, — воспроизведен на большом рушнике, помещенном под образом «Снятие со креста». Этот же сюжет, стилизованный и упрощенный техникой исполнения, можно увидеть и на железобетонных столбиках ворот усадьбы Михайловской церкви. Вазон, расцвеченный яркими красками, удачно «втиснут» глубоким контррельефом в узенькую поверхность столбика. Внизу оттиснута формой дата: «1969». Традиция живет!

4. Немировская старина

«Время основания Немирова неизвестно, но предания и письменные свидетельства дают ему древность очень почтенную», — говорится в книге «Городские поселения в Российской империи» (т. 4, Спб., 1864, с. 97).

Следы этой древности в виде огромного городища сохранились в трех километрах к востоку от современного Немирова. Поселение существовало там и во времена неолита, трипольской культуры, и в раннескифский период, и в эпоху расцвета Киевской Руси — вплоть до татаро-монгольского нашествия XIII века.

Новое укрепление возникло на другом, более удобном для обороны месте — на возвышенности, окруженной с трех сторон речкой, — и получило название, отличное от прежнего летописного (Миров), а именно: Немиров.

По другой версии Немиров обязан своим названием некоему Немиру, которому князь Кориатовичи дали в 1388 году эти земли. Основанный им городок стал Немировым — Немировом. Первое упоминание такого названия встречается в ярлыке Менгли-Гирея под 1506 годом.

Турки и татары хорошо знали это поселение, игравшее в силу своего топографического и стратегического положения важную роль в борьбе за Брацлавщину. Крестьяне-беглецы, осваивавшие местные земли, мужественно сопротивлялись набегам беспокойных южных соседей, с которыми не могло справиться своими силами польское правительство. Польский король проводил двойственную политику, балансируя между турецкой экспансией и казацкой непокорностью, стараясь удержать Подолье и Брацлавщину в

своей власти. Польские феодалы жестоко подавляли всякие народные движения протеста на Украине, и первой жертвой среди славных казацких вождей пал гетман Иван Подкова. Молдаванин по происхождению, он стал запорожским казачком, был избран гетманом и во главе украинско-молдавских отрядов выступил на борьбу с турецким ставленником молдавским господарем Мирчицем. Подкова одержал ряд побед, освободил Яссы и был провозглашен господарем Молдавии. Но вскоре большое турецкое войско двинулось против Подковы. Не имея достаточных сил для отражения натиска противника, он отступил на Украину и в Немирове был обманом захвачен брацлавским воеводой Яном Збаражским. В угоду соглашательской по отношению к султану и крымскому хану политике Стефана Батория Иван Подкова казнен на рынке во Львове 16 июня 1578 года. Прекрасно понимая истинные причины, львовский летописец с горечью и иронией пишет: «Баторий бул во Львові і поїхал на лови (охоту. — Д. М.), а казал козака Подкову стяти (казнить. — Д. М.), бо посол турецький скаржил (жаловался. — Д. М.) на него, що татарув біял і до Польщі недопущал».

Древняя часть Немирова расположена подобно многим старым украинским селениям, в которых, по словам Павла Алеппского, «все дороги проходят через средину... причем путешественник вступает в одни ворота и выезжает в другие, а потайных дорог мимо городов вовсе нет. Это большая охрана». Немиров же охраняли с трех сторон пруды, и деревянный замок, подобный винницкому, высился на скалистой круче над водой, против въезда со стороны Вороновицы. Гранитные глыбы, торчащие из воды и из некошеных трав на кручах, помнят многое. Речка, омывающая утес, где стояла городня деревянной крепости, называлась прежде Городницею, а скалистый выступ — Выспой*, чем подчеркивалась его неприступность.

К 40-м годам XVII века Немиров принадлежал самому рьяному поборнику католицизма, отступнику от православия князю Яреме Вишневецкому, известному своим жестоким обращением с крестьянами. Поэтому уже в самом начале освободительной войны, горя жаждой возмездия, сюда устремились казацко-крестьянские войска во главе с ближайшим соратником Хмельницкого Максимом Кривоносом. 20 июня 1648 года повстанцы подошли к Немирову. Реально оценив соотношение сил и явно более выгодную позицию укрывшегося в замке польского гарнизона, Кривонос спрятал основной отряд в укрытии, а вперед выслал

* Высна (польск.) — остров.

полсотни казаков, одетых по-польски. Перед воротами они появились с хоругвью, ударили в литавры, заиграли в трубы, выполняя обычный средневековый ритуал приветствия. Подзадориваемая криками горожан: «Войско польское идет нас оборонять!» — стража выпустила отряд и тут же поплатилась за свою ошибку: началась жестокая сеча, а в распахнутые ворота уже ввалились основные силы Кривоноса. Побойще, устроенное им в местечке, было достаточно жестоком, но то был правый народный гнев, накопившийся под шляхетско-католическим гнетом.

На подавление восстания выступил с Левобережья со своим войском Вишневецкий. Фуражиры, высланные им за провиантом в Немиров, были, естественно, изгнаны, и тогда явился сам разъяренный князь. Его вымуштрованные «жовниры» приступом взяли замок. Расправа с повстанцами превзошла все жестокости той войны. Каждый, кто был заподозрен как участник восстания, подвергался страшным пыткам. По свидетельству современников, Вишневецкий требовал от своих подручных мучать пленников так, «чтобы они чувствовали, что умирают». Долго еще в памяти немировцев оставались «наместа» из голов. Впрочем, едва кровавый князь отправился дальше усмирять край, как в Немиров вернулись казаки, и до конца 1654 года город оставался сотенным местечком Брацлавского полка.

В период турецкого владычества, с 1685 года Немиров становится, правда ненадолго, столицей учрежденного турками «Сарматского княжества». Здесь не с лучшей стороны проявил себя «князь» Юрко Хмельницкий, оказавшийся недостойным славы знаменитого отца. Его правление в Немирове отмечено не постройкой храма, как полагалось по неписаным традициям старины, а заведением гарема. Впрочем, и турки скоро разобрались в своем вассале: за злоупотребление властью судим был Юрко в Каменце. На городской площади накинута ему веревку на шею, отвели к мосту, там задушили и сбросили в Смолчич. А за кручей над немировским прудом, видевшей многих можновладцев, закрепилось название в память самого одиночного из них — «замок Юрка Хмельницкого».

К началу XVIII века истощенная войнами и нашествиями Брацлавщина заметно пустеет. Московский священник Иван Лукьянов, отправившийся в 1710 году в «святую землю», пять дней ехал от Паволочи до Немирова, и было это «путное шествие печально и уныло, бяше бо видати ни града, ни села; аще бо и быше прежде сего грады красны и нарочиты селы видением — но ныне точно пусто место и не населяемо, не бе видети человека. Пустыня веля и

зверей множество: козы дикие, и волцы; лоси, медведи; ныне же все развоевано да разорено от Крымцев. А земля зело угодна и хлебородна, и овощу всякого много; сады, что дикий лес: яблоки, орехи воложские, сливы, дули, да все пустыня; не дадут собаки Татары населиться; только населятся селы, а они собаки пришед и разорят, а всех людей в полон поберут. Не погрешу эту землю назвать златою, понеже всего много на ней родится. И идохом тою пустынею пять дней, ничто же видихом от человека... только тропы татарские конные». Можно усомниться в объективности подобной картины полного запустения, приняв во внимание склонность старых авторов к преувеличениям, однако доля истины все же велика. Но и в годы пустки Немиров не пустел.

А когда возобновилась польско-католическая экспансия на Подолье и Брацлавщину, народ вновь поднялся на борьбу. Ватажки гайдамаков Палий, Самусь, Абазин держали в страхе немировских панов. Старинные украинские песни хранят образы легендарных героев — борцов за лучшую долю. Вот как пелось о знаменитом фастовском полковнике Семене Палие:

«Люлька в зубах зашкварчала,
Шабля в ножнах забренчала, —
Шабля різанину чує,
Люлька пожари віщує.
То Палій, то Палій!
Де був город — попелище,
Де був замок — там кладбище;
Хто в пожару пана шкварить
І з пожару люльку палить?
То Палій, то Палій!»

После неудачного для казаков боя под Ладыжином в 1703 году был захвачен сподвижник Палия брацлавский полковник Андрий Абазин, о котором в народе пели такую песню:

«Ось то тобі, Абазіне,
Від ляхів заплата, —
Серед ринку в Немирові
Головонька знята!»

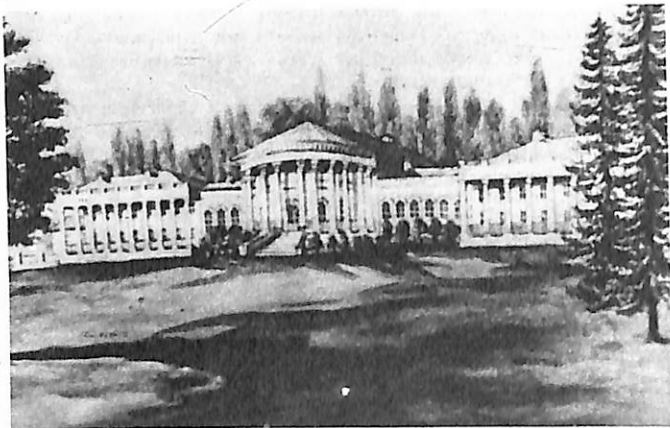
В начале XVIII века местечко принадлежало уже Потоцким. Они восстановили замок и дворец в нем, где в 1737 году с августа по ноябрь великий коронный гетман Юзеф Потоцкий принимал дипломатов России, Австрии и Турции, собравшихся во время русско-турецкой войны на

конгресс, получивший впоследствии историческое название — Немировский. Русскую делегацию возглавляли видные дипломаты петровской школы П. П. Шафиров, И. И. Неплюев, А. П. Воынский.

Прошло еще полвека. В полдень 16 мая 1787 года пушечный салют эхом разнесся над прудами, возвестив о прибытии короля Станислава-Августа. Пока перепрыгали и пасли лошадей, король осматривал Немиров, где многое могло ему понравиться, будучи плодом его политики. Вот в коротких камзолах и треуголках выстроился для приветствия «корпус шляхетной молодежи» — созданное по наставлениям Эдукационной комиссии частное учебное заведение. А вот мануфактуры, разместившиеся в старом замке, где вырабатывались полотняные набивные скатерти и головные платки, называвшиеся колтринами*, потому что на них наносился рисунок панских обоев — шпалер. Здесь же ткали ковры, причем их узор имел много общего с традиционным украинским цветным ковром — килимом. Ведь каждая крестьянская семья, ведя натуральное хозяйство, держала несколько овец. Как говорили на Украине, «від вівиці три вигоди — кожух, свита й губа сита». Свита шилась из сукна, вырабатывавшегося дома на том же станке — верстате, что и полотно и ковер. Немировские мануфактуры выпускали и кожаные изделия. Весь этот товар славился на ярмарках, пользовался спросом и на внешнем рынке.

Замок был отдан под мануфактуру не случайно. Шли веяния новой моды, и великий подкоморий Винцентий Потоцкий построил другую резиденцию-палац, окружив его регулярным парком, который начали закладывать как раз во время визита короля. Магнат чувствовал себя в своих имениях неким удельным князем, даже чеканил собственную монету с изображением фамильного герба «Шилява». Большой любитель садоводства, он ввел новый обычай: его крестьяне могли жениться лишь в том случае, если посадили несколько фруктовых деревьев, причем привой нужно было брать непременно в графском питомнике, а уж там сорта подбирались наилучшие. Сады в Немирове и соседней Ковалевке славятся и поныне. Существует предание, будто дворец в Немирове — одноэтажный, с белой колоннадой и оранжереей палым в правом крыле — разобрали по прихоти Винцентия и перенесли в Ковалевку. Но здание не сохранилось, а прекрасный парк в Ковалевке с декоративными насаждениями и прудами переделывал после 1831 года уже знакомый нам паркостроитель Д. Макклер.

* Колтрины (польск., устар.) — обои.

Немиров.
Дворец Б. Потоцкого.
Акварель Н. Орды. 1874 г.

Композиционную выразительность парка в Ковалевке определяют контрасты открытых лужаек и густых зарослей, отдельных деревьев — солитеров, плотных посадок вдоль цепочки прудов. В глади водных зеркал отражаются искусно оформленные насаждениями холмы разной высоты и крутизны, а на небольшом островке пруда Кемпа в густых зарослях прежде белел таинственный памятник. По преданию, он отмечал место захоронения великого английского филантропа и тюрьмоведа Джона Говарда (1726—1790) — замечательную личность своего века.

Летом 1789 года Говард вторично посетил Россию. Осмотрев петербургские больницы, неутомимый филантроп поехал в Кременчуг, где в то время находились большие госпитали, а потом отправился в Херсон, где свирепствовала эпидемия тифа. Говард бесплатно лечил бедняков, но, заразившись, умер 20(31) января 1790 года. Похоронили его, по завещанию, «вдали от жилищ человеческих» — на хуторе француза Дофиньи близ Херсона. Здесь же поста-

вили памятник с солнечными часами и надписью на латинском языке: «Кто бы ты ни был, ты у могилы твоего друга». На доме в Херсоне, где он жил, установлена мемориальная доска, а против старой тюрьмы сооружен обелиск с бронзовым медальоном, изображающим Говарда. Основой для этого изображения послужил скульптурный портрет на памятнике Говарду, находящийся в соборе св. Павла в Лондоне.

Предание же не раз было предметом споров еще в прошлом столетии. Суть его такова.

Винцентий Потоцкий в третий раз был женат на молодой вдове княгине Елене де Линь, урожденной Массальской. Воспитанница парижского монастыря Обуа, пылкая почитательница филантропии пожелала иметь возможность поклоняться могиле великого англичанина непосредственно в... Ковалевке. Могущественный магнат не останавливался ни перед чем, когда дело касалось капризов его супруги. Егомосьц* велел приготовить несколько краковских брик**, усадил в них своих надворных казаков, разумеется вооруженных с головы до ног, и послал отряд в Херсон. Глубокой ночью посланцы Потоцкого извлекли из могилы прах Говарда и поспешили в Ковалевку, благо по пути были представлены сменные кони для скорейшей езды; пустынные херсонские степи сохранили тайну похищения. В Ковалевке уже с пышной церемонией совершилось захоронение праха Говарда на островке романтического парка. Памятник украшали изображение пеликана и бюст филантропа. На обратной его стороне была сделана надпись по-французски: «Здесь покоится Джон Говард. О ты, живущий в окружении удовольствий и изобилия, наделенный властью, думай о тех, которые прозябают в болезнях, в нужде, в темноте тюрем, лишенные воздуха, необходимого для всех».

Как понимал эти строки помещик Винцентий Потоцкий, неизвестно, но в Тульчине нам встретится другая надпись, другого Потоцкого — Щенского, столь же фарисейская.

После второго раздела Польши, когда Подолье отошло к России, Винцентий продал Ковалевку и Немиров Щенскому, а тот подарил их старшему сыну, Ежи. Незадачливый наследник вскоре промотал огромное состояние, набрав долгов на тридцать миллионов злотых. Спасла его, заплатив все долги, практичная мачеха София, она же и любовница пасынка. По ее завещанию Ковалевка с Немировом достались Болеславу — юридически сыну Щенского, фактически его внуку...

* Егомосьц (польск.) — господин, барин.

** Краковская брика (польск.) — особого типа фура, повозка.

*Немиров.
Колокольня
Троицкой церкви. 1842 г.
Фото 1900-х гг.*

В 1803 и 1811 году Немиров сгорел дотла, и из построек времен Щенского сохранился на главной улице приходской костел Иосифа Обручника (1805). Даже утратив в 1930-е годы две громадные симметричные башни на фасаде, превосходившие по высоте все сооружения города, костел все так же украшает Немиров. Его фасад оформлен лоджией из спаренных колонн ионического ордера меж двух ризалитов, эффектно оттеняющей вход. Несмотря на дробность и некоторую измельченность объемов, здание впечатляет хорошей, грамотной проработкой классических архитектурных деталей. Выкраска в два цвета (желтый и белый) отвечает требованиям позднеклассического стиля, тогда еще очень непривычного в сакральной архитектуре.

А сзади костела (ныне — Дом культуры) — небольшая, прежде знаменитая торговая площадь Колода. Когда-то посреди площади лежала колода с выдолбленными в ней гнездами — емкостями, каждая из которых точно соответствовала пуду пшеницы, пуду ячменя, гороха и т. д.

Рядом с костелом главную улицу пересекает вторая основная городская магистраль, ведущая в Ковалевку и на полпути упирающаяся в бывший Троицкий монастырь, основанный в 1783 году.

Из трех его храмов осталось медленно разрушающееся здание Троицкой церкви (1876—1881). Ее выгодно отличает от современных ей церквей того же стиля хорошо продуманный и четко выявленный объем, простой и рациональный в центрическом своем решении: традиционный византийский барабан с частой вереницей высоких окон покоится на массивном тетраконхе.

Из прочих построек бывшего женского монастыря интересен одноэтажный корпус келий — низенький, длинный, с галереей коротеньких колонн тосканского ордера, столь излюбленного за простоту исполнения в Немирове.

На небольшой площади перед разностильными и разновременными постройками бывшего монастыря возвышается скромный, со вкусом исполненный памятник великому русскому поэту Н. А. Некрасову (скульптор А. Скобликов, архитекторы В. Жигулин, А. Крейчи, 1971). В 1820-е годы близ монастыря стоял полк, а «формулярный список о службе и достоинстве 18-й Пехотной дивизии, 3-й бригады бригадного адъютанта 36-го егерского полка капитана Некрасова», который «живет при полку», то есть в Немирове, подтверждает факт рождения поэта именно здесь. Вероятно, на одном из офицерских балов, куда приглашались и окрестные помещики, познакомился Алексей Некрасов с юной Еленой Андреевной Закревской. «Армейский офицер, едва грамотный, и дочь... богача — красавица, образованная, певица с удивительным голосом...» — писал в конце жизни о молодых годах своих родителей Н. А. Некрасов. Известно, сколь благотворное влияние на формирование мировоззрения маленького Коли оказала именно мать — украинка по национальности. Поэт с благодарностью вспоминал о ней во многих произведениях. Но старожилы, ссылаясь на местное предание, указывают совсем другое место, где родился Некрасов. Кстати, здание, на котором установлена мемориальная доска с барельефом поэта, появилось в Немирове спустя шестьдесят лет после памятного события. Это — бывшее епархиальное училище (1881).

А было будто бы так. Утром 28 ноября (10 декабря) 1821 года выехал из Немирова экипаж, да и остановился на подъеме за плотиной Вороновицкого пруда, так и не добравшись в тот день до Юзвина, где жили родители Елены Андреевны. Пришлось вернуться, ибо на сем месте произошло прибавление семейства капитана Некрасова. Сын наре-

*Немиров.
Мужская гимназия.
1838 г.*

чен Николаем — в честь покровителя странствующих и путешественников: в дороге ведь случилось!..

Среди офицеров квартировавшего в то время в Немирове полка был и Николай Александрович Крюков (1800—1854). В конце 1820 года он вступил в Южное общество декабристов и под влиянием встреч в Тульчине с П. И. Пестелем стал убежденным республиканцем и материалистом-атеистом. Крюков участвовал в разработке предложенного Пестелем проекта русской конституции, держал связь с Васильковской управой — С. Муравьевым-Апостолом.

В том же полку в 1825 году служил и молодой офицер А. П. Стороженко (1805—1874), впоследствии известный украинский писатель, о котором упомянем еще в главе, посвященной Тульчине.

Немиров XIX века славен множеством знаменитых людей, в нем родившихся, живших, гостивших. В известной мере это можно объяснить и гостеприимством известного немировского «благодетеля» помещика Болеслава Потоцкого,

чей великолепный портрет кисти австрийского художника Г. Гольпайна экспонируется в Винницком краеведческом музее.

Одним из центров просвещения и культуры города была Немировская гимназия, основанная вначале как частное учебное заведение для «шляхетной молодежи». В 1785 году в нем занимались только двенадцать учеников, а спустя десять лет в пяти классах числилось уже более двухсот мальчиков и двенадцать преподавателей, причем если в первом классе возраст учеников колебался от шести до двадцати трех лет, то в пятом были «мальчики» и тридцати трех лет от роду!

После пожаров, опустошивших местечко, школа долго не имела постоянного помещения. Болеслав Потоцкий пригласил в Немиров профессора механики и архитектуры Киевского университета Ф. И. Меховича (1783—1852), исполнявшего и обязанности архитектора Киевского учебного округа, в который входила Подольская губерния. Мехович составил проект и руководил постройкой большого двухэтажного здания гимназии, выдержанного в правилах практического стиля сухой казенной архитектуры: рустованный нижний этаж, руст на углах, длинные ряды прямых высоких окон (1838). Здание это памятно пребыванием многих выдающихся людей.

В разные годы здесь учились: украинский писатель, друг и один из первых биографов Т. Г. Шевченко, одно время и сам учитель той же гимназии, М. К. Чалый; украинский педагог и просветитель И. Нечипоренко, писатель-народник А. О. Новодворский (А. Осипович), драматический актер Неделин (Е. Я. Недзельский), поэт-революционер Г. А. Мачтет, автор любимой песни В. И. Ленина «Замучен тяжелой неволей» — траурного гимна русских революционеров; наконец, польские писатели Т. Еж и И. Антони (Ролле), известный популяризатор истории Подолья. Немировскую гимназию посещал в бытность попечителем Киевского учебного округа Н. И. Пирогов, и немировские гимназисты обязаны ему отменной наказания розгами. Здесь в 1846—1847 годах преподавал рисование известный украинский художник И. М. Сошенко. Скромный труженик, выходец из крестьян (его дед Соха был кожемякой) прошел сложный путь в искусстве, много сделал для других. Это он, встретив в Летнем саду юного Тараса Шевченко, открыл талант крепостного казачка, помог выкупить его из неволи, оставался верным другом великого Кобзаря всю жизнь. В Немирове Сошенко попал в немилость у директора-самодура и вынужден был, не вынеся изощренных издевательств, выйти в отставку.

Не стало даже того ничтожного заработка, который давала более чем скромная должность. Он много и усердно работал, выполняя заказы сельских батюшек. Честный художник стремился к правдивому, подлинно художественному изображению, простодушные и невежественные заказчики требовали одного — поярче да подешевле. Восемь лет прожил Сошенко в отставке, терпя крайнюю нужду в самом необходимом, и за это время выполнил лишь одну капитальную работу: игуменьи немировского Троицкого монастыря Аполлинария, женщина умная и образованная, состоявшая настоятельницей с 1845 по 1903 год (!), заказала ему запрестольный образ «Успение божьей матери» огромных размеров с множеством фигур в натуральный рост. Художник писал картину полтора года, нанимая на последние медяки натурщиков из церковных нищих. По окончании работы он получил монастырский домик стоимостью шестьсот рублей, хотя средств к существованию все равно не было. Но, как говорится, свет не без добрых людей. В 1855 году честность и трудолюбие художника нашли признание. Он был приглашен управляющим имением Потоцкого в Тульчине А. А. Абазой писать копии с тульчинских дворцовых картин. Художник жил на полном пансионе, в светлой теплой комнате главного дворцового здания, обедал за общим столом с Абазой, «смаковал старого венгржина» из погребов графа, гулял в парке, словом, наслаждался радостями жизни. Среди копий, писанных им в Тульчине, был и портрет работы Ж. Лампи знаменитой «прекрасной фанариотки» Софии Потоцкой...

Некоторое время в Немировской гимназии преподавал польский язык поэт, друг Шевченко Ю. Велина-Кенджицкий, позже за участие в восстании 1863 года сосланный на двадцать лет в Сибирь.

В 1855—1859 годах географию преподавал А. В. Маркович — украинский фольклорист и этнограф. Именем его жены, замечательной украинской писательницы Марко Вовчок (Мария Александровна Вилинская), названо Немировское педагогическое училище, занимающее здание бывшей гимназии, с мемориальным музеем писательницы; памятник ей сооружен у здания средней школы. Мемориальная доска установлена на том месте, где когда-то стоял скромный домик, в котором квартировали Марковичи. Жили коммуной с коллегами — прогрессивно настроенными учителями И. П. Дорошенко, П. Г. Барщевским, А. Г. Теодоровичем — «рыцарями чести и дружбы». По праздникам устраивали любительские спектакли, нанимая несколько бричек и ехали на пикник на Южный Буг, к скалам Печеры.

В Немирове Марко Вовчок создала много произведений, исполненных пламенной любви к простым труженикам с красивой и доброй душой, чистыми, верными чувствами, погубленными крепостным правом.

Архитектурный облик Немирова середины XIX века во многом определила деятельность Ф. И. Меховича, построившего здесь несколько общественных зданий. Среди местечковых «домиков незатейливой архитектуры», садов и огородов кроме уже упомянутого нами костела выделялись еще гимназия, лютеранская кирха, колокольня Троицкой церкви, английские коттеджи и швейцарские шале, корчма и другие постройки. Зодчий, идя в ногу с лучшими архитекторами переходного этапа — от классицизма к эклектике, — находил правильный объем, пропорции и характерный для данного стиля сооружения облик. В этом ему, несомненно, помогали и личные качества человека нового, практического склада, который впоследствии воплотился в понятии «гражданский инженер»: ведь Мехович был еще и механиком, математиком, «геометром».

Две культовые постройки, возведенные в 1842 году в Немирове по проекту Меховича (колокольня Троицкой церкви и башня лютеранской кирхи), похожи, как близнецы, благодаря совершенно одинаковым пропорциям и силуэтам. Традиционный восьмерик двухъярусной колокольни завершал высокий шатер северных русских церквей, сбегаящий книзу «юбочкой». Четырехгранный шатер шпиль кирпичи декорировали по углам малые шпили, а высокая двускатная крыша, узкие стрельчатые окна и вся композиционная схема создавали типично немецкий облик лютеранского храма. Но силуэты шатров церкви и кирхи удивительно похожи. Даже украшающий их поясok простого геометрического орнамента одинакового рисунка.

Учителя гимназии — местная интеллигенция — приглашались во дворец на балы, которые давал граф Болеслав Потоцкий.

Здание дворца проектировал и строил тоже Ф. И. Мехович (около 1840 г.) в уже подросшем немировском парке, на месте, где стоял когда-то дворец, перенесенный в Ковалевку. Это был большой дом — «частью каменный, частью деревянный, с двухэтажными павильонами, при них галереи и большой зал с балконами». Величественное здание с тремя ризалитами, декорированными приставной колоннадой, видело кроме тогда еще безвестных немировских учителей уже признанных великих деятелей культуры XIX века.

В феврале 1847 года Ференц Лист, в третий приезд в Россию, был на знаменитых «контрактах» — ежегодной

*Немиров.
Памятник Марко Вовчок.
Скульптор П. Мовчун
1975 г.*

*Немиров.
Женская гимназия. XIX в.*

киевской ярмарке. Успех пианиста превзошел все ожидания: в Киеве просили дать в шесть раз больше концертов, чем намечалось. Здесь он встретился с богатой подольской помещицей двадцати восьми лет, красавицей, свободно изъяснявшейся на большинстве европейских языков, княгиней Каролиной Сайн-Витгенштейн. Под влиянием умной, обаятельной женщины Лист навсегда прекращает гастрольно-концертную деятельность и всецело отдается сочинению музыки, а через десять лет, следуя совету и настояниям подруги, ушедшей в монастырь, великий композитор, спасаясь от докучливого, назойливого света, принял сан аббата. Будучи в Киеве, Лист ездил в Немиров, где давал один из последних своих концертов.

Через несколько лет после Листа в Немиров приезжал великий французский романист Оноре Бальзак с Эвелиной Ганской.

Как видно, богатые подольские красавицы славились в Европе. Впрочем, спустя еще несколько лет в Немирове

*Немиров.
Дворец Марии Щербатовой.
1885 г. Северный фасад.
Фрагмент*

*Немиров.
Дворец Марии Щербатовой.
Южный фасад. Фрагмент*

засверкала и северная красавица — младшая дочь А. С. Пушкина, Таша, семнадцати лет. Она вышла замуж за Михаила Леонтьевича Дубельта, сына начальника штаба корпуса жандармов, управляющего III отделением собственной его императорского величества канцелярии, злейшего врага Пушкина — Л. В. Дубельта. Поистине — ирония судьбы! Блестящий флигель-адъютант, начальник штаба квартировавшего в Немирове полка пил, играл в карты, бешено ревновал жену и избивал ее. Брак, от которого осталось трое детей, оказался недолговечен. А в 1861 году Наталья Александровна как графиня Меренбург вторично венчалась с прусским офицером принцем Нассау. Получив от матери ценную семейную реликвию — переписку с её отцом, Таша передала письма поэта И. С. Тургеневу, и в 1877 году они были опубликованы в «Вестнике Европы».

Но здания того палаца уже нет. По указанию внучки Болеслава, последней немировской помещицы княгини Марии Григорьевны Щербатовой (урожденной Строгановой), дво-

рец разобрали в 1880 году. Через семь лет она переехала из Петербурга в Немиров и занялась постройкой нового здания, начатой в 1885 году, как говорят старожилы, по образцу увиденного княгиней в Англии. Суеверной владелице гадалка предсказала смерть по завершении строительства. Поэтому работы велись медленно, по многу раз переделывались уже вполне законченные детали, одна артель мастеровых сменяла другую, третью. Для помещицы же постройка стала целью жизни. Но судьбу не обманешь... С 1921 года в «незавершенном строителем дворце б. кн. Щербатовой в Немирове» открыт дом отдыха. Отделка же фасадов закончена лишь к началу 1960-х годов.

Плавный изгиб широкой аллеи ведет в прохладную тень старых деревьев. Птичий голос, рыжий пушок, стремительно пронесшийся через дорожку и исчезающий за черным бороздчатым стволом огромного клена, густая зелень, скрывающая дальнюю перспективу, — все успокаивает, умиротворяет и... настраивает, подготавливает к ожидаемому видению. В конце аллеи появляется стройный портал, каннелированные пилястры и нарядный парапет-балюстрада над темными проемами крупных окон. Вначале увиденное воспринимается как фасад роскошного дворца. Но тонко продуманная виста — узкая перспектива, создаваемая двумя рядами деревьев, — по мере продвижения зрителя раскрывается панорамой гораздо большего здания, и то, что вначале показалось центром фасада, — лишь боковой ризалит. Здание же тянется дальше, и там, впереди, высится внушительный шестиколонный портик ионического ордера, и имен портик с пандусом подъезда — в центре фасада!

Все четыре стороны двухэтажного корпуса решены по-разному. Величественному северному фасаду, с которого мы начали осмотр, с цветочным партером перед ним, так и оставшимся неоконченным, как бы противопоставлен восточный торец — интимный, уютный и подлинно шляхетный*. В центре его устроен крупномасштабный полукруглый эркер со сплошным, на всю створку окон, зеркальным «бемским» стеклом, расчлененный трехчетвертными колоннами тосканского ордера, тщательно профилированными из песчаника теплых тонов. Примыкающий с этой стороны уголок регулярного сада, специально воссозданный, видимо, по старому плану в конце XIX века, подобно полотнам «мирискусников» уносит во времена абсолютизма. Плотные «стены» из стриженного мелколистого граба образуют боскет в двух

* Шляхетный (польск. укр.) — здесь: благородный. Данное слово в означенном смысле широко употреблялось в России XVIII века.

ярусах, открытый к восточному фасаду, напоминающему пропорциями и членениями версальский Малый Трианон. Густая листва чуть наклоненных внутрь живых стен создавала прекрасный фон для стоявших здесь мраморных изваяний. Несмотря на повреждения и стареющий каррарский мрамор, все еще прекрасны ангел с янненком, псевдоантичная ваза и пара спящих львов на высоких мраморных пьедесталах. Геометрические узоры стриженного букуса контрастируют с нежными цветами, заполняющими все свободное пространство. Продолжала пространственное развитие ансамбля от дворца к регулярному саду вытанутая поляна, поделенная на три части кулисами из сгруппированных определенным образом деревьев и организующая вид на великолепный белый эркер восточного фасада. Взаимная подчиненность пейзажей и планировочных композиций парка и дворца особенно хорошо разработана с южной стороны — сказываются приемы устройства английского парка. Здесь паркоустроители, используя многолетние насаждения, устроили пять вист, различных по глубине и характеру оформления перспектив, оси которых расходятся веером, акцентируя массивный четырехколонный портик южного фасада. Этот вид — главный во всем ансамбле — неизменно прекрасен с любой точки обзора.

Эффект помпезности достигнут за счет вынесенного вперед центрального ризалита, обработанного, подобно эркеру восточного фасада, крупными деталями. Два огромных, сложного рисунка окна — видоизмененные «окна Сансовино», фланкируя портик, своим изысканным декором рельефно выделяются на светлом фоне стен. Безупречная колоннада ионического ордера оттенена глубокой лоджией, наподобие зала-террена — столь излюбленного элемента дворцово-парковых ансамблей итальянского Возрождения. Да, это самое нарядное место! Три стеклянные двери позволяли на летних балах танцующим парам перемещаться из зала на террасу и обратно в зал, паркет которого отражает каннелированные пилястры композитного ордера с капителями, включающими изображение герба. Зал перекрыт зеркальным сводом. По вечерам его освещала когда-то не только люстра, но и первые, еще угольные электрические лампы, скрытые сильно выступающим карнизом.

На торцевой стене танцевального зала сохранились декоративные детали, перенесенные, вероятно, из первого дворца: большой камин белого мрамора с кариадами и два мраморных медальона. Один из них, изображающий сцену «Геракл у Омфалы» (олимпийские боги заставили Геракла в отместку за убийство его друга Ифита пробыть три года в

*Г. Гольцайн.
Портрет В. Потоцкого
с дочерью Марией
и С. Володкевич. 1849 г.
Середина XIX в.
Винницкий
краеведческий музей*

работе у лидийской царицы Омфалы. Она издевалась над Гераклом, принуждая его прясть и ткать со своими служанками), мог служить намеком на увлечения Винцентия Потоцкого мануфактурами. Второй медальон изображает явление Афины Паллады Одиссею после его возвращения на Итаку.

Заслуживает внимания интерьер бывшей летней спальни. Две прекрасные колонны розового стукко делают помещение на две неравные части. Просторную комнату украшает великолепная роспись, изображающая огромный шелковый платок, окаймленный тонко прорисованной гирляндой из садовых и луговых цветов, поверх которого лежит полупрозрачная газовая ткань, оттянутая золотыми фибулами к углам. Солнечные блики играют на стеклах тройного окна-двери, ведущей из спальни на площадку стилобата, опоясывающего крыльцо здания. Внизу, за балюстрадой, простреют яркие цветы, будто слетевшие с гирлянды плафона спальни. Ансамбль в целом — воплощенное единство двorca и парка, творческих устремлений зодчего и садовника.

*Л. Кульельми.
Портрет М. Г. Щербатовой.
1867 г. Винницкий
краеведческий музей*

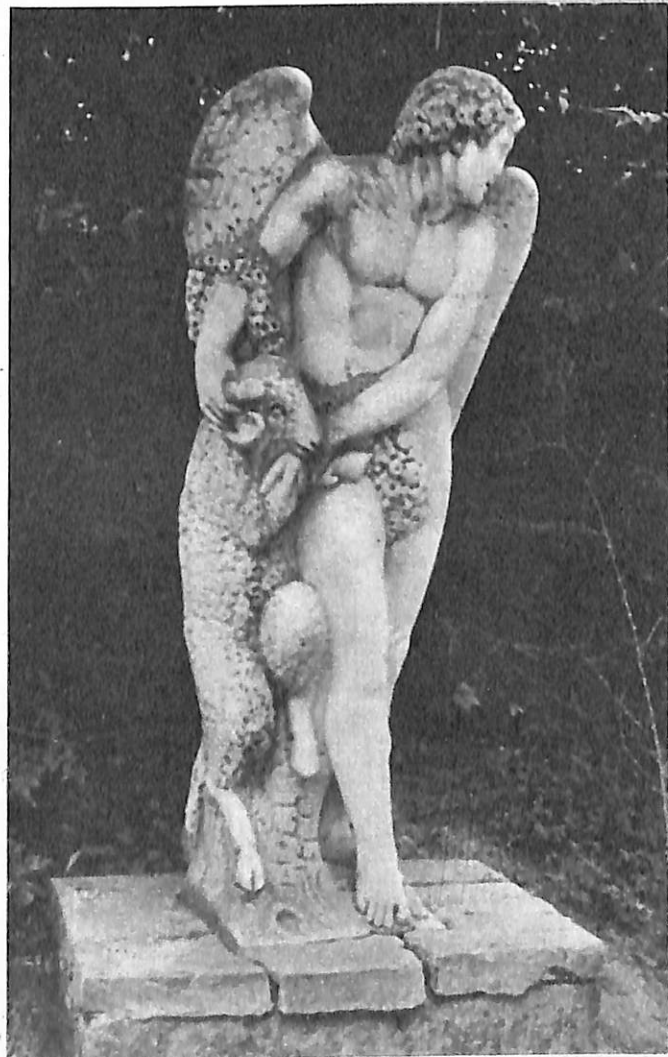
Прямоугольник партера, остатки стриженных зеленых «стен» и прямые аллеи, продолжающиеся от западного фасада улицами местечка, еще раз напоминают о прежней регулярной планировке парка. После 1885 года его переделывали в пейзажный по плану венского садовника Зеннгольца. Потом княгиня присоединила к своим владениям часть соседнего поля, и парк расширили уже по новому плану, составленному профессором садоводства из Брюсселя Е. Пинартом ван Геертом. Последним, кто работал в Немирове до революции, был известный пражский садовник Франтишек Томайер.

Парк разросся, пополнился новыми насаждениями. На его восьмидесяти пяти гектарах представлены сто шестьдесят видов дендрофлоры, и среди них — гинкго двулопастный, пихта калифорнийская, кедр сибирский, липа серебристая, бундук канадский, сосны веймутова и черная, платаны, дубы красный и пирамидальный и много других редких, необычных деревьев и кустарников.

Лучше всего прийти сюда ранним летним утром, когда аллеи и поляны еще пустыньны. Тысячами бриллиантов сверкает в густой траве роса. Седой туман нависает над водой, волнами струится к прибрежным зарослям и пропадает в них. В зеркале пруда застыло отражение черных силуэтов сосен над искусственными скалами гранитных глыб. Гремит разноголосый птичий хор, и вдруг прямо в двух шагах — резкий хлопок над водой: низко-низко, едва не касаясь торчащего стрелолиста, тяжело пролетает дикая утка и скрывается в зеленой чаще верховьев пруда, там, где смыкаются кроны деревьев и в кустах журчит поток, где гнездятся птицы и орут лягушки. А дальше, еще выше по течению, за расступившимися кустами — белые хлопья пены медленно растекаются по поверхности: низвергаясь из-под моста плотины Брацлавского пруда, грохочет водопад.

Этот уголок парка примечателен характерным для рубежа столетий сочетанием следов экономического развития страны и художественного творчества. За стеной зарослей дымит спиртозавод, по-старому — винокуренный, а под плотинкой — небольшой романтический грот, сложенный из гранитных глыб. Рядом — старая кирпичная мельница в два этажа и прислонившееся к ней элегантно, стилизованное под барокко здание электростанции... Романтизм и практицизм, следы полуфеодалного помещичьего быта и капитализма.

Электростанцию строили чешские мастера в 1903—1905 годах по проекту петербургского архитектора Пехера, автора проектов всех капитальных построек Немирова конца XIX — начала XX века, надолго определивших архитектурный облик местечка. И если шпили построек Меховича оживили силуэт Немирова, то сооружения Пехера определили лицо города. Пехер, как считают старожилы, проектировал и строил дворец Щербатовой, большую водонапорную башню в парке (несколько тяжеловатую, но великолепно проработанную в деталях), фахверковый корпус крытого рынка, изящные и необыкновенно добротные жилые дома под черепицей на Швейцарской горке и, наконец, — электростанцию. Циклопическая кладка из камней черного и серого граната на белом растворе, красная марсельская черепица, нарядная барочная башенка лестницы, ведущей на второй, фахверковый этаж, мансардные окна — все это восходит к образцам западноевропейской архитектуры. Но за чисто внешним по своему характеру декоративным «убранством» отчетливо видна ясная функциональная объемно-простран-

Немиров.
Парковая скульптура
«Ангел с ягненком».
XIX в.

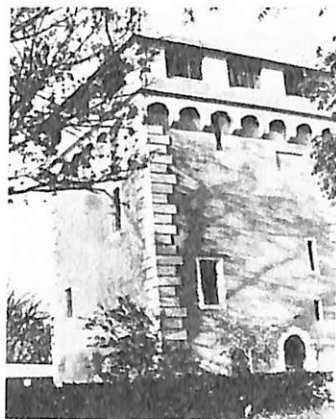
←

ственная схема небольшой дизельной электростанции с машинным залом и вспомогательными помещениями.

Четкость, функциональность и рациональная простота как всего сооружения в целом, так и каждой детали присущи постройкам Пехера в Немирове.

В памяти старожилов сохранились имена мастеровых, воплотивших в материале замыслы талантливого зодчего. Так, на постройке дворца работали каменотесы Цуриков и Шафраник, столяры Кондаков, Савинов, Маниковский и Ружило, художники Платонов и Маркушевский. Камень-песчаник, из которого столь искусно исполнены все детали здания — колонны, наличники и т. п., добывали в селе Букатинка. Там его обрабатывали вчерне и оставляли до зимы, чтобы потом волами на санях доставить в Немиров, где следовала уже окончательная обработка и подгонка к месту. Кое-где в парке можно увидеть необычной формы скамьи, вытесанные из песчаника. Это — детали декора дворца, так и не занявшие своего места.

Немиров.
Электростанция. 1905 г.

Немиров.
Водонапорная башня.
Начало XX в.

Очень добросовестно построена и электростанция, торцом приставленная к боковой стене старой каменной мельницы-крупорушки — тоже весьма интересного сооружения.

Подобное здание, имеющее, правда, другой план и иную — стрельчатую — форму окон, стоит под плотиной у верхнего, Вороновицкого пруда. Похожие мельницы встречаются и в других селах и местечках Подолья. Высокие ступенчатые фронтоны, белые стены под яркой черепицей, хорошие пропорции... Мельницы построены в разные годы прошлого столетия на месте старинных, деревянных. «Вблизи каждого города или селения, — писал Павел Алеппский, — непременно бывает большой пруд, образуемый дождевою водою или текущими реками... Посредине он имеет деревянную плотину, на которой лежат связки хвороста, покрытые навозом и соломой; под нею текут протоки, которые вертят мельницы, так что жители имеют вместе и воду, и рыбу, и мельницы, и ни в чем не нуждаются. Все это непременно есть в каждом базаре и маленьком селении. Приспособле-

*Немиров.
Торговые ряды.
Конец XVIII в.*

ния, употребляемые ими для вращения мельниц, изумительные, ибо мы видели мельницу, которая приводилась в движение горстью воды».

Мельница на Вороновицком пруду — самая поздняя по времени сооружения — стоит на месте, где издавна процветали ремесла, — рядом с мануфактурами в замке, рядом с предместьем Штылевка, известным тем, что здесь когда-то лили колокола. На важное значение этого места в немировской экономике прежних лет указывает и постройка, занятая теперь баней. Здание напоминает торговые ряды. Об этом же говорит и сохранившийся фрагмент второго корпуса, расположенного параллельно первому. Оба они образовывали некий пассаж — крепкие, приземистые, с энергично рустованными ризалитами, сильно выступающими наличниками крупных окон, глухим парапетом над карнизом. Колонная лоджия между ризалитами, видимо, появилась позже, в первой половине XIX века — времени увлечения и в Немирове колоннадами. Здесь еще не раз встретятся приез-

*Немиров.
Памятник Н. А. Некрасову.
Скульптор А. Скобликов.
1971 г.*

жему прекрасных пропорций портики маленьких провинциальных особнячков. Увы, и они постепенно исчезают. Остается память. Память о прошлом, о среде его обитания. А к «прошлому» относятся уже и события совсем, казалось бы, недавние. Немиров! Не миром встречала врагов эта земля... Скромный камень на пышном партере перед немировским дворцом напоминает имена руководителей героического немировского подполья (1941—1944 годы): А. Д. Евдокименко, А. О. Брилинг, М. М. Улановский, Л. С. Ведибеда. Они пали смертью героев в годы немецко-фашистской оккупации.

С уютным городом нельзя расстаться, не познакомившись с его выдающейся археологической достопримечательностью. Для этого совершим пешеходную прогулку от парка на восток, вниз по течению маленькой речки Мирки, выпущенной из немировских прудов в широкую долину. Тропинка ведет полями вдоль потока, то исчезающего в зарослях тростника, то бегущего в глубокой канаве, журча на встреч-

*Немиров.
Николаевский монастырь.
Троицкая церковь (1876)
и келья (1845)*

ных камнях под свисающими ветвями верб. Через три километра речка круто петляет перед рядами расступившихся высоких валов, далеко уходящих в стороны от русла. Сверху открывается величественная картина огромной территории, охваченной валами. Еще бы! — длина их пять с половиной километров, ширина у основания тридцать два метра, высота девять метров. Валы огораживают поле площадью сто пятьдесят гектаров. Недаром народ издавна назвал это урочище Великі Вали, причем в украинском языке слово «великий» имеет два значения: великий и большой; оба они подходят к удивительному месту. Это — одно из древнейших городищ на территории Украины. Внутри находится еще одно укрепление — замчиско.

Археологи нашли здесь следы трипольской культуры, поселение раннескифского периода (VII—VI вв. до н. э.), остатки жилищ с глинобитными печами, землянки с обитыми деревом стенами, а также глиняную посуду, наконечники стрел и т. п. Население занималось земледелием и скотовод-

ством, торговало с Ольвией. О широких экономических связях свидетельствует и то, что на окраинах Немирова были найдены сто двадцать две римские монеты II—III веков и два серебряных перстня с вправленными в них римскими монетами. Кое-что из найденного на городище можно увидеть и в Немировском краеведческом музее, в том числе и жернова. В X—XI веках на этом же месте существовало древнерусское поселение — Миров...

Тут приятно посидеть, подставив лицо жаркому солнцу и степному ветерку, колышущему короткую выгоревшую траву на южных скатах валов, густую, зеленую — на северных, побродить по бесчисленным тропинкам, протоптанным стадами коров...

5. Скалы над Бугом

От Немирова на Тульчин прямая дорога ведет через Брацлав, но стоит сделать крюк через Печеру — Шпиков. На этом пути первое селение, встречающееся после Немирова, — село Соколец, лежащее на левом берегу Южного Буга. Это название известно с XV века, но археологи обнаружили здесь следы жизни, относящиеся ко времени неолита: кремневые топоры и долота, изготовленные способом скалывания с последующим шлифованием режущих кромок (VI—V тысячелетия до н. э.). Найдены предметы и трипольской культуры (IV—III тысячелетия до н. э.). А славянское поселение существовало здесь еще в VIII—X веках.

Соколец — современное украинское село, где о прошлом напоминает лишь гранитная ограда, протянувшаяся вдоль дороги и долгие годы отделявшая обширную усадьбу Потоцких, — своеобразный символ социальных противоречий, острой классовой борьбы, память о которой связана с событиями 1906 года, когда крестьяне Сокольца и Печеры организовано выступили против помещика.

А под горой, на берегу реки, куда стремительно сбегает вместе с дорогой старая ограда, исправно действует другой памятник времен «развития капитализма в России» — большая вальцевая мельница. Мощная кладка из рваного камня, наличники и пояски из красного кирпича, характерные полувальмовые крыши (прежде под черепицей), ажурные кованые парапеты — все это как бы олицетворяет незаблещенность устоев капитала. Архитектура здания эклектична, но не лишена своеобразного «хозяйского» изящества. Строили мельницу немецкие мастера в 1894—1898 годах.

Порожистая, усеянная валунами река в жаркие летние месяцы мелела, но мельница работала исправно: вода по длинному каналу идет параллельно руслу. Там, где канал берет начало, устроена система шлюзов. К тому же Буг частично перекрыт завалами валунов, что дополнительно усиливает напор воды, поэтому канал всегда полноводен.

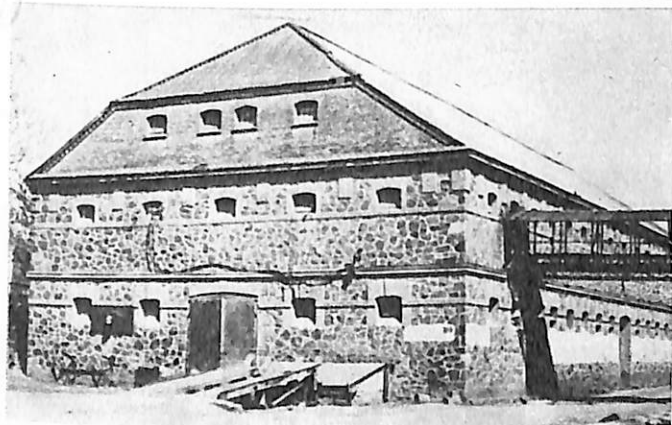
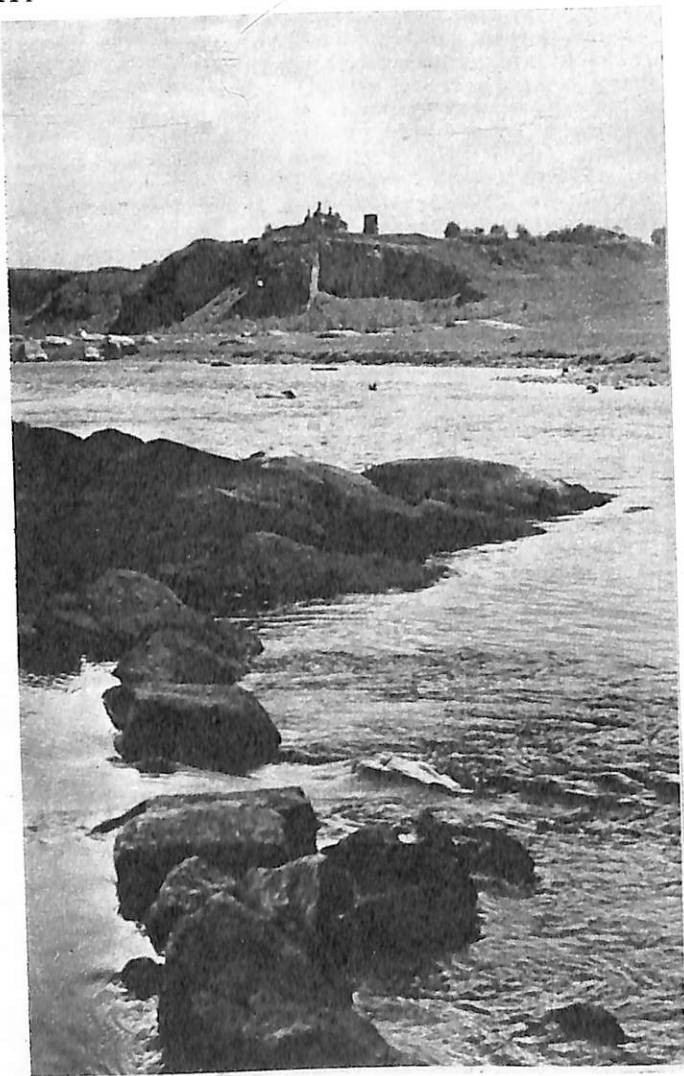
В 1710 году Иван Лукьянов, путешествовавший по «святым землям», переправлялся здесь на пароме и был поражен видом на «горы каменные великие» — Печеру.

Действительно, берега здесь очень живописны, что не раз привлекало кинематографистов. Стиснутая высокими скалистыми берегами, поросшими короткой, продуваемой всеми ветрами травой, река струится меж могучих валунов, напоминающих огромное сказочное стадо, пришедшее на водопой и часть разбредшееся среди бурлящих, пенящихся потоков. А над самой отвесной кручей, среди синих цветов цикория и жестких зонтиков деревня-тысячелистника возносясь в небо стройный силуэт трехчастного деревянного храма безупречных пропорций. Отдельно от него стоит массивный каменный столп обезглавленной колокольни, напоминающий древнюю сторожевую башню. Картина незабываемая!

Обе постройки стоят там, где оставила следы многовековая история Печеры. Именно в толще скалы скрыты старинные ходы и пещеры, дававшие приют и убежище жителям во времена нашествий и давшие имя селу... Земля долго хранит следы активной человеческой деятельности, драматических событий в истории общества, подобных минувшей войне, оставившей в память о себе окопы и воронки.

Археологические исследования, проведенные в Печере в 1947—1948 годах под руководством профессора М. И. Артамонова, дали богатый материал, подтверждающий народные предания и легенды. Многослойный археологический памятник рассказал о давности заселения выступа над Бугом, удобного в оборонном и стратегическом отношении. Здесь найдены остатки жилищ раннего и позднего третичного времени — полуземлянки, керамика с углубленным орнаментом (раннее триполье), грузила, мотыги из оленьих рогов, кремневые орудия труда и посуда, кремневые топоры позднего триполья.

С конца XVI века Печера упоминается в польских актах как принадлежащая магнатам Збаражским. Во времена турецкого владычества опустошенные «руиной» берега Буга вновь начинают заселяться, чему в известной мере способствовал фирман султана 1682 года, провозгласивший

Южный Буг у Сокольця

Соколец. Склад.
1894 г.

молдавского господаря Дуку правителем и Правобережной Украины.

Грек из Албании, Георгий Дука, хитростями достиг боярского достоинства при дворе молдавского господаря Истрата Дабижи, женился на его падчерице Анастасии, а после смерти тестя сумел занять княжеский престол господаря Молдавии. Угождая одновременно Высокой Порте и Речи Посполитой, Дука с помощью турок побывал на троне трижды. Но годы его правления вошли в историю Молдавии как время неограниченной тирании, обременительных налогов и жестоких наказаний. Вот строки из Летописи Величко:

«Року от положения пределов морю 7191, а от явления в мире плотию Второго Адама, року 1683. По всеконечном запусении Чигирина и всеи тогочной остатка Малороссийской Козакооруской Украины, турчин хотячи оную под свою власть имети, и людми сегобочными оную знову ку своей неситой користи наполнити, злецил Дуце Господареве своему Волоскому оную Украину в дозор и владение. Инии же

Печерское городище

*Печера. Церковь
Рождества Богородицы
(1764) и колокольня
(1865)*

повествоваху тогда, что Господар Дука за суму немалую купил был себе у Царя Турецкого помененную пустую Ко-зацкую Украину, и для своего в ней панования желал наполнить ей людьми сегобочными, а для своей Государской резиденции, в полку Браславском за Богом, в городку Печери велел знаменитый дом себе збудовати, и в нем живучи хотел обоими Украинскою и Волоскою землями владети».

И молдавский летописец Никулче пишет: «На всех он, Дука, смотрел свысока. Дворец свой, стол свой он содержал по-царски. И когда выходил к народу, его взгляд был хмурым, для устрашения людей...»

После поражения турок в 1683 году под Веной, в осаде которой участвовал и Дука, в Молдавии снова вспыхнули волнения. Ими воспользовался молдавский боярин Петричейку, занявший престол после победы над войсками Дуки. Последний был изгнан в Польшу, где и умер.

История восшествия на престол Дуки, его коварство, жес-

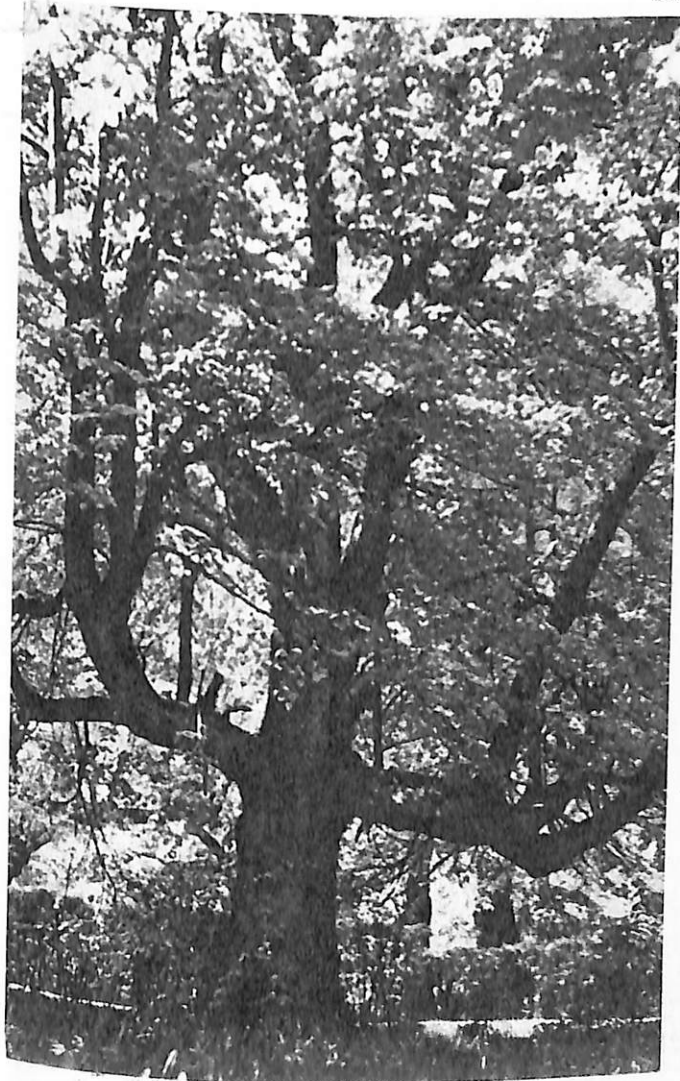
*Печера.
Каменный крест.
1786 г.*

*Печера.
Липа в парке.
Конец XVII в.*

→

токость и хитрость как самые отрицательные качества человека-тирана, наконец, легенда об изгнании, когда он, уже жалкий оборванец, лежа в простом возке, запряженном для еще большего унижения разномастными лошадьми, попросил у проходившей мимо крестьянки молока и услышал, неузнанный, из ее уст проклятие — приговор народа тирану, — все это очень интересовало молодого Пушкина. Тема своевластного владыки, проклятого своим народом, была созвучна мыслям Пушкина, сосланного в Кишинев, где он слышал много легенд о прошлом Молдавии и написал повесть «Дука, молдавское предание XVII века», которую давал читать своим молдавским друзьям. К сожалению, тогда же повесть эта и пропала.

Расположение Печеры — между Днестром и Днепром, на круче над Бугом — словно символизировало величие и неприступность самого Дуки, который возвел здесь каменный дворец, но жил в нем, как и правил, недолго. Одновременно появились и первые насаждения регулярного парка в вось-

мистах метрах выше по течению реки, на другом выступе скал. Быть может, намечалось строительство более пышной резиденции.

А следующий после Дуки «сарматский князь» Юрко Хмельницкий, назначенный турками, перенес столицу в Немиров, еще «ближе» к Днепру. Дворец забросили, и все пришло в запустение.

Следы валов, ровов, въездных ворот легко угадываются на вершине утеса, нависшего над рекой. В 1764 году каменный дворец пошел на устройство фундаментов и ограды деревянной церкви Рождества Богородицы, поставленной рядом с древним городищем.

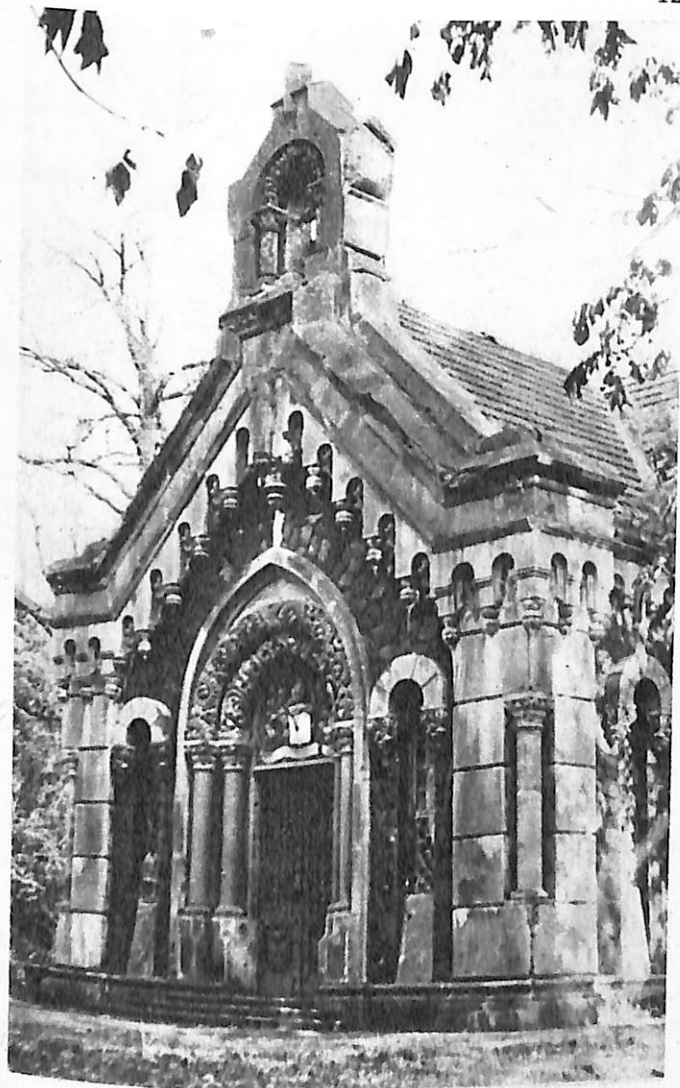
Церковь в Печере того же типа, что и винницкая или ганцинская. От последней ее отличает несколько повышенный первый ярус и отсутствие навеса. Со временем гонтовую кровлю заменила железная, а к западному и южному фасадам были пристроены ампирные тамбуры с пулоколками и фронтончиками — в духе времени (1838).

Интерьер печерского храма раскрыт на всю высоту, но в декоративном отношении уступает ганцинскому. Привлекает внимание гризайльная роспись, выполненная в 1830-е годы в виде архитектурных мотивов на внутренней поверхности второго яруса навь*, колоритны гротескные орнаменты в серо-сиреневых тонах на плоскостях срезанного шатра. Очень живописна колокольня (1865), поставленная отдельно по оси храма, с западной стороны. Осыпавшаяся штукатурка обнажает камни, взятые из разобранного господарского дворца.

Потемневшие от времени камни придают колокольне несколько архаический вид. Конструктивное решение этой восьмиугольной двухъярусной башни во многом восходит к традициям народной деревянной архитектуры.

Рядом с церковью, на мягком травяном ковре белеет крест, высеченный из цельного камня. Серый лишайник с каждым годом все плотнее, все шире покрывает его поверхность с неровными буквами контррельефа: «Сие знамение креста сооружа раб божий...», а на обороте — «Року Божого 1786 меча мая дня 30». Любопытная деталь: по давней привычке резчик вытесал первую цифру года в виде буквы «а», а не единицы. Форма креста обусловлена технологией изготовления, учитывавшей как наименьшие затраты труда, так и требования заказчика: прочность и максимально насыщенный текст, в котором нужно было сообщить множество сведений

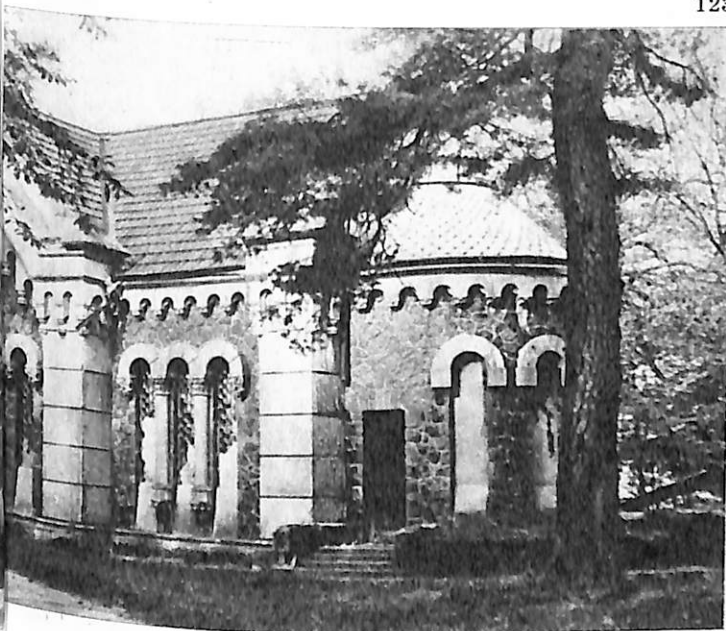
* Нава (укр.) — неф, здесь — центральное звено трехчастной украинской деревянной церкви.

*Печера.
Мавзолей Потоцких.
1904 г. Главный фасад*

*Печера.
Мавзолей Потоцких.
Вид с юго-востока*

и для которого нужна была большая площадь. Ведь традиция уважения к прошлому и почитания предков у нас издавна прочна. Так же, как вечна тяга к красоте, к прекрасному.

Эта мысль является вновь, когда по пути от церкви к парку среди все реже встречающихся соломенных стрих попадает новый дом, белые стены которого расписаны яркими виноградными гроздьями и алыми розами.

Вот и парк, заложенный господарем Дукой в 1682 году. Первоначальный его план имел форму вытянутого параллельно реке прямоугольника, поделенного надвое по большей стороне широкой четырехрядной аллеей из формованных лип — от ворот ко дворцу. Еще и сейчас здесь можно встретить деревья, сохранившиеся от ранних посадок. Обе половины парка разделены по диагоналям двухрядными липовыми аллеями, ими же окаймлен весь периметр. В то же время от реки в парк был проложен водопровод, который не сохранился. В конце XVIII века, когда распространилась

мода на английские, пейзажные, парки, новые владельцы Печеры, Свейковские, построив дворец, значительно расширили площадь парка за счет долины Буга и левого берега; дикая местная природа с нагромождениями валунов, живописными обрывами и вековыми деревьями предоставляла редкую возможность устроить громадный романтический «хаос». А чтобы внести необходимые поправки в естественное окружение, перемещались валуны, создавались гроты и купальни. С затратами, разумеется, не считались. Для нарушения ставшей уже немодной симметрии в регулярной части парка посадили новые деревья, но планировка главных аллей сохранилась. Включив в парк реку с ее красивыми пейзажами, новые строители пробили по склону от дворца каменную лестницу, украсив ее мраморными статуями. Широкую террасу у дворца ограждала балюстрада с вазами. Отсюда открывался еще не заслоненный дико и привольно разросшимися теперь деревьями живописный вид на Буг, на дали за рекой.

Большое двухэтажное здание дворца палладианской архитектуры соединилось четвертными галереями с флигелями, образуя курдонер, открытый в сторону парадной аллеи от ворот. Главный фасад украшали портик и отлично выполненные классические, с фронтонами наличники окон второго этажа. И как дань уходящему барокко оригинальные вычурные наличники выделяли окна нижнего этажа. Глубокая лоджия из четырех колонн большого ионического ордера меж двух ризалитов о пяти таких же великолепных окнах на каждом украшала обращенный к реке фасад.

В печерском парке сохранился последний архитектурный «всплеск» ушедших времен: стилизованный под романскую архитектуру мавзолей. Надписи на цоколе сделаны на польском языке: «Проектировал Владислав Городецкий», «строили Константин и Янина из Потоцких, супруги Потоцкие, 1904 год».

Известный киевский архитектор В. В. Городецкий (1863—1930), окончивший с серебряной медалью Петербургскую Академию художеств, в свое время прославился на Украине, в Польше и в Иране (похоронен в Тегеране) отличным знанием архитектурных стилей разных времен и народов. Оригинальные творческие приемы Городецкого нашли свое развитие и в Печере. Мавзолей представляет собой каплицу, имеющую в плане латинский крест. Высокие шипцы с трех сторон поднимаются над совершенно одинаковыми романскими порталами, из которых боковые обрамляют когда-то витражные окна, а западный — главный вход. Восточная сторона здания оформлена в виде апсиды. Под ней устроен спуск в полукруглую крипту. Широко используя архитектурные стили прошлого, Городецкий в то же время смело применял новые строительные материалы и конструкции. В проемах узких окон — сотовое заполнение из продолговатых шестиугольных стеклоблоков — белых, оранжевых, сиреневых. Идеально ровный кафельный пол, массивные дубовые двери, стены, сложенные из рваного гранитного камня, песчаник и бетон — множество природных и искусственных материалов применено при сооружении относительно небольшого здания. Безупречная стилевая точность деталей — результат не только профессиональной эрудиции мастера, но и отличного исполнения в материале, в том числе и в новом материале. Одинаковая обработка песчаника и бетона имеет общность с киевскими работами Городецкого. Можно предположить, что и в Печере над лепными деталями работали если не сами братья Саяла, то их ученики. К работе в бетоне подходили очень серьезно, оценивая его так же, как и классические природные материа-

лы. По уже законченным, намертво застывшим бетонным деталям скульптор Элия Саяла проходил резцом, совершенствуя формы и оставляя на произведении след авторской руки. Исключительно высокая техника и тщательность обработки бетона окупались сторицею: только при самом ближайшем рассмотрении, сличая структуру поверхности природного и искусственного камня, можно отличить бетон от песчаника.

Очень интересна дубовая дверь мавзолея с накладными петлями-завесами замечательного рисунка. До мелочей все продумано зодчим (даже шляпки гвоздей — узорные).

В центре крипты, где так и остались незаполненными несколько аркосолий, привлекает внимание большая беломраморная плита. Длинные эпитафии помещены под двумя резными гербами: крест «Пилява» с латинским девизом «Щит противопоставлял щитам» — дома Потоцких и «Тжаска» — турецкий полумесяц, поражаемый сверху и снизу двумя мечами, — дома Свейковских.

Надо попутно заметить, что польская геральдика отличалась от принятой в остальных странах средневековой Европы. Гербы в Польше использовались первоначально в качестве своеобразного «опознавательного» знака на знамени выступавшего в поход регионального войскового отряда, легко различимого рисунка со временем стали принадлежностью наиболее знатных родов; некоторым дворянам герб дома служил как «приставка» к фамилии.

Перед мавзолеем — большие стилизованные ворота. Два пилона фланкируют въезд. Внутри каждого устроена небольшая звонница. Опоры решетчатой ограды декорированы рельефными крестами во всю высоту, и сама решетка сделана с большим вкусом и мастерством. Густые заросли парка придали этому уголку своеобразную прелесть.

А против ворот — по ту сторону глухой каменной стены — обширный бывший хозяйственный двор, застроенный в 1912—1915 годах по проекту Яна Гойриха такими же капитальными сооружениями, как и мельница в Соколке, способного архитектора, тоже окончившего Петербургскую Академию художеств. Он же пристраивал и переделывал некоторые части печерского дворца, разобранного в 1920-х годах.

Печеру нельзя покинуть, не спустившись к реке, чтобы погродить по ее живописным берегам, испытать прелесть солнечных и водных ванн среди удивительных природных ку-тален меж валунами.

*Шпиков.
Замок Свейковских.
Конец XVIII в. Литография
по акварели Н. Орды.
1870-е гг.*

Дальше по могилевской трассе — Шпиков на склонах маленькой речки Шпиковки. Старые плотины образовали большие пруды, в спокойной глади их отражаются зеленые берега, высокие осоки и трубы сахарного завода.

«Сам Александр, божьей милостию великий князь литовский, русский, жмудских и прочих», в письме, писанном в Вильно 7 мая 1494 года и адресованном наместнику брацлавскому и звенигородскому князю Федору Ивановичу Четвертинскому, подтвердил данные королем права на «селение пустое по имени Шпиково» брацлавского землянина Сенка Кошки. Письменное упоминание местечка повторяется и в документе за 1507 год, где оно называется уже как Ошпеков. Корень старинного слова — в глаголах «ошпетить», «шпетить», то есть поругать, обезобразить. Есть и другая версия: на базарах де славилось местное сало — шпик.

Во время Прутского похода 1711 года в Шпикове оставался Петр I, о чем А. С. Пушкин в «Истории Петра» пишет: «9-го июня Петр из села Шпиков хотел было от-

*Шпиков.
Замок Свейковских.
Надвратная башня*

пустить царицу в Польшу с ее дамами; но Екатерина упростила его остаться при нем».

Шпиков же, переходя из рук в руки, в качестве приданого достался дочери Щенского Потоцкого Октавии, вышедшей замуж за Свейковского. Тогда-то, в конце XVIII века и был выстроен дворец-замок в Шпикове.

Пространственную его основу составляет симметричная композиция из одинаковых зданий, поставленных попарно по сторонам квадратного двора, фланкированная четырьмя декоративными башнями по углам. Замок лежит у подножия холма, и за счет рельефа местности дворцовые постройки имеют с внешней стороны один-два этажа; внутренний же двор представляет из себя ровную поверхность, и все здания, выходящие в него, одноэтажные, кроме надвратной башни. Она завершает перспективу подъездной части улицы, и ее центральное положение в ансамбле подчеркивалось рустованными парными пилонами, крышей с заломом и шпилем, увы, не существующими. Единственная

*Брацлав
Церковь Николая. 1837 г.
Фотография 1900-х гг.*

уцелевшая угловая башня, имевшая когда-то сферическое завершение, крыта теперь простым шатром. Дворовые фасады попарно сгруппированных корпусов, приземистых, высокой, как у подольской хаты, крышей, декорированных нависающим треугольным фронтоном с овальным окном.

Рисуя в 1874 году шпиковский замок, известный польский путешественник, литератор и художник второй половины XIX века Н. Орда постарался романтически интерпретировать его приземистые постройки. Жаль, неумолимо время оставило только часть несомненно интересного архитектурного ансамбля.

В 1865 году правнук Щенского продал Шпиков камер-юнкеру высочайшего двора Н. П. Балашову. Уже тогда Шпиковский сахарный завод давал значительный доход, а его продукция удостоивалась почетных наград на Нижегородской, Петербургской и Московской ярмарках.

Работал в Шпикове и В. Городецкий. В сильно перестроенном виде еще стоит бывший особняк управляющего име-

нием. Архитектор, строя по заказу сугубо эклектический коттедж, все-таки ввел «от себя» деталь, связывающую новое здание со старой, «шпиковской» архитектурой: рисунок оконных наличников особняка тот же, что и в замке.

От Шпикова наш путь лежит через несколько достопамятных сельских мест к Тульчину. Вот Торков, название которого напоминает о торках — кочевниках, явившихся вслед за печенегами на «землю русскую» и осевших во многих местах на Украине, смешавшись с коренным населением Переяславщины, Киевщины, Подолья, Волыни.

Дальше, уже перед Тульчином — село Копиевка, где во времена Щенского Потоцкого был летний дворец «Бахча» и лес «Гатчин» — места забав егомосци. Происхождение названия села объясняют так: Потоцкий, желая иметь только девятьсот девяносто девять сел, тысячное продал за копейку; вот и Копиевка.

Если же ехать в Тульчин из Немирова через Брацлав, то на полпути встретится старое село Чуков. Здесь тоже найдены кремневые топоры и долота времен неолита и орудия труда трипольской культуры. Село памятно тем, что в 1899—1901 годах учителем пения в местной школе работал молодой композитор М. Д. Леонтович (1877—1921), уроженец села Монастырек под Немировом. В Чукове он собирал и обрабатывал народные песни Подолья, здесь же организовал вскоре ставший широко известным хор.

Непосредственно перед Брацлавом, на левом берегу Южного Буга, раскинулось село Вовчок. Название это будто бы взято как псевдоним писательницей Марко Вовчок. С селом связана старая, очень характерная для края легенда о некогда существовавшем здесь монастыре. Предание гласит, что во время нашествия татар монахи скрыли в глубокой пещере под церковью всю утварь, иконы, книги. Там же, под землей, спрятались несколько иноков с запасом провизии на шесть лет, по истечении которых остальные бежавшие от татар монахи должны были вернуться и освободить затворников. Ждут же они и поныне...

А в 1879 году в селе скрывался известный народоволец А. Желябов.

За мостом через Буг — Брацлав, местечко, каких, в общем-то, много на Украине, но имеет оно очень давнюю, славную историю, не даром же — слав. Когда-то Брацлав был воеводским, потом полковым городом, занимал видное место в событиях XVI—XVIII веков, но все в прошлом. Теперь здесь — поселок городского типа: сады и дома в садах, совхоз, две школы, сельскохозяйственный техникум, Дом культуры, библиотека, музей.

По армянским летописям уже в 1059 году в ряду городов, с которыми армянские купцы вели оживленную торговлю, назван и Брацлав. Польские хроники поминают его в начале XII века. В русских летописях встречается название поселения над Бугом — Браславль. Следующие сведения о Брацлаве датированы в литовских летописях 1362 годом, когда князь Ольгерд, передавая подольские земли племянникам, приказал восстановить старые крепости и построить новые, в том числе и Браслав. Поэтому некоторые предания объясняют происхождение названия местечка от братьев Кориатовичей, как напоминание об их братской славе — Братслав. Есть еще одна версия, по которой основателем города считается некий славянин Брячислав.

Многочисленные случайные находки материальной культуры говорят о заселении Брацлава в глубокой древности. Стоит лишь подняться на скалистую кручу, высящуюся над рекой в центре современного местечка, осмотреться вокруг, и станет ясно: да, здесь жили очень давно. Гора ниже, чем в Печере, но тоже спускается почти отвесно к Бугу с севера и с запада к притоку — шумной речке — красно-серым гранитным массивом. Даже сейчас с этой стороны наверх ведет лишь одна узенькая тропинка. Невысокий вал с тыльной, береговой стороны полукольцом охватывает небольшое городище, расположенное на плато, имеющем наклон в сторону Буга. Заросли бурьяна и низкой дикорослой сирени — вот все, что осталось от замка. А над горой смесь ветров и ароматов — от полей по ту сторону Буга, от речных вод и трав, — которые «заглушаются» запахом солода: под замчищем расположен пивной завод.

Брацлав не просто разделял судьбу Подолья и Брацлавщины, а долгое время являлся центром исторических событий, неким символом в борьбе за владение краем. В начале 1360-х годов литовский князь Витовт отобрал у Кориатовичей подольские земли, в том числе и Брацлав, и назначил в город своего старосту, которому велено было денежные и натуральные подати отправлять в брацлавский замок, где построили специальные кладовые и приставили к ним ключников.

В 1432 году, во время междоусобной борьбы литовского князя Свидригайло с польским королем Сигизмундом, Брацлав отошел к Польше, но затем был возвращен Литве. В 1479 году «татары много зла сотворили по Подолу и около Браславля», разрушив и замок. Великий князь Александр Казимирович в 1497 году восстановил брацлавский замок и назвал его городом святого Петра — апостола, изображение которого было включено в первый вариант город-

ского герба. А еще через четыре года, заботясь об укреплении южных границ, князь запретил «наместнику браславскому и веницкому» князю Андрею Александровичу вводить новые повинности «земьям, мешанам и людям полонным», оставив им только прежние, введенные еще при Михаиле и Константине Кориатовичах, — «сторожу в поли стереж и подводы, и воловщину, и подымщину давати по давнему». В это трудное для края время крымский хан Менгли-Гирей, «менгырский царь», признав над собою главенство турецкого султана, стал объявлять себя в ярлыках правителем и Подолья, и потому крымчаки предпринимали регулярные набеги на окраины Литвы и Польши, также стремившихся захватить богатые земли в междуречье Буга и Днестра. Крестьяне ставили хаты, естественно, поближе к замку, чтобы укрыться в случае опасности за его стенами. То были люди, в равной мере хорошо наученные суровой жизнью искусно владеть мечом и серпом. Не мирились они и с произволом местных властей. Первое крупное восстание произошло в 1541 году против поборов брацлавского и винницкого старосты С. Пронского и его прислужников. К этому времени в Брацлаве уже существовали ремесленные цехи сапожников, кузнецов, кожевников.

А замок был мал и вместить всех желающих не мог, к тому же из-за крутизны гор добираться в него приходилось окольной дорогой, тянувшейся «яко бы великая четверть мыли... не могут ся так далеко люди з статки своими поспышиты и сами в руки неприятеля увойдут». В замке не было колодца, и жители и гарнизон «часу пригоды а навального обложения для достатку водного мусят страдати». По старому присказке: «в дождь крышу не кроют, а когда нет дождя, то зачем же и крыша», — гарнизон содержался не всегда; случалось обороняться и самим гражданам Брацлава. Впрочем, вот старинное описание замка и его обороны 2 сентября 1551 года, когда крымский хан Девлет-Гирей, нарушив мирное соглашение, вторгся на Подолье и осадил Брацлав:

«Замок Брацлавль Подольский... за славной памяти короля Александра (Казимировича. — Д. М.) зарублен... на той... горе над Богом. А гора тая замковая, от реки скала ... выскока а прыкра (неприступная. — Д. М.), як утыта (срезанная. — Д. М.), приступу там нет. З другой стороны од поля гора тая замковая ровна з иншою горою, которая прилегла близко там чрез ров. Выше там од поля з рову до верху горы замковой сажень девять, инде и десять, инде одынадцать, а на верху горы просторонность пляцу замкового в долж сажень трыдцать два, а в поперек сажень двадцать восемь. Колодец почато было там на горе в замку копаты и не про-

быто скалы. Людей при замку в остроге землян, мешан и волощан было домов всех 730. Церквей грецких 7, осьма Ляцкая. Седали безпечно на тот час за перемирием, которое есть государю нашему с Татари и Турки, а за взгядом нековского, было того часу у господаря о мире и о покои — за таковым убезпеченьем не мели о людях не приятельских печали, а ни доведованья, а ни осторожности, а ни сторожи жадной (никакой. — *Д. М.*) на поле, а ни в остроге, а и староста их на — тот час был отехал прочь, и в таком сплошестве их пришел без вести царь Перекопский теперешний Довлет со всем своим войском своим татарским и с почтом турецких людей Енчар (янычар. — *Д. М.*) и ждалы осени брытко прошлого месяца сентября, в второй же день в среду притянуты под замок о четвертой године на день ночовавши од замку о трех мылях. Людям од замку розошодшимся по пашнем и по пасакам запертыся в замку невесты и дети. множество их, а мужов одно (только. — *Д. М.*) осем и то малогодных ку обороне, нежли только один з ных Курдшанко землянин то мощно ся працовал (работал. — *Д. М.*) и беручи их за руку водыл на блянки (обходы на стенах замка. — *Д. М.*). Добываты замку вси турцы припухивано и татаров, бьючи их палицами. Дел (пушек. — *Д. М.*) с ними было великих и малых около трыдцать стреляносных. На замок з четырех сторон, а на Шкодливой с дольного шанцу с забьяж мало переставаяючи, в середу, четверг и в пятныцю убыли в замку двух мушин примет (приметывали к стенам хворост и поджигали. — *Д. М.*), и Туры (башни. — *Д. М.*) чынылы ку-штурму, нижне сметали без водев замку, понехали штурму, — а в том земляне, которые, Ступыця, а Наместник Старостын, а Роман Красносельский, Серейн Орашовский, а Трушенко, а Мытко Золотар у родылы податься с замком Цару, и посылалы з тым до него Золотара а Трушенку у пятныцю з полудня, а потом на вечер и сам Наместник — Ступыця, пошел з ными, и по завтре в субботу вышодши Царь перед замок, казал побраты з замку перво дела, которых было чотыры, и гаковниц, которых трыдцать, и бочку [пороховую] и всякую бронь [оружие] побраты казал...».

В 1569 году Брацлавщина стала воеводством, а сам Брацлав с тремя кольцами укреплений и замком-цитаделью получил магдебургское право с судопроизводством на родном языке и герб с изображением в красном поле креста, на середине которого — голубой щит с полумесяцем. Красное поле брацлавского герба — в память частых битв.

Уния церквей, полонизация и притеснения шляхты вызвали новые народные восстания. В 1594 году повстанцы

под руководством Северина Наливайко штурмом взяли Брацлав, и напуганная шляхта выпросила у короля переуступить центр воеводства в Винницу.

В самом начале национально-освободительной войны XVII века Брацлав присоединился к восстанию и в 1648 году был освобожден отрядами Ганжи и Кривошапки, а в следующем, 1649 году стал центром Брацлавского полка со знаменитым полковником Данилом Нечаем во главе. И Богдан Хмельницкий дважды бывал здесь — в 1650 и 1655 годах.

Турецкий путешественник Эвлия Челеби летом 1656 года застал в крепости Брацлав «три тысячи казаков, вооруженных пиками. Место это на берегу реки представляет собой паланку (укрепление. — *Д. М.*), огороженную частоколом и земляным валом. Внутри укрепления две тысячи крытых дракной и камышом домов. Там и сям выселись церкви».

И опять новые волны исторических событий пронеслись над Бугом. Гетманствовали на Брацлавщине подвластные то Польше, то Порте Иван Выговский, Юрко Хмельницкий, Павло Тетера. В Летописи Самовидца читаем, как весной 1664 года «гетман Бруховецкий скупил (собрал. — *Д. М.*) усі полки задніпрскіе, и маючи з собою килка тысячей москви, рушил спод Переясловля ку Черкаскому. О чом почувши гетман Тетера а видячи незичливість (недоброжелательность. — *Д. М.*) противко собі козацкую и усіх людей, зобравши усі скарби войсковіе що старий Хмельницкий збирал и инніе гетмани, и клейноти войсковіе, стада и товари, вишол з Чигирина до Брацлавля, со всім провадился з женою. А напотом видячи, же юже вся Украина противно нему бунтується, и сподіваючися на ласку королевскую, же оному там немало указано маетностей, рушил из Брацлавля з скарбами, которые могли подняти, в Полщу (то было уже на следующий год. — *примеч. ред. «Літописа Самовидця»*), а инніе оставил у Брацлавлю, немало грошей, срібла. Где пришовши, кошовий Сірко осе тое пожаковали с козаками, а и тое, що запровадил Тетера в Полщу, и там тое панове фортецким вибрали у него, же пришел до великого убозства и утекати мусіл до Волох». Так были расхищены исторические реликвии Богдана Хмельницкого. Ненадолго Брацлавщиной овладел кошевой атаман Иван Сирко, присоединив ее к Левобережной Украине.

Правобережный гетман Петро Дорошенко, стремившийся захватить и централизовать власть в «польской» Украине, по выражению Самовидца, в 1665 году «приворочаячи под свою власть, много городов попустил з ляхами и ордою, бо жолніре людей стинали, а татаре в полон брали. И Бра-

славле того ж року в облеженю держал, бо Браславци, будучи ubezпечоний на послілки его царского величества, держалися час немалий, чверть року, у которых старшим был Дрозд. А же тих послілок дождатися не могли а великую налогу міли зо всіх сторон от войск коронних и козацких, поддалися гетманові Дорошенкові, которій узял старшого». Брадавского полковника Дрозда привели в Чигирин и казнили.

По Андрусовскому перемирию Правобережье, а с ним и Брадавщина отошли к Польше. Дорошенко, не желая этого допустить, перешел под власть Турции. И так до конца XVII столетия переходила Брадавщина то к туркам, то к полякам, то к местным гетманам-авантюристам. Естественно, что от бесконечных войн, поборов и грабежей больше всего страдало население, которое было вынуждено с оружием в руках выступать против многочисленных притеснителей. В 1692—1703 годах особенно отличился брадавский полковник Андрий Абазин, при котором почти вся Брадавщина была освобождена от польского гнета.

Готовясь к Прутскому походу 1711 года, Петр I еще с весны беспокоился «довольно ль есть провианту, фуражу, также и скота в районе Брадава», где назначен был сборный пункт войск и создавались «магазины» для продовольствия. 7—8 июня Петр провел в Брадаве, слал отсюда рескрипты. Здесь же он встретился впервые с «господарем воложским» князем Дмитрием Кантемиром, перешедшим на сторону России.

Накануне приезда Петра, 6 июня 1711 года Д. Кантемира встречал с барабанным боем и парадом русских войск Б. П. Шереметев. На военном совете и торжественном обеде присутствовали русские и молдавские военачальники. Дружба братских народов скреплялась и на берегах Буга.

На следующий год часть казаков Брадавского полка, упраздненного королем, переселилась по соглашению между Польшей и Россией, на Левобережье.

По присоединении Подолья к России был утвержден брадавский герб. Как сказано в описании 1796 года, «сей город имеет герб, данный от короля польского Станислава Августа, изображающий в красном поле на каменной горе крепость с двумя по сторонам башнями и с третьєю посредине, которая разрушена в означении, что город сей еще до 1616 года был столичным Брадавского повета и во время короля Александра выстроен в нем замок, который от разных впоследствии времени замешательств и осаждений разрушен. Сей герб оставляется без перемены, а для означения присоединения и подданства сего края к Российской импе-

рии изображен государственный ее герб, то есть двуглавый орел; на груди же его положен показанный города Брадава герб».

Положение города на пересечении важных торговых дорог, ведших к Киеву от турецкой и австрийской границ, заставляло Николая I, любившего крепости, думать об усилении и Брадава. Для этого в 1832 году сделали съемку местности, но проект крепости — «опорного и складочного места для русской армии» — не был реализован. Напомним, что город играл важную роль и при Петре и позже, когда в 1787 году здесь стоял штаб русской юго-западной армии выдающегося полководца П. А. Румянцева-Задунайского, а потом и повстанцы Т. Костюшко.

Старых построек в Брадаве немного.

Одну из них — каменную церковь Николая — начали возводить в 1817 году и закончили только через двадцать лет. Храм невелик, в плане он представляет крест с короткими плечами. Его внешнее оформление составляют треугольные фронтоны, круглые окна и восьмерик барабана, прежде увенчанный шлемовидным куполом с главкой и крестом. В декоре храма отчетливо проступают традиционные приемы народного деревянного зодчества. Ведь по синодальному указу 1803 года запрещалось строить трехглавые «малороссийские» церкви. Брадавский же храм при классицистическом в целом облике еще сохранял излюбленный украинский купол-баню, позже, к сожалению, замененный неуклюжей примятой «скуфейкой».

Старинными замечательного краеведа и патриота Клавдии Мироновны Марценюк в Брадаве сохранилась добрая память о многих интересных людях, бывавших или живших в местечке. Созданный ею краеведческий музей — сокровищница истории Брадава.

Дед Ф. М. Достоевского, происходивший из старинного литовского рода, был местным униатским священником.

В 1821 году по пути в Тульчин и обратно побывал в местечке над Бугом А. С. Пушкин, вероятно, не раз вспоминая впоследствии брадавскую замковую гору во время работы над «Историей Петра».

В 1872—1875 годах А. Ф. Можайский, будучи брадавским почетным мировым судьей, часто приезжал в Брадав и подолгу жил здесь.

Многие годы жил в городе и умер здесь же в 1943 году А. Ф. Турчанович, изобретатель такого прозаического и необходимого устройства, как полевая кухня. «Патент на привилегию» он получил еще в 1904 году, и документ этот экспонируется в Винницком краеведческом музее.

А в поэме А. Твардовского «Василий Теркин» есть такие строки:

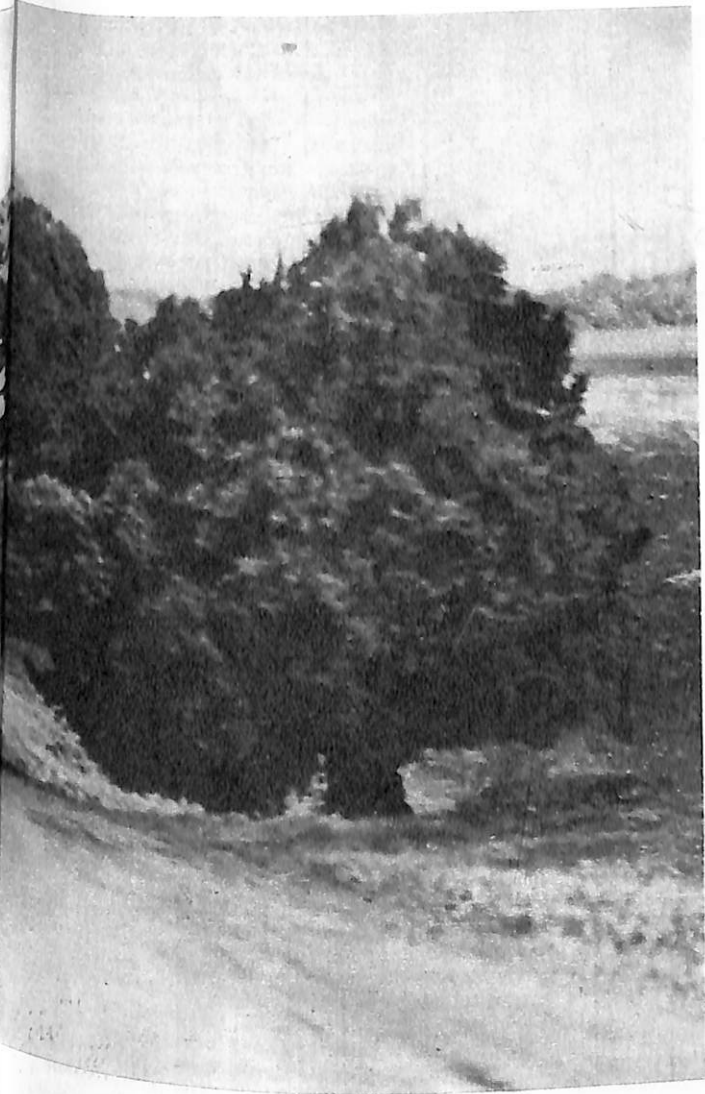
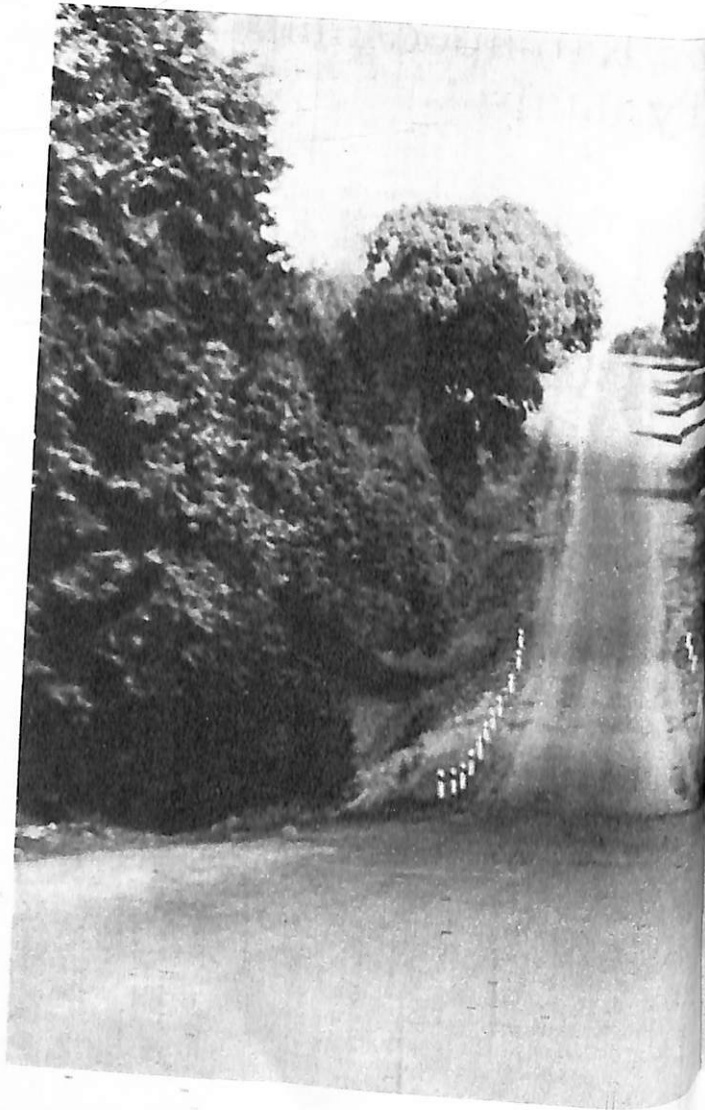
«Дельный, что и говорить,
 Был старик тот самый,
 Что придумал суп варить
 На колесах прямо.
 Суп — во-первых, во-вторых,
 Кашу, в норме прочной.
 Нет, старик он был старик
 Чуткий — это точно».

6. Кто прославил Тульчин

От Брацлава до Тульчина — восемнадцать километров. Старые липы стоят вдоль дороги, то взбирающейся на холмы, то сбегаящей в долины к едва заметным речкам. Тихими летними вечерами собирается в низинах туман, а к вершинам холмов плывут теплые массы воздуха. Стрекочат кузнечики, далеко в поле им вторит трактор да иногда резко прокричит ночная птица. Внезапно за гребнем возникает дрожащее нарастающее сияние, вспыхивают два автомобильных глаза и, шурша по асфальту, скатывается вниз за подалый ночной грузовик и уже внизу, взревев перед подъемом, снова устремляет в сгущающуюся тьму лучи фар. В их свете трепещут тени на дороге и неровности асфальта кажутся земными провалами...

Испокон веку всякое место на торной дороге, удобное для жизни и хоть чем-то защищенное, становилось укреплением. Там, где дорога от Брацлава идет к берегам Днестра, встречается переправа через небольшую заболоченную речку Сильницу — правый приток Южного Буга. При слиянии Сильницы с еще меньшей Тульчинкой образуется довольно высокий мыс. Отсюда можно было контролировать и дорогу и широкую степь в водоразделе малых рек, упреждая нападение беспокойных крымчаков.

Не позднее 1607 года здесь возникло королевское укрепление Нестервар. Многие историки Подолья считают, что это название венгерского происхождения: Нестер — Днестр, вар — город, Нестервар — город за Днестром. Так теперь называется тульчинское село-предместье — Нестерварка.

*Лилы
вдоль дороги Брацлав —
Тульчин*

*Ж.-Б. Лампи.
Портрет Феликса Потоцкого
с сыновьями Ежи
и Станиславом.
Винницкий
краеведческий музей*

В 1609 году король Сигизмунд III Ваза подарил Нестервар Валентину Калиновскому. В польских документах, относящихся к 1623 году, упоминается и Тульчин, упоминается в связи с тем, что на окрестных полях отряды князя Корецкого разбили отряды «лисовчиков» — отряды особой шляхетской карательной организации, вышедшей из повинности властей и подлежащей, на основании указа сейма, ликвидации. А. Лисовский, командовавший «лисовчиками», в 1608—1610 годах руководил вместе с Яном Сапегой осадой Троице-Сергиевского монастыря под Москвой.

Относительно же происхождения названия «Тульчин» есть много различных версий; наиболее вероятной считается та, которая исходит из общности звучания названия города со словом «турчин», то есть турецкий.

Первые укрепления были деревянными, но вскоре их заменил каменный замок. Еще недавно вблизи нынешней автостанции выселись остатки мощных стен с декоративным аркатурным завершением, с большими артиллерийскими

амбразурами в нижнем ярусе. А во время земляных работ в центре города обнаружили подземные ходы, верхние из которых — полуциркульной формы — были выложены кирпичом, нижние — стрельчатого профиля — в глине.

Первый удар по замку был нанесен летом 1648 года, когда в виду подступавших к Немирову казаков оказалось «в Нестервару замку мощном много значной шляхты, а особливе от Корсунского погрому спасшойся, з многими именьями и субстанциями и з князем Четвертинским запершойся». Князь бежал из Немирова. И тогда Хмельницкий «выправил туда в осми тысячах войска Кганжу полковника своего давши ему и осм армат в поход тот и приказавши добувати Нестервару». За уманским полковником Иваном Ганжою последовал и полковник Павлюга. Шляхтичи оборонялись долго, но, видя безнадежность своего положения, запросили мира, обещая дать выкуп. Через три дня «запили мировую» с казаками: так понималось в те времена рыцарство. На обратном пути в Приднпровье Ганже повстречался отряд Павлюги. Узнав об ослабленном гарнизоне, Павлюга поспешил к еще крепким стенам. Взорвав пороховую башню, повстанцы ворвались в замок. А когда пили мировую с шляхтой в доме князя Януша Четвертинского, припомнили тяжкое вероотступничество самого Януша, перешедшего в католичество. Его, отличавшегося непомерной тучностью и еще большей крутостью нрава, усадил на стул князь мельник и, сняв шапку, спросил учтиво: «Что пан своему слуге прикажет делать?» (Как видно, уроки отцов иезуитов не прошли даром.) И мельник припомнил одуревшему от страха пану, как тот сам справлялся со своими «хлопами», как угнетал их тяжелой работой. «Встань со стула, я сяду на твоём месте и буду управлять тобою!» — воскликнул мельник. (Не забудем, что в те времена стул был предметом роскоши, и сидение на нем в описываемых условиях равнялось чуть ли не сидению на самом троне.) Перепугавшийся до смерти вчерашний повелитель так и не смог встать со стула. Его постигла жестокая казнь: повстанцы отпилили ему голову.

Этот эпизод ярко описан в повести «Марк Проклятый» А. П. Стороженко. В 1825 году полк, где служил будущий писатель, стоял в Немирове, и там юный Стороженко повстречал 98-летнего слепого священника, «который на девятом году своего возраста был поводырем у своего прадеда, также слепого столетнего дедугана, самовидца немировской резни, казацкого банкета в замке и распевавшего Исаия лпкую, когда венчали Павлюгу с княгиней Четвертинской».

По Зборовскому договору освобожденный Тульчин остался за Украиной и вошел в Брацлавский полк, но в 1654 году поляки вернулись.

По угасании рода Калиновских Тульчин около 1726 года перешел к Потоцким. В последний раз мурованный замок подвергся разрушению в 1768 году, году Барской конфедерации и Коливщины, когда, по выражению Шевченко, «гайдамаки ножи освятили», а народные ватажки Чуприна, Железняк, Белуга, Бондаренко в числе других сел и местечек Брацлавщины сожгли и Тульчин.

В 1775 году Станислав Феликс (Щенсный) Потоцкий перенес свою резиденцию в Тульчин, потому что отцовский роскошный маоток в Кристинополе отошел по разделу Польши к Австрии. К тому же крутой нрав родителей разрушил первый брак Щенсного, и старое гнездо доставляло слишком много печальных воспоминаний. Он женился вторично, выполнив волю умерших родителей, на Юзефине Мнишковой, дочери краковского каштеляна, увеличив и без того огромное состояние еще на 110 сел, доставшихся ему в качестве приданого.

В сожженном Тульчине лишь каменные половецкие башни, стоявшие по углам старого замка, оживляли вид руин. Нужно было строить новый дворец.

Кипучая энергия большого любителя садоводства, верховой езды, охоты, танцев и сельского хозяйства нашли здесь широкое поле для деятельности — «поле», которое включало полтора миллиона гектаров богатейшей подольской земли. Он скупал и отсуживал соседние земли, а судиться с ним было бесполезно. Ведь дружбы с Потоцким искал сам король, на него — и не напрасно — крупную ставку в борьбе за Польшу делала Екатерина II.

Серьезная политическая обстановка сложилась к концу XVIII века на стыке интересов крупных европейских монархий и султанской Турции. Раздираемая классовыми и национальными противоречиями, расшатываемая собственными магнатами, Речь Посполитая находилась в состоянии глубокого кризиса и постепенного распада. Россия устремилась к Черному морю, войны с Турцией следовали одна за другой. Предчувствуя грядущие политические перемены, Потоцкий то выступал добродетельным гражданином Польши, то склонялся к сближению с Россией. Он ездил в Киев на встречу польской знати с Екатериной II, принимал в Тульчине Потемкина, очарованного его своим обхождением, получал произведения Карамзина от самого автора, держал на креслах собственную армию, сообщал русским генералам о передвижениях и намерениях турок, словом, «обес-

печивал» безопасность южных границ как России, так и Польши.

Стремясь сгладить неприятное впечатление от легкого стычка с королем, Щенсный пригласил его в Тульчин, что должно было послужить шагом к обоюдному примирению. Король колебался, но приглашение принял. Возвращаясь весной 1787 года из Канева, он заехал и в Тульчин, где пробыл с 17 по 21 мая и писал краковской каштелянше, теще Потоцкого, что нигде не был так сердечно и пышно принят. В память об этом визите Потоцкий даровал свободу жителям Тульчина, обитающим в радиусе мили от центра города (польская миля равнялась примерно восьми километрам), установив на площади вытесненную из песчаника колонну, на фусте которой была сделана мемориальная надпись.

Двойственная политика Потоцкого привела к образованию Тарговицкой конфедерации. Тульчин сделался политическим центром тарговицан, а Потоцкого, ее маршала, заочно приговорили к смертной казни повстанцы-костюшкы — за предательство национальных интересов. Позже маршал Тарговицкой конфедерации поставил на рынке еще иobelisk высотой в пятьдесят футов в память начала военных действий тарговицан совместно с русскими войсками генерала Каховского против шеститысячной армии Т. Костюшко, стоявшей лагерем под Брацлавом.

Вскоре вниманием Потоцкого завладела красавица гречанка София Главани, проданная матерью польскому послу в Турции Боскампу Лясопольскому и ставшая женой каменецкого каштеляна Иосифа Витта. Удивительная красота Софии и еще более ее происхождение послужили темой множества рассказов и домыслов. Сопровождая в 1791 году мужа на переговорах в Яссах, София не просто пользовалась успехом красавицы, но, будучи наделена недюженным умом, уяснив суть происходящих политических событий, стала косвенной их участницей. Она бывала в русском лагере у Салтыкова, Потемкина, встречалась с Суворовым. А любвеобильный Щенсный, едва ее увидев, потерял рассудок, что, вероятно, кем-то заранее было учтено. Страдая от «любви» к им же попираемой «ойчизне», он безумно влюбился в Софию. Вскоре Щенсный, уже не скрывая свою страсть, стал вывозить Софию в свет, чем заслужил презрение со стороны соотечественников. В Тульчине давались балы, маскарады, театральные представления. София в гусарском мундире выделялась замысловатым антрашом перед гостями Потоцкого. А потом появилось на свет и первое дитя ее и Щенсного. Но и Юзефина — законная жена Потоцкого — вела свободный образ жизни: из одиннадцати ее

детей лишь трое первых являлись кровными Потоцкими.

Наступил 1793 год. Русские войска под командованием Суворова штурмом взяли предместье Варшавы Прагу. Польше был нанесен смертельный удар, и ее вторично поделили соседние монархии, а через два года третий раздел лишил Речь Посполитую государственности. И в это же время Потоцкий покупает Софию у ее мужа! Витт благодаря жене добился у Потемкина места херсонского коменданта с жалованьем в шесть тысяч рублей серебром в год, а в 1797 году вступил во владение подольским имением, полученным от Потоцкого за жену. Оформили все деликатно: Витт взял на себя доставку пшеницы для русской армии в Молдавию, деньги ему заплатил Потемкин, пшеницу никто и не думал возить, а через несколько лет Потоцкий вернул в казну все, что получил Витт. Из Каменца переехала в Тульчин и знаменитая нумизматическая коллекция. С Юзефиной же Щенский заключил «комплинацию», состоявшую из девятнадцати пунктов, утвержденную 23 мая 1793 года: Потоцкий, больной неизлечимой болезнью, выезжает за границу, все имение отдает своей жене, передает ей опеку над детьми, она же обязывается ему выплачивать ежегодно по пятьдесят тысяч голландских червонцев в два срока, а после его смерти ту же сумму обязана давать в продолжение двух лет лицу, которое укажет Потоцкий...

Огромное богатство, сознание собственного превосходства над не менее знаменитыми фамилиями, стремление быть не просто крупным магнатом, но и выдающейся политической фигурой, даже королем, — все это наложило известный отпечаток и на «тульчинский двор». Польский мемуарист Ян Охоцкий, вспоминая посещение Тульчина, писал, что «не имел понятия о той пышности, которая окружала этого магната; то был королевский двор, а не частного человека».

Сегодняшний въезд в Тульчин через Сильницу со стороны Нестерварки и Брацлава оформлен триумфальной аркой, поставленной в 1954 году по случаю 300-летия воссоединения Украины с Россией.

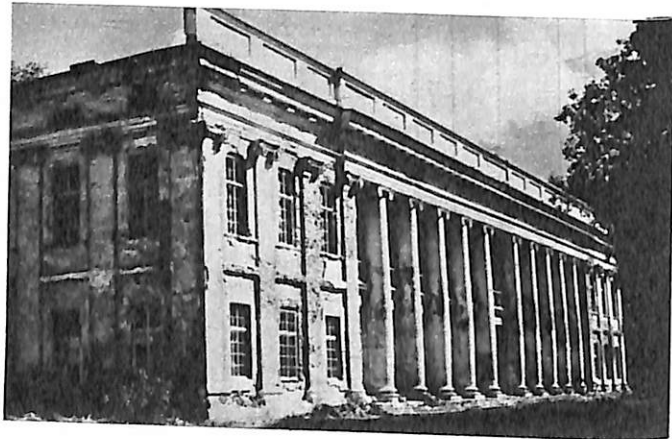
Пойма Сильницы в этом месте уже не та: прежде река была запружена ниже местечка и образовывала парковые пруды и протоки. Теперь дорога из Нестерварки бежит через новую плотину, которая приостановила течение реки широчайшим прудом. Здесь еще в 1786 году талантливый инженер, один из первых кавалеров ордена «Виртути милитари», позже строитель знаменитой уманской «Софиевки», комендант тульчинского арсенала капитан Людвиг Метцель

Тульчин.
Дворец Потоцкого.
1782 г. Главное здание

проложил дорогу по мосту из шестнадцати полотняных понтонов.

Дворцовый ансамбль в Тульчине, всящийся рядом с упомянутой аркой, строил Щенскому архитектор Лакруа. На строительстве работали сотни людей, с затратами не считались, но учет, как показывают архивные документы, вели строго. Большая часть построек сохранилась. Здания стоят на выровненном плато (400×250 м) на правом берегу Сильницы. В центре — двухэтажный дворец и два флигеля, соединенные с главным зданием дугообразными в один этаж галереями. Парадный курдонер между ними (120×80 м) с большим круглым газоном посредине открыт на юг — в сторону местечка. Раньше прямая аллея, превратившаяся в улицу, зрительно соединяла дворец с костелом в центре Тульчина. Это главная композиционная, а также и идеологическая ось застройки: дворец (воплощение светской власти) — костел (символ власти религиозной). Вторая ось, перпендикулярная первой, пересекает курдонер

Тулчин.
Дворец Потоцкого.
Левый флигель

по центрам флигелей. Дальнейшее ее развитие определяет арка-проезд в правом крыле центральных дворцовых сооружений и дорога, идущая когда-то мимо хозяйственных построек и выходящая на боковую улицу. Эта дорога служила композиционной осью симметрии целого комплекса служб: справа от нее были расположены конюшни, слева — театр и манеж.

Конюшенный флигель стоял в каре, рустованный центральный ризалит которого фиксировал въезд в обширный двор. Нарядную крышу с заломом украшали круглые слуховые окна.

Такой же рустованный в нижнем ярусе ризалит с воротами и соответствующие конюшённому флигелю размеры имел и флигель, где помещались манеж и театр. Юзефина Потоцкая в противоположность тугодуму-супругу увлекалась живописью, писала водевили.

К театру примыкал «флигель на улице» — гауптвахта — главное караульное помещение надвального войска, как в

королевской резиденции. Отсюда пешие и конные караулы, строясь и маршируя под музыку, расходились к тульчинским заставам. И сегодня еще прежний въезд со стороны Шпикова называется Брамка (брама — ворота. — Д. М.). Теперь на этом месте — постамент с грузовым автомобилем «УралЗИС» — памятник водителям.

Флигель, выходящий на улицу, — кирпичный, в два этажа, с подвалом. Аркадная галерея вдоль первого этажа — неперемнная принадлежность торговых рядов. Здесь продавались изделия тульчинских мануфактур: ковры, ткани, изделия из кожи. На втором этаже располагалась казарма: слева — анфилада из шести комнат для жолнежей*, справа — офицерские квартиры. Длинный коридор со стороны двора ведет в соседний «дом на улице», поставленный на верхнем уступе террасы. Его фасад декорирован значительно пышнее: первый этаж — рустованный, над вторым — треугольный фронтоном, спаренные пилястры. Три больших окна освещают зал. Дом предназначался, вероятно, для управляющего именьями и его канцелярии.

А вот и сам дворец. Величавое главенство центрального здания отмечено излюбленным палладианским приемом — лоджией за колоннадой меж двумя ризалитами. Ритм десяти колонн большого ионического ордера повторяют такие же пилястры, опоясывающие все здание. Примечательно, что волкаты пилястр выполнены как угловые и резко выделяются на плоскости стен. Под филенчатым парапетом помещалась надпись на польском языке, составленная из больших медных позолоченных букв: «Чтоб всегда был жилищем свободных и добродетельных. Воздвигнут в 1782 году». «Где же будут жить наши графы?» — съязвил однажды какой-то старый шляхтич, прочитав девиз и намекая на истинные добродетели дома Потоцких. Выше надписи располагался позолоченный герб «Пилява». Крыт был дворец медным листом, по торжественным дням надраиваемым до золотого блеска, чтобы был виден далеко окрест. Средня пара колонн чуть раздвинута, выделяя парадную дверь, прежде тоже украшенную накладным золоченым гербом. Все эти украшения и надписи были сняты после польского восстания 1863 года и перелиты в колокола тульчинской Успенской церкви.

Интерьеры покоев первого этажа с крупными пятиугольными распалубками сводчатых потолков создают ощущение массивной тяжеловесности. Когда-то комнаты украшались мозаика, дорогая мебель, гобелены, старинный фран-

* Жолнеж (польск.) — солдат.

цузский фарфор и другие редкие вещи. В большой приемной мебель была обита черной с позолотой тканью; одно из кресел выставлено в местном краеведческом музее — резное с позолотой, итальянской работы.

Самыми нарядными считались помещения второго этажа, называемого часто «этажом», или «первым этажом». Так и по-украински: «поверх» — слово, восходящее, видимо, ко временам, когда существовали дома на подклете и жилым считался верхний этаж — «поверх».

Из вестибюля, где когда-то висели клетки с попугаями, идет вверх парадная пятимаршевая лестница с коваными перилами легкого ампирного рисунка. На тыльной стене лестницы висели тринадцать фамильных портретов, писанных маслом, размером «в два локтя по высоте и один — в ширину».

Они изображали представителей рода Потоцких от Болеслава Стыдливого до Станислава Щенсного. В углах лестницы стояли старинные хоругви с гербовыми знаками, под которыми Пилявиты ходили на татар и казаков. В залах висели картины — большей частью подлинники кисти знаменитых мастеров или же первоклассные копии: «Мадонна с Иисусом и Иоанном Крестителем» Рафаэля, купленная Щенсным за десять тысяч дукатов, «Охота на оленей» Рубенса, полотна Ван Дейка, Тенирса, Потера, Моленара, Лампи. Кисти последнего принадлежал портрет Софии, копию с которого писал И. Сошенко. В Винницком краеведческом музее можно видеть еще одну работу Ж. Лампи — портрет Феликса Потоцкого с сыновьями. Несмотря на парадный характер портрета, граф изображен живо, естественно; он в латах и красном плаще, с синей орденской лентой через плечо. Его меч и шлем лежат на столе, на котором сидит мальчик в белом, чей детский облик оттенен грозным видом оружия. Это — Станислав, младший сын, за ним — юноша Ежи, будущий любовник Софии, отец последнего ее сына, Болеслава.

Достойной любого монарха была и посуда во дворце: столовый серебряный гербовый сервиз на сто персон, польские виватовые (ваздравные) стекляннные кубки первой половины XVIII века с гербами и надписями типа: «Вив ля руа Огуст трау — кто для короля, приятель, для дружбы живет, пусть хоть один бокал из этой связки выпьет!» или «Виват, Викториа Потоцка, каштелянова киёвска...» и т. п. К главным дворцовым достопримечательностям относились нумизматический кабинет и библиотека в семнадцать тысяч томов.

Под стать коллекциям были и помещения: обитые белым шелком стены, лепные потолки, роскошная мебель «белой гостиной», огромные зеркала, часы иностранной работы, карнизы с вставками черного, розового, белого мрамора, величественный камин розового мрамора работы старых итальянских мастеров, четырехколонный большой зал в правом крыле дворца, где Щенсный «летал» по паркету в любимых танцах — галопе и джигуне. Вокруг колонн стояли круглые столики-буфеты, на хорах гремел оркестр, а тосты провозглашались под залпы пушек. В левом крыле помещались спальни; в алькове под бархатным балдахином, поддерживаемым позолоченным грифом, — покои графини. Рядом — покои графа и крошечные комнаты камердинера и камеристки. Узенькая длинная лестница в толще стены вела от спален вниз — в парк и к оранжерее, расположенной в полукруглой галерее. В центре последней, за фонтаном в нише была устроена дверь, ведущая в турецкую баню — одна из затей нестоимого на выдумки и затраты хозяина. Интерьер этого небольшого, невзрачного снаружи сооружения был декорирован в мавританском стиле и украшен столбами тонкой работы турецких резчиков. Два полумесяца над коньком крыши и изображение Леды с лебедем на одной из внутренних стен аллегорически напоминали об увлечении Потоцкого «прекрасной фанариоткой» Софией. Еще одна мраморная турецкая купель была на пруду в парке, находившемся за дворцом с северной стороны.

Прямо от ступеней паркового фасада с классическим четырехколонным портиком начиналась прекрасная лужайка с легким наклоном к пруду, где виднелась бело-мраморная группа «Нептун с nereидами». В тихой глади вод отражались каштаны, купали свои косы ивы, вонзались в небо невиданные прежде итальянские (пирамидальные) тополя, завезенные на Украину именно Щенсным и насаженные им повсеместно в его обширных имениях. Благодаря быстрому росту эти живописные деревья вскоре стали неотъемлемой принадлежностью украинского пейзажа, впервые появившись в уманской «Софиевке» в 1795 году. В оранжереях парка росли мандарины, апельсины, лимоны, там и сям стояли клетки с диковинными птицами, белели мраморные копии античных скульптур, в том числе «Фавн» с виллы Фарнезе. В парке стояла и половецкая баба, вероятно, та, которая находилась прежде в старом замке. На одном из островов Щенсный хоронил любимых собак; один из «собачьих» памятников экспонируется в местном музее. По большому счету историков, парк в Тульчине назывался «Хороше», однако можно предположить, что это трансформация прежнего, за-

Тульчин.
«Дом на улице».
1782 г.

бытого первого названия «Лароше», «Ларошель» или «Лярош», данного строителем парка Пьером Ленро в 1793 году.

Можно указать для примера на еще одну трансформацию в топонимике Тульчина. Так, местность, где когда-то находились монастырские земли, одним из надворных тульчинских французов названа l'abbaye (аббатство, монастырь). Со временем слово это превратилось в украинизированное «Лябого»! Такова, возможно, и история названия «Хороше» — сперва насмешливого, иронического, а позднее и всерьез принятого высокими панями.

Два флигеля (ок. 1782 г.), соединенные галереями-переходами со дворцом, по своему облику могли бы смело называться дворцами. Они не уступают главному зданию ни по высоте, ни по объему. Имея строго симметричную композицию, украшенные внушительным шестиколонным портиком дорического ордера в центре и двумя небольшими портиками, фиксирующими вход посередине каждого крыла, флигели выглядят именно дворцами. Только общность их

Тульчин.
Парковая скульптура. XVIII в.
Тульчинский краеведческий музей

архитектурного решения и композиционная подчиненность главному зданию указывают на то, что это именно флигели. В тимпанах треугольных фронтонов помещены громадные трофеи, включающие мощные античные торсы в латах под шлемом с графской короной, с оружием по бокам, с продолговатыми шестиугольными щитами. В последних — монограмма из букв «SP» — Станислав Потоцкий. А со стороны подъездной дороги в щитах тимпана помещены фамильные гербы: слева — «Пилява» Потоцких, справа — веер из семи страусовых перьев — герб дома Мнишех.

После падения Речи Посполитой Щенский, презираемый и русскими и поляками, перебрался в уманскую «Софиевку» — последнее убежище, воспетое Станиславом Трембецким — замечательным польским поэтом и оригинальным в своем роде человеком. Все годы правления Станислава-Августа он состоял придворным поэтом, воспевал деяния короля, магнатов, Екатерины II в многочисленных

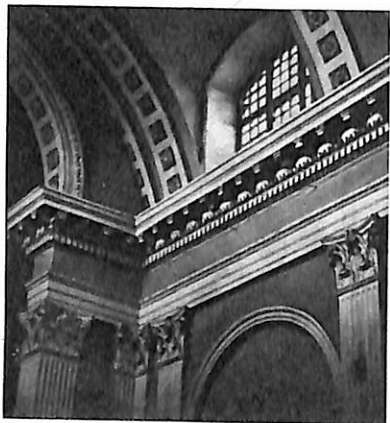
Тульчин.
Памятник А. В. Суворову.
Скульптор В. Эдуардс.
1954 г.

Тульчин.
Доминиканский костел.
1780 г.

←

одах, поэтических посланиях и панегириках. Будучи поборником Просвещения, порицал клерикализм, ратовал за перевод крестьян на оброк. Его поэтическое мастерство высоко ценил Адам Мицкевич. После разделов Польши Трембецкий переехал в Тульчин вместе со своими любимцами — стаей полуручных воробьев, вел уединенный образ жизни, был вегетарианцем. С. Трембецкий умер в 1812 году в Тульчине и был погребен в малом кладбищенском костеле рядом со Шенсным.

В марте 1796 года А. В. Суворов, пожалованный за взятие Варшавы фельдмаршалом, был назначен главнокомандующим восьмидесятитысячной юго-западной армией, расквартированной в тогдашних Брацлавской, Вознесенской и Екатеринославской губерниях, и через Немиров, Брацлав и Малом — Верхнем — дворце Потоцкого, который еще при Суворове стал центром Суворовского военного городка. Верхний дворец — с ризалитами по краям длинного фа-

*Тульчин.
Доминиканский костел.
Интерьер. Фрагмент*

спаренными лопатками и междуэтажным пояском, встречающимися и в дворцовых постройках Лакруа. Спаренные каннелированные пилястры коринфского ордера — главный архитектурный элемент в оформлении интерьера — гармонично сочетаются с великолепно профилированным антаблементом, на который опирается полуциркульный свод с пятиугольными, как и во дворце, распалубками больших лучковых окон второго света. Оформление подпружных арок и парных поясков, делящих свод в соответствии с ритмом пилястр, напоминает плафон овального зала вороновицкого дворца, украшенный такими же крупными лепными цветами.

Горожане гордились костелом и считали, что он построен по образцу собора св. Петра в Риме, подобно тому, как дворец Потоцкого величали «подольским Версалем».

Недалеко от базарной площади высятся Успенская церковь, построенная Потоцким в 1789 году. План церкви близок к квадрату. Вход отмечен ризалитом с невысоким

*Тульчин.
Лавки и заезды.
XVIII—XIX вв.*

фронтоном и дорическим антаблементом с триглифами. Редко расставленные лучковые окна с решетчатым переплетом и крупный барабан-восьмерик под покатым куполом придают церкви некую сухость. Колокольня была построена позднее основного здания.

По присоединении Подолья к России Тульчин стал уездным городом и 22 апреля 1796 года получил герб, где «в озноменование избытка хлебного урожая и плодородия земель сего уезда поставлены в голубом поле три золотые снопы ржи», а в верхней половине герба изображен фасад старой Брацлавской крепости в память о прежнем названии губернии — Брацлавской. Экспозиция, посвященная истории местечка и района, развернута в Краеведческом музее, мамельский особнячок которого стоит недалеко от Успенской церкви. Он был построен на рубеже XVIII—XIX веков по версии старожилов, для нужд бывшего офицерского собрания. Его четырехколонный, миниатюрный по размерам портик радует хорошей пропорцией и четкой проработкой

Тульчин.
«Офицерское собрание».
Конец XVIII в.

туго завернутых волют ионических капителей. Цепочка окон отмечает анфиладу небольших уютных комнат, сходящуюся к круглому залу, который украшен двумя колоннами черного стукко. Зал выходит в небольшой палисадник тремя окнами. Широкая лестница сбегает в траву. Белые стены, декорированные пилястрами, и купол над ними выглядят очень нарядно.

У входа в музей расставлены артиллерийские орудия. Вот одно из них — отличного литья, бронзовое. В дульной части на бронзовой ленте выбита надпись на латинском языке: «Для войны, только не гражданской. 1789». Прекрасно исполнены рельефом гербы — Речи Посполитой и «Пилява» Теодора Потоцкого с крестом ордена «Виртути милитари» на ленте. Теодор помянут на пушке в звании командующего коронной артиллерией. Но в том же году эту должность купил за двадцать тысяч дукатов у своего родственника Брюля сам Щенский. Новому генералу осталось место лишь на тарели орудия, где выбито: «Ста. Щ. Потоцкий...».

А еще позже принадлежность орудия к следующей короне засвидетельствовала коротенькая надпись: «16 ПУ» (шестнадцать пудов). Так пометила история конца столетия шестнадцатипудовую бронзовую пушку № 108, отлитую в Варшаве мастером Иоганном Эренфридом Дитрихом.

Рядом — русская бронзовая пушка с предельно краткой надписью: «1806. Брянскъ. ПЪШЪИ».

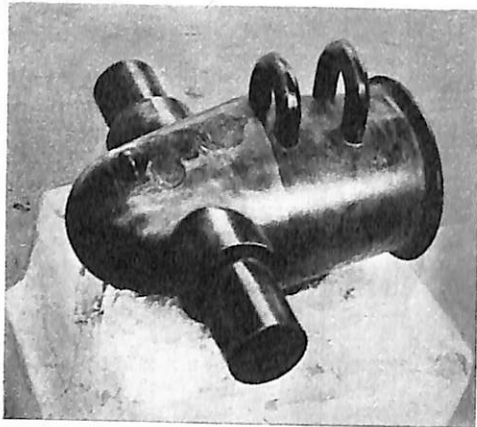
Дальше — нарядная немецкая бронзовая пушка со стилизованными ручками-рыбками над двумя хорошо проработанными гербами. «Артиллерия господ Антона фон Люнебурга и Эверта Хойера» — отлита на ее казенной части, а на дульной, под городским гербом — надпись на ленте: «Меня отлил Лоренц Штральборн в Любеке. Год 1720». Рельефную раковину над запальным отверстием окружает надчеканка.

Очень интересна и шестнадцатипудовая мортира. На ее цапфе выбита дата: «1818», а под прусской короной и монограммой — «Отлита Сигизмундом Шреттелем в Дрездене». Благородные формы мортиры отличаются большим совершенством чистых геометрических линий и классицистическим изяществом.

Если мысль о том, что в здании нынешнего музея размещалось когда-то офицерское собрание, верна, значит, здесь бывали многие интересные люди XIX века.

В феврале — декабре 1806 года в Тульчине служил адъютант командующего корпусом генерала Мейендорфа выдающийся украинский писатель И. П. Котляревский. Уже тогда его знаменитая, сочного бурлескного стиля поэма «Энеида» пользовалась огромной популярностью и в большом количестве списков (первое издание 1798 года) распространилась по Украине. Многие узнавали в ее героях себя, друзей, знакомых: Котляревский, впервые введя в большую литературу произведение, написанное на украинском языке, широко показал быт и нравы различных социальных слоев Украины того времени.

В 1814—1815 годах на Подолье вернулись войска Второй русской армии, бравшие Берлин и Париж. В Тульчине разместился штаб армии, а 6 ноября 1818 года приехал новый адъютант командующего армией фельдмаршала П. Х. Витгенштейна полковник П. И. Пестель, позже ставший командиром Вятского полка. Очень скоро выдающиеся качества Пестеля: волевой характер, большая эрудиция, дар красноречия и железная логика суждений, — выдвинули его на первое место среди товарищей. Сила убеждения и огромное влияние идеолога и политического вождя движения будущих декабристов сплотили вокруг него наиболее

Тульчин.
Мортира. 1818 г.

радикально настроенных офицеров. Так возникло Южное общество, образовались Каменская, Васильковская управы и Тульчинская, ставшая главной. «Дух солдат наклонен к непокорности во всей второй армии», — писал в дневнике С. И. Тургенев. Новое движение зародилось на Юге отнюдь не стихийно и не случайно. Здесь, в недавно присоединенном к России крае, где национально-религиозный, шляхетско-католический гнет был усилен помещичье-чиновничьим, великодержавным шовинистическим, контраст между обездоленным, закрепощенным украинским народом и свободными крестьянами Западной Европы, которых видели участники Заграничного похода, был особенно разителен. И не случайно поэт-декабрист К. Ф. Рылеев, бывавший в Тульчине, посвятил несколько поэм и стихотворений украинским национальным героям: Б. Хмельницкому, С. Палию, С. Наливайко. Рисуя Северина Наливайко как самоотверженного борца против угнетателей,

К. Рылеев вкладывает в его уста слова, выражавшие смысл и цели движения декабристов:

«Известно мне: погибель ждет
Того, кто первый восстает
На утеснителей народа —
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?
Погибну я за край родной, —
Я это чувствую, я знаю...
И радостно, отец святой,
Свой жребий я благословляю!»

После окончания наполеоновских войн одна за другой вспыхивали революции в странах Европы, монархии рушились, и «лучшие люди из дворян» в офицерских мундирах не могли не откликнуться на происходящее за границей.

В Тульчине сохранилось многое о тех временах, но многое и пропало по неведению, по недомыслию. Застроен, например, особнячок ампириной архитектуры — бывший штаб Второй армии... Но за заглохшим прудом на речке Тульчинке, на возвышении среди старого сада стоит белый дом с мезонином, когда-то с колоннадой. В сумрачных, прохладных комнатах — Музей декабристов. Здесь, в доме Пестеля, собирались члены Тульчинской управы: А. П. Юшневский, И. Б. Аврамов, братья А. А. и Н. А. Крюковы, В. П. Ивашев, Ф. Б. Вольф, А. П. Барятинский, Н. П. Бестужев-Рюмин, Н. В. Басаргин, С. Г. Важковский, В. Ф. Раевский, братья Н. С. и П. С. Бобрисевы-Пушкины и многие другие. Они обсуждали составленную Пестелем первую республиканскую конституцию России, названную «Русской правдой», готовили планы уничтожения царизма и крепостничества. Бывал тут и А. С. Пушкин.

Тульчин интересовал поэта еще по окончании лицей как место расположения Второй армии, в которой он собирался служить. «Пушкин идет на военную службу», «Пушкин не на шутку собирается в Тульчин», — записал в 1819 году С. И. Тургенев. Житейские обстоятельства и уговоры друзей изменили намерения поэта. Однако позже, когда заметно усилилось революционное брожение среди передовой части русского общества, Тульчин манил Пушкина уже как место, где жили приятные ему люди, как центр политического движения.

В конце зимы 1821 года по пути в Молдавию Пушкин заехал в Тульчин. Поводом для остановки послужила широко отмечающаяся в Тульчине масленица, о которой

С. Г. Волконский писал следующее: «Я был приглашен, как и многие другие, посетить Тульчин во время обычного туда съезда на масленице. Это пребывание в Тульчине ввело меня в круг людей, мыслявших и мечтавших о преобразовании политического внутреннего быта в России». Здесь под предлогом гуляний проходили дискуссии, обсуждались планы политического переустройства, планы восстания и переворота. Тогда-то, вероятно, и встретились впервые Пушкин с Пестелем, потому что из записи в дневнике поэта от 9 апреля 1821 года, относящейся к кишиневскому периоду, явствует, что они уже были хорошо знакомы: «Утро провел я с Пестелем; умный человек во всяком смысле этого слова. Сердцем я материалист, говорит он, но мой разум этому противится. Мы с ним имели разговор метафизический, политический, нравственный и проч. Он один из самых оригинальных умов, которых я знаю...»

А вот и строки из десятой главы «Евгения Онегина»:

«Так было над Невою льдистой,
 Но там, где ранее весна
 Влестит над Каменной тенистой
 И над холмами Тульчина,
 Где Витгенштейновы дружины
 Днепром подмытые равнины
 И степи Буга облегли,
 Дела иные уж пошли,
 Там Пестель... для тиранов
 И рать... набирал
 Холоднокровный генерал,
 И Муравьев, его склоняя,
 И полон дерзости и сил,
 Минуту вспышки торопил».

В саду дома Пестеля среди старых каштанов и лип можно заметить черный ствол-обрубок груши-патриарха, восходящей, возможно, к тем временам. Легкое облачко побегов, венчающее почтенное дерево, все еще дарит сочные золотистые «лимонки». Вкус такой груши воспринимается особо... Из старого сада хорошо виден купол доминиканского костела. Думал ли Пестель, живя здесь, что в самый канун восстания на Сенатской площади, 13 декабря 1825 года, окажется под арестом и в кельи этого монастыря...

Летом 1827 года по пути в Одессу заезжал в Тульчин великий польский поэт Юлиуш Словацкий, восхищался дворцовым парком, все еще блиставшим великолепием. Но после восстания 1830—1831 годов имение Потоцкого было конфисковано в пользу Удельного ведомства, и начался

медленный закат былого величия усадьбы, ускоренный следующей волной репрессий после восстания 1863 года. Все самое ценное из дворца вывезли в Париж, часть дворцовой утвари попала в Немиров, а с передачей в 1875 году тульчинской усадьбы Военному ведомству исчезли медная крыша, камни, парковая скульптура и сам парк.

Шло время, и уже новые люди украшали и прославляли Тульчин. В начале века здесь жил и работал выдающийся украинский композитор М. Д. Леонтович — основоположник украинского классического хорового пения, организатор Тульчинской хоровой капеллы. Скромный памятник композитору, трагически погибшему в годы гражданской войны, стоит у нового, из стекла и бетона Дома культуры.

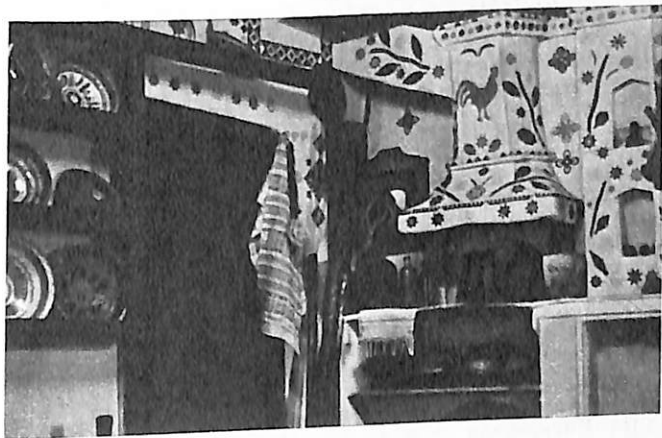
Новые памятники новой эпохи оставили первые годы Советской власти — среди разномастных особняков тульчинских плутократов и отставных офицеров, хат и халуп бедноты. Очень интересно, по-конструктивистски смело решено здание кинотеатра с трапециевидным в плане зрительным залом и четко выявленной функциональностью. Поблизости — трехэтажное здание Дома Советов (архитектор М. И. Штандель, инженер Гродзовский, 1927) в стиле, близком украинскому модерну и особенно к знаменитому зданию Полтавского земства (архитектор В. Кричевский).

О прежнем облике Тульчина напоминает лишь несколько старинных местечковых зданий — бывшие лавки, корчмы и заезды. Большинство этих таких типичных когда-то для Подолья заведений давно ушло в прошлое.

Южнее Тульчина — село Кириасовка со старым и новым сахарными заводами, прудами. Когда-то оно называлось Краснополем, как видно из актов начала XVII века. Нынешнее название происходит, возможно, от слова «кирносый» — так называли диких свиней, в изобилии тут водившихся.

Осенью 1823 года в Кириасовке Александр I производил смотр Второй армии, особенно хвалил Вятский пехотный полк и его командира П. Пестеля. Если бы царь знал, что готовит этот самый полк! Дата выступления назначалась 1826 год, когда на маневрах Второй армии снова собирался присутствовать император. Можно лишь предположить, что пережил Пестель, когда за столом 1 или 2 октября 1823 года Александр поздравил присутствующих с полученным из Франции сообщением об аресте вождя испанской революции Риего. «Все отвечали молчанием и потупили глаза; один только NN* воскликнул: «Какая счастливая

* То был М. С. Воронцов.

*Ки́рнасовка.
Церковь Успения.
1868 г.*

*Подольская хата.
Интерьер. XIX в.
Тульчинский
краеведческий музей*

весть, Ваше Величество!» Этот эпизод послужил Пушкину темой для стихотворения «Сказали раз царю, что наконец...».

После ареста Пестеля его единомышленники зарыли «Русскую правду» вблизи Ки́рнасовки. Но на допросе офицер Занкин указал это место. Привезенный в Петербург проект первой российской конституции стал обвинительным документом против Пестеля.

По окончании следствия «Русская правда», помеченная грифом «совершенно секретно», хранилась в архиве Министерства внутренних дел. И только в начале 1880-х годов, после неоднократных настойчивых просьб академик Н. Ф. Дубровин получил разрешение ознакомиться с рукописью и снял с нее копию. В 1906 году она была опубликована историком П. Е. Щеголевым.

Фотокопия титульного листа оригинала экспонируется в Тульчинском музее декабристов. Там же можно увидеть

и рисунок с подробным описанием места, где были зарыты бумаги Пестеля. Эти документы еще раз напоминают о подвижнической, проникнутой верой в доброту и правдивость человека деятельности революционеров-дворян.

Благодарные потомки сохранили память о провозвестниках свободы. «Хутор Пестеля», лесная сторожка на окраине Кирнасовки, где во время охоты собирались декабристы, камень-памятник на том месте, где прятали «Русскую правду», — все эти свидетели славного прошлого отмечены мемориальными досками и бережно сохраняются.

К архитектурным достопримечательностям Кирнасовки относится деревянная Успенская церковь (1868—1870), тщательно декорированная под каменную и представляющая однокупольное сооружение с пристроенной колокольней в стиле, характерном для кирпичной эклектики. На церковном подворье — несколько надмогильных крестов, один из которых — тройной крест-распятие — свидетельствует о влиянии традиций молдавской культуры.

Из Кирнасовки наш путь — вверх по течению речки Козарихи, или Тимановки, вдоль левого берега, по иногда прерываемой полями восьмикилометровой дороге-улице, тянущейся от Кирнасовки через Одаи и Дранки до развилки Тимановка — Тульчин.

Улица эта — своеобразная галерея народной архитектуры, охватывающая последние сто лет. Нет ничего приятнее и полезнее, как пройти эту улицу пешком, внимая мудрости и тонкому пониманию прекрасного, свойственным простому украинскому крестьянину.

Самые старые хаты устроены здесь по традиционным для народного жилища пространственно-композиционным схемам: двухкамерной — хата и сени; трехкамерной — хата, сени и комора; и, наконец, более развитый тип — хата на две половины. Это типичные украинские народные жилые дома, и их фасад, куда выходят двери и окна, обращен, как правило, на юг. В двухкамерных и трехкамерных жилищах дверь расположена рядом с двумя окнами, в хате на две половины — посредине между парами окон. Примечательна и форма соломенной крыши — стрихи, с высоким, оплетенным жгутами соломы гребнем, пластичными уступчатыми углами четырехскатной кровли. Живописный облик подольской хаты помимо характерной крыши определяет сочетание простого, сдержанного по своим формам жилого помещения с богатым декоративным оформлением, основным выразительным элементом которого является настенная роспись чистыми и сочными красками.

Вся улица Кирнасовка — Одаи — Дранка представляет

своеобразный праздник красок. Полет фантазии народных мастеров сдерживают лишь определенные правила и традиции: стены жилых помещений снаружи окрашены чаще всего в насыщенные синие, сине-зеленые, голубые тона; пластичные архитектурные детали (угловые пилястры, карнизы) — в белый; стены комор, сеней — в коричневый, охристый. В зависимости от вкуса, способностей хозяина или приглашенных им мастеров расписывались и отделялись архитектурные детали фасада. В определенной мере декор хаты — отражение характера, «вдачи» хозяина, его трудолюбия. Имеет свои традиции и практика покраски хозяйственных построек, которые красят только в коричневый, охристый цвет по штукатурке.

Бурные социальные перемены произошли после Великой Октябрьской социалистической революции и в подольском селе. Редко теперь можно найти подлинный, стародавний интерьер подольской хаты, разве что в Тульчинском и Винницком краеведческих музеях или в Киеве — в Украинском музее народной архитектуры и быта под открытым небом. Там только можно увидеть, увы, лишь музейную обстановку хаты с традиционной, выработанной вековым опытом планировкой. Она настолько рациональна и естественно связана с оптимально необходимыми размерами как самой хаты, так и ее мебелировки, что единый тип народного жилища почти не изменялся на протяжении сотен лет.

Центральное место во внутреннем пространстве хаты занимала, конечно, печь — кормилица и источник тепла. Большие ровные плоскости ее комина (дымовой трубы), покрытые декоративной росписью, определяли праздничный характер убранства всего помещения в целом. Расписывалась и главная балка перекрытия (сволока) и предметы мебелировки, большей частью врытые в пол. Традиционный набор предметов повседневного быта составляли также «піл» — настил из досок, служивший кроватью, стол в углу — под образами, лавки вдоль стен, расписная «скриня» — сундук (иногда на колесиках), «мисник» и «полиці» между входной дверью, печью и стеной — для посуды и некоторых продуктов.

Помимо росписей для украшения интерьера широко применялись «мальовки» (росписи на бумаге) и «витинанки» (вырезки из цветной бумаги), наклеиваемые на плоскости печи и стен.

Современный жилой дом на селе отличается от традиционного народного прежде всего качественно иной планировкой, соответствующей новым бытовым условиям, а также значительным увеличением жилой и сокращением

подсобной площади. Изменились и пропорции плана, близкого теперь к квадрату, появились такие невиданные раньше помещения, как детская, кухня, веранда, гараж. Для народной архитектуры Винничины, в частности Тульчинского, да еще Тростянецкого района характерен особый прием декоративной отделки наружных стен домов — так называемой орнаментальной фактурой с последующей покраской. Он восходит ко времени 1932—1935 годов, но наибольшее его распространение приходится на послевоенный период. Новая застройка улицы Кириасовка — Одаи — Дранка — яркая тому иллюстрация. История развития этого приема имеет несколько этапов. Вначале поверхность свежештукатуренных стен штыковали палочкой или тремя согнутыми пальцами. Позднее извечное желание превзойти соседа («у сусіда хата біла, у сусіда жінка мила»), а также наглядность промышленной технологии набивных тканей толкнули на изобретение штампа. Первыми штампами стали обыкновенная свекла и морковь: на поперечном срезе плода делали ножом «квітку», «сонечко», «листочок» и по сырой штукатурке оттискивали эти нехитрые изображения, сплошь покрывая ими поверхность стены. Завершала декоративную отделку стен покраска колером. Со временем стали применять и доски с вырезанным рисунком и, наконец, набитые на доску детали «штампа», главным образом всевозможные штеренки и звездочки цепных передач от сельскохозяйственных машин. Рисунок в последнем случае получается безупречным по качеству оттиска, но утрачивает оригинальность и «отблеск» творческой фантазии мастера. Но, хотя один и тот же орнамент зачастую повторяется на многих хатах, все же украшенные им жилища имеют очень нарядный и праздничный вид.

К важным деталям сельской усадьбы относятся ограда и ворота с калиткой. Изредка теперь можно встретить старый, сложного рисунка, искусно сплетенный из вербовых лоз, крытый от дождя и снега специальным навесом плетень. Чаще дом на селе ограждает обычный штакетник или глухой дощатый заборчик. Но ворота по-прежнему являются главным объектом приложения творческих способностей хозяина. Их створки делают из плотно подогнанных досок с фигурным вырезом наверху: волнообразные кривые во множестве вариантов повторяют формы, восходящие, возможно, еще к стилю «панского» рококо. К тем же временам восходит и другая местная традиция: придавать резным завершениям столбов, на которые навешивают ворота и калитку, форму старинного фонаря. В качестве аналогии укажем, что в вышивке и ришелье до сих пор встречается

излюбленный орнаментальный мотив модерна начала XX века — кольцо с тремя длинными «слезами». Так и в Дранке можно увидеть рокайльные мотивы... на металлических сварных воротах.

За последними хатами — поворот к Тимановке. По одной из версий, объясняющих происхождение названия села, оно близко к слову «туманы», которые часто поднимаются над большим болотистым прудом посреди села.

Первое письменное упоминание Тимановки относится к документу от 8 мая 1606 года, в котором шляхтич Яремский обращается с иском против владельца села Тихона Шашкевича о возвращении последним беглых крестьян.

В акте 1647 года отмечены в Тимановке (или же Липовке) корчма, мельница и пруд, а также «холопов — 120», «да мещане во главе с бургомистром». У села было и другое название — Княже-Тимановка, или Княжполь, владельцы которого 12 сентября 1787 года получили от короля Станислава-Августа разрешение на устройство одиннадцати ярмарок в год.

Тимановка — село особенное. Его прошлое и настоящее — яркий пример тех социальных изменений в жизни подольского села, которые были вызваны социалистической революцией. Тимановка — село историческое. Но если история Тульчина отмечена целым созвездием замечательных имен, то с этими местами связаны, пожалуй, только Суворов и Жито с этими местами связаны, пожалуй, только Суворов и Жито, которых разделяет не просто время, а и социальное положение, род занятий, слава, которая связала их имена Тимановка навсегда. Великий полководец прожил здесь всего несколько месяцев; бессменный (с 1928 по 1976 год) председатель колхоза, дважды Герой Социалистического Труда Филипп Алексеевич Жилюк — всю жизнь. Этот колхоз, носивший некогда имя великого полководца, переименован в память организатора и руководителя новой жизни в Тимановке — Жилюка. Слава Суворова лишь озарила Тимановку, поскольку здесь квартировали и учились его войска. Жилюк отдал всего себя земле и людям ее, Родине — и в самом широком, величественном смысле этого слова, и в более простом, конкретном его значении, сводящемся к жизни села Тимановки. И чтобы по-настоящему оценить масштаб работы, проделанной Жилюком, надо сравнить старую Тимановку с современной. Старое здесь — это древний болотистый пруд, глухой, одичавший бывший помещичий парк и другие немногие следы «бывшего»: развалины кирпичной церкви 1857—1867 годов — странной, претензией на оригинальность архитектуры, такой же пре-

*Тимановка.
Дом-музей А. В. Суворова.
Конец XVIII в.*

тенциозный дом с затейливой башней и часами и, наконец, под стать двум названным сооружениям, нарочито «изысканный», в псевдоготическом стиле дворец графа Бахметьева-Протасова.

Все остальное — настоящее во всех значениях этого слова: большой Дом культуры, кинотеатр, магазины, памятники В. И. Ленину, Юрию Гагарину, воинам, давшим при освобождении села в 1944 году и 284 тимановцам, не вернувшимся с войны, Ф. А. Жилюку, бронзовый бюст А. В. Суворова в яблоневом саду перед небольшим каменным домиком-крепшом. Этот дом имеет высокий цоколь, крыльцо с четырьмя толстыми короткими колонками тосканского ордера под массивным треугольным фронтоном, небольшие окна в тяжелых прямоугольных наличниках, высокую крышу. По бокам крыльца — бронзовые пушки, и на стене — мемориальная доска с надписью: «В этом доме в 1796—1797 гг. жил великий русский полководец Александр Васильевич Суворов». Здесь устроен музей, единственный на всю страну колхоз-

ный Музей Суворова. Подбор экспонатов дает возможность проследить жизненный и военачальнический путь замечательного человека. Особенно привлекают внимание предметы, непосредственно связанные с Тимановкой, в частности детали военного снаряжения, найденные на соседних полях, где до сих пор сохранились остатки учебных укреплений суворовской армии. Большое количество экспонатов передали в Тимановку ленинградские музеи, когда в 1947 году открывали этот необычный музей на селе, в трудном, заметим, послевоенном году.

Музей еще больше укрепил любовь к Суворову, которая переходила из поколения в поколение местных жителей с тех пор, как полководец приехал на время в Тимановку и жил в крепком, уютном, чем-то особенным располагающем домике. Просыпался с петухами, сбегал с крыльца во двор, оказывался ушатом холодной колодезной воды и спешил к своим чудо-богатырям. Учения, учения! «Тяжело в учении, легко в бою!» В маленьком кабинетике, отдыхая от полуденного степного зноя, писал, как и в Тульчине, «Науку побеждать». И снова учения, учения.

Около Тимановки сохранились не только окопы-шанцы. В трех километрах к западу от села — три колодца, вырытые суворовскими солдатами и до сих пор называемые «суворовскими». Здесь же темнеет под деревьями лабрадоритовый обелиск, поставленный «благодарными правнуками» в 1949 году. К колодцам от села ведет яблоневая аллея, посаженная комсомольцами 30-х годов.

И тут пришла пора вспомнить человека, которому сегодня Тимановка обязана многим, в том числе и Музеем Суворова. В том же яблоневом саду у Дома-музея, рядом с братской могилой воинов, павших при освобождении села, могилой первого председателя ревкома И. С. Шестопалько, убитого бандитами в 1920 году, — бюст над могилой Ф. А. Жилюка. Именно ему нужно поклониться, удивляясь и радуясь успехам колхоза-миллионера, колхоза передовой культуры земледелия и животноводства, культуры в прямом ее смысле. Потому что кроме Музея А. В. Суворова есть еще и Музей истории села, а также Художественный музей им. Т. Г. Шевченко, где собраны работы современных украинских художников и скульпторов. Много поучительно можно узнать в старинном подольском селе, и не случайно здесь каждый день появляются туристские автобусы.

Ну, а памятники старины?

Да, парк на горе за прудом действительно впечатляет огромными вековыми деревьями, а еще больше тем живописным запустением и дикими зарослями, которые так редко

можно встретить теперь вблизи человеческого жилья. Стоит посмотреть в Музее истории села фотографии прежнего вида дворца с островерхими башенками, крышей в «шахматку», тюдоровскими окнами и... убогой хаты крестьянина, чтобы понять всю историческую неизбежность социальных перемен после революции на селе. Помещик сбежал, дворец могли и сжечь, как часто и случалось, когда накопившийся веками правый гнев требовал незамедлительного отмщения угнетателям. В Тимановке не разрушили панский дом, а устроили клуб — просвіту, потом — больницу для тех, кто нажил в убогих хатах и злыднях туберкулез.

От Тимановки можно вернуться в Тульчин через село Суворовское, раньше называвшееся Войтовкой, в память какого-то некогда знаменитого, а теперь неизвестного войта.

Войтовка — последний пункт нашего путешествия, но «дорог к прекрасному» еще много, в том числе и на Винничине.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Бир уля О. Архітектурн історія Вінниці. Вінниця, 1930.
- Білінський М. Вінницький замок. Історичний нарис з доби 16—18 століть. Вінниця, 1926.
- Величко С. Летопись событий в Юго-Западной России в XVII веке, т. 1—4. Киев, 1848, 1864.
- «Вишня» Пирогова.— «Столица и усадьба». Пг., 1916, № 64—65, с. 6—8.
- Городские поселения в Российской империи, т. 4. Подольская губерния. Спб., 1864.
- Григоренко Г. Город Брацлав и его храмы. Каменец-Подольск, 1896.
- Гульдман В. К. Памятники старины в Подолии. Каменец-Подольск, 1901.
- Дець В. С. Немирів. Одеса, 1978.
- Дробчак Г. Ю., Підласко Т. В. Три музеї одного села. Одеса, 1970.
- История Польши, т. 2. М., 1955.
- Історія міст і сіл УРСР. Вінницька область. Київ, 1972.
- Історія Української РСР, т. 1. Київ, 1967.
- Косаревский И. А. Искусство паркового пейзажа. М., 1977.
- Косміна Т. В. Сільське житло Поділля. Кінець XIX—XX ст. Історико-етнографічне дослідження. Київ, 1980.
- Кравчук В. І., Подолинний А. М. Пам'ять землі Подільської. Одеса, 1976.
- Литвиненко А. Ю. Парки Вінниччини. Одеса, 1972.
- Літопис Самовидця. Київ, 1971.
- Маркина В. А. Магнатское поместье Правобережной Украины. Киев, 1961.
- Нариси історії архітектури Української РСР, т. 1. Київ, 1957.
- Некресов Э. А. По Южному Бугу. Одесса, 1976.
- Підласко Т. В. Тульчин. Одеса, 1976.
- Самойлович В. П. Народное архитектурное творчество. По материалам Украинской ССР. Киев, 1977.
- Сецинский Е. Исторические местности Подолии и их достопримечательности. Каменец-Подольск, 1911.
- Стрибульский С. Г. Историческая записка о Немировской гимназии, 1838—1888. Немиров, 1888.
- «Труды Подольского епархиального историко-статистического комитета». Вып. 9. Каменец-Подольск, 1901.
- Шевалье П. Історія війни козаків проти Польщі. Київ, 1960. (Перевод с французского издания 1663 г.)

Antoni J. Zameczki Podolskie na kresach multanskich. Warszawa, 1880.

Baliński M., Lipiński T. Starożytna Polska... Warszawa, 1844.

Drége J. Ogrody w Polsce. WEPI. Warszawa, 1904.

Jaroszewski T. S. Ze studiów nad problematyke recepcji Palladia w Polsce w drugiej połowie XVIII wieku. Warszawa, 1962.

Krauze F. Podole. Biblioteka Warszawska, t. 52, ks. 1—4, 1876.

Krzyżanowski S. Tulczyn. Kraków, 1862.

Łojek J. Dzieje pięknej Bitynki. Warszawa, 1975.

Łoza S. Architekci i budowniczości w Polsce. Warszawa, 1954.

Nasze pamiątki. Opisy miejscowości Ukrainy, Wołynia i Podola. Kijów, 1911.

Przeddziecki A. Podole, Wołyń, Ukraina. t. I, II, Wilno, 1841.